

Налл - 85!

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

11/2024

Дружба на возраст

В номере:

«ДРУЖБА НА ВЫРОСТ» — 2024

«Только детские книги читать...»

«Ну вот Грета Тунберг — она ли не литературный герой?..» — «Я когда-то читала, как дети, услышав, что они “гаранты будущего” переименовали “гарантов” в “гранаты”. ... Вот это действительно страшно, потому что посленас — наши дети». — «Не так давно в тренде были томные вампиры, потом гимназические антиутопии, и вот настал черёд корейских драконов и влюблённых в них студенток, потом будут клоны, снова вампиры, движение — жизнь. Почему люди с удовольствием читают эти книги?» — «Большая часть читателей подростковой литературы — взрослые люди».

Борис МИНАЕВ — Саша НИКОЛАЕНКО — Эдуард ВЕРКИН — Нина ДАШЕВСКАЯ — из выступлений на «круглом столе» о детях и подростках в современной детской и взрослой литературе.

«Осенний променад — проверка оптимизма»

За выбранный маршрут и настрой отвечают поэты из разных городов и весей.

«Стремительней птичьего свиста, / зеркального зренья верней / текучая крови ветвистость, / тягучая цепкость корней...» Стихи об Арсении Тарковском — в цикле о русских поэтах живущего в Липецке Константина КОМАРОВА.

Его и наши спутники — персонажи своеобразной портретной галереи, «открытие» которой состоялось в мартовском номере «ДН» за 2023 год.

«...я двадцать лет над детством трепещу / и тени исчезающих друзей / по стрелкам сохранившимся ищущу». Лаконичная и искренняя лирика молодой поэтессы из Уфы Мирославы БЕССОНОВОЙ утверждается на почве детства.

Продолжая строку про осенний променад, учитель и поэт из Смоленска Анастасия ТРИФОНОВА беспечной прогулки не обещает: «попробуй доберись до ближнего села / по краю вязкой колеи машинописной», но отчаиваться не стоит, ведь «если счастья нет, останется смиренность».

«Не позволяй траве расти на пути дружбы»

«Однажды после физры Катя прошипела змейским шёпотом: “У тебя и твоих братьев вообще нет ни матери, ни отца!” “Ты совсем чокнутая? Наша мама — известный доктор, она спасла тысячу людей. А книгу стихов нашего папы, так и быть, я тебе подарю, если будешь хорошо себя вести”. — “Я многое знаю про ваших маму и папу. Но этого говорить нельзя. Потому что ты и твои братья сразу умрёте от кошмара и ужаса”». Действие повести Ирины КРАЕВОЙ «Мама ангела» происходит в деревушке недалеко от Салоники, куда из Москвы прилетела на каникулы семья понтийских греков: три брата и сестра, у которых есть бабушка, заменившая им маму, и где-то на небесах папочка-ангел, который всегда приходит на помощь...

Летающее мгновение

«Почему дневник жизни ребенка интересен не только его родителям? Действует ли механизм узнавания? Или в частных событиях, запечатленных на бумаге, обнаруживается всеобщий смысл, которого не замечали в жизни? Но если дневник воспринимается как эссе, значит, жизнь ребенка, наша жизнь с ним — что-то вроде художественного произведения. И надо только услышать, записать, снять на видео летающее мгновение — журчащую речку слов, набежавшее облачко обиды, солнечный луч улыбки... Неужели это менее важно, чем наши взрослые дела?» — таков авторский посыл «Дневника немолодого отца», академика РАО Анатолия ЦИРУЛЬНИКОВА.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

11 '2024

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

***Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.***

***Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.***

***При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.***

Сдано в набор 20.09.2024.
Подписано в печать 22.10.2024.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Константин КОМАРОВ. Из цикла «Стихи о русских поэтах»	3
Александр ГРИНЕВСКИЙ. Хлябово. <i>Повесть</i>	9
Ирина КРАЕВА. Мама ангела. <i>Маленькая повесть</i>	48
Мирослава БЕССОНОВА. Спуск в тартарары. <i>Стихи</i>	71
Наталья БАКИРОВА. Концерт для комара с оркестром. <i>Повесть</i>	74
Елена САЛЬНИКОВА. Внезапная высота. <i>Стихи</i>	96
Полина МИХАЙЛОВА. Шрифт Брайля. <i>Рассказы</i>	99
Рузаль ФАИЗ. Прыгун. <i>Рассказ. С татарского. Перевод Гаухар Хасановой</i>	115
Анастасия ТРИФОНОВА. Пока мелодия тверда. <i>Стихи</i>	131
Марина ПЕРОВА. Ёлка. <i>Рассказ</i>	134
Вита ГРАДСКАЯ. Му-му и Ко-ко. <i>Рассказ</i>	148
Алёна ШВАРЁВА. Аля. <i>Рассказ</i>	156
Лилия КАМАЛЕТДИНОВА. Моменты нормальности. <i>Рассказ</i>	163
Никита СТАНКЕВИЧ. Любил далёкую звезду. <i>Стихи</i>	171

ДРУГАЯ ОПТИКА

Александр ЧАНЦЕВ. Запечатления	173
--------------------------------------	-----

ПРОЗА. ДОС

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ. Записки немолодого отца	183
---	-----

МАЛЕНЬКИМ КАРАНДАШОМ

Алексей АЛЁХИН. Варькин альбомчик	209
Яна УЛЬЯНОВА. Два рассказа	212
Людмила ПРОХОРОВА. Письмо из прошлого. <i>Рассказ</i>	216
Александр ПЯТКОВ. Первое марта. <i>Из книги «Махрам»</i>	219
Дмитрий ИСАКЖАНОВ. Призрак смородинового куста. <i>Рассказ</i>	223
Наталья САЛТАНОВА. Собака по имени Жаклин. <i>Рассказ</i>	227

КРИТИКА

«Только детские книги читать...» <i>В круглом столе принимают участие:</i> Евгений АБДУЛЛАЕВ, Эдуард ВЕРКИН, Светлана ВОЛКОВА, Дмитрий ГАСИН, Нина ДАШЕВСКАЯ, Юлия КУЗНЕЦОВА, Наталья КУТЕЙНИКОВА, Владимир ЛИДСКИЙ, Анна МАРКИНА, Борис МИНАЕВ, Саша НИКОЛАЕНКО, Николай ПОНОМАРЁВ, Валерия ПУСТОВАЯ	231
---	-----

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. Гари она гаром, эта машина времени! (А. Жвалевский, Е. Пастернак. « <i>Время всегда хорошее</i> »; « <i>Время всегда хорошее 2.0</i> »)	263
--	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Сказки на ночь	268
------------------------------------	-----

SUMMARY	272
----------------------	-----

Константин Комаров

Из цикла «Стихи о русских поэтах»

Вяземский
(1792—1878)

Познавший зов пустыней мрачных
и перемену всех идей,
принципиальный неудачник
и арзамасский Асмодей,

трезвящему предавшись горю,
оберегая огонь в золе,
он душу, устремленну к морю,
стреножил, приковав к земле.

Сроднившись с веком (не с веками),
он зрит из-под тяжёлых век —
на дружеский могильный камень,
на прошлогодний первый снег

и мыслит так, в унынье строгом,
переступивши страха праг,
как мыслит русский перед Богом —
сознанием чист и духом наг.

И — золотых годов наследник,
слезы не проронивший зря —
молчит поэт не из последних
и декабрист без декабря.

Комаров Константин Маркович — поэт, литературный критик, литературовед. Родился в 1988 году в г. Свердловске. Окончил Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина. Кандидат филологических наук. Публикации в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др. Автор нескольких книг стихов и сборников литературно-критических статей и рецензий. Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки» (2010—2023). Живёт в г. Липецке.

*Фет**(1820—1892)*

Ни до славы, ни до женщин
дела вовсе нет,
если ты вчера был — Шеншин,
а сегодня — Фет.

Значит, надо крепко взяться
разрыхлять пласты,
дабы тонкости хозяйства
обсуждать с Толстым.

Духом же уйти в пещерный
одинокий лаз,
где росу огней вечерних
различает глаз,

где с природой можно слиться,
возвышаясь вниз,
где словам привольным снится
импрессионизм.

А с утра — подать прошение,
написать устав...
И ложится в землю Шеншин,
Фета не застав.

*Волошин**(1877—1932)*

Тебе ль помол жестоких мельниц
пить, как медовый знойный хмель,
гостеприимный коктебелец,
вулканный увалень, кобель?

Кого, когда и чем убили —
нет разницы, раз кровь красна,
зато в покоях Черубины
пирует вечная весна.

Сюда ли должен доноситься
вой нищеты и смерти стон,
где правит бал дионисийство
и потеснился Аполлон?

Восстать над схваткою во имя
последней правды — не порок,
и всеми силами своими
петь неисповедимый рок...

Кого молил, с кем был и жил как —
потомки разберут потом.
Но пусть на шее бьётся жилка
и воздух перехвачен ртом...

Кручёных (1886—1968)

Святость пустого не есть обнищание места,
из средоточья огня прорастает пожар.
Дырка от бублика есть обещание теста,
новая дрожь колосится на новых дрожжах.

Буквы теснятся, хохочут, горят и дерзают
ополногласить стотрубно любое увы.
Выплющив площадь, ликующе шествует заумь,
в лилии хилой разлился цветок еуы.

Сдвиги сдвигают себя по весёлой науке,
эякулирует красным цветной карнавал,
пленному солнцу скрутили усохшие руки,
пыльный чердак переписан в подлунный подвал.

Смелая брань истлевает в базарную ругань,
рот задвигает язык самолётом в ангар,
мысли мышинные ловят в капканы друг друга —
авангардисты хоронят в себе авангард.

Неологизмом звучит дряхлый скрежет зубовный,
страх прогрызает пути в середине нуля.
Голая память спасается только любовью.
Яблоко речи лежит, червяком шевеля.

Поплавский (1903—1935)

Пора глотнуть из мутной фляги
глазам — чердачного окна
и сочные увидеть флаги,
все флаги в гости будут к нам.

Истомою напичкан хмурой,
под звуки трупные трубы,
снег ночью слёг с температурой
в сугробов бледные гробы.

О, этот белый торф горячий,
трофей распавшейся зимы,
где мир — сплошной несчастный случай —
исполнен жидкой рыжей тьмы.

А свет, горячечный и голый,
к небесному кресту прибит,
там, выстужая альвеолы,
чужая смерть про жизнь хрипит.

И наконец, румяной тенью,
сквозь стыл парижскую и ржавь,
идут на выданье виденья,
холодный пот к лицу прижав.

Тарковский (1907—1989)

В природы волшебном кристалле
хранится дыханья тайник,
а что там срифмовывал Сталин,
толмачить — удел невелик.

Ведь образ есть, Господом данный,
а в нём соразмерны Христу —
и таинство первых свиданий,
и дробный судьбы переступ.

И ширится в росте решимость,
и мыслью твердеет скелет,
и дома вобрав нерушимость,
и жимолость, и бересклет.

Стремительней птичьего свиста,
зеркального зренья верней
текучая крови ветвистость,
тягучая цепкость корней.

И рвётся из чаши коленной
грядущее новой травой.
И для новоселья вселенной
натянут шатёр шаровой.

Васильев
(1909—1937)

Лихо прорастает семя речи,
скал прочнее и нежнее льна.
Говорят, у тех, кто с Семиречья,
кровь до белоты раскалена.

Вот и рвётся ввысь хмельное слово
строчкой виноградною, а в ней —
ветра свист — солёного степного
да хрипенье взмыленных коней.

Той же, с кем сроднишься сердцем шалым,
с кем сольёшься в ласковый союз,
поднесёшь не расписные шали —
хрусткой песни треснувший арбуз.

Толком не успевши разгореться,
пламенем сгоришь в большом костре
(ежели прислушаться, в «аресте»
полыхает буквами «расстрел»).

Побредёт, как бесприютный голем,
дальше век, на гибель не скупясь...
А на землю, выжженную горем,
русский снег спешит успеть упасть.

Твардовский
(1910—1971)

Стали все уравнины,
как хотела власть,
но страна муравия,
чтой-то не сбылась.

Просто так не сводится
краснота с лица.
Отвечать приходится
сыну за отца.

Не по разу пройдена
выжженная даль,

тяжелее ордена
совести медаль.

Стыдно пёстрой птичкою
улаждать эфир —
нужно по кирпичику
строить новый мир.

И завет таинственный
до конца пронести —
действенный, единственный:
говорить как есть!

Слуцкий
(1919—1986)

Строгость политрука
не позволяет коряжиться.
Щедра полита рука
кровью прозрачной вражеской.

А в черноте жерла
памяти — спирт и выстрелы.
Но умерла жена —
выцвело всё и выстыло.

Стыдно как все плясать
в лёгкой манере плисовой.
Не тяжело писать,
да тяжело подписывать.

Лесть подменяет честь.
Подлость стыдливо царствует.
Главное — в строчке есть
выправка комиссарская.

Мимо глядит начальство.
Задрана выше планка.
Главное — докричаться.
Выдохнуть. И заплакать.

Вознесенский
(1933—2010)

Горло разогрелось — говорите,
в молоко молчанье измельча!
Не молчите, громкоговоритель!
Говорите! Замолчать молчать!

Говорите, вы же не из робких,
салютуйте градом новостей —
под давлением черепной коробки,
а не обезвоженных властей!

Языку болотисто и вязко,
он горящей музыкой распух.
Налетайте, стереостервятник!
Мусорный расклёвывайте слух!

Только эхо — бумерангом дошлым —
свой маршрут запомнило прямой,
и ландшафта звонкие ладоши
накрывает материнской тьмой.

В серверах жиреют гигабайты,
а планета крутится назад...
Громкоговоритель вырубайте:
он сказал всё, что имел сказать.

Александр Гриневский

ХЛЯБОВО

Повесть

Маме и брату...

Возможное совпадение с реальными названиями местности, населённых пунктов, имён, фамилий и кличек прошу считать случайным.

1

Был почти свой. Но вот это «почти» сидело ноющей занозой, которую никак не выковырять. Приехал. Вернее, родители привезли в эту деревню, когда дачу стали снимать, — мне только год исполнился. И всё равно дачник. Ещё Гоша да Борька. Остальные — деревенские. Здесь, в деревне, не нужно быть дачником — само слово «маменькиным сынком» отдаёт. Но от этого никуда не деться. Вот, мама говорит, не тянись за всеми, живи своей головой. Как же тут не тянуться? Они вон какие...

Благословенные шестидесятые... Благословенные, потому что детство шелестит листвой и конфетными фантиками, печёт разогретой пылью босые пятки, разлетается брызгами лимонада и речной воды. Жизнь взрослых — она в стороне, о ней вспоминаешь, когда зовут обедать или заставляют ложиться спать. Этой жизни нет, когда несёшься с пацанами наперегонки по тропинке, виляющей промеж толстых стволов берёз к крохотному, заросшему по краям осокой пляжику — да и ничего нет, кроме солнца, что светит в глаза, стука собственных голых ступней по утоптанной земле и мелькающей впереди спины Вальта, который всё-таки обогнал, отщёр плечом на ходу. В воду, с ором и брызгами! Накупавшись, сидеть кружком на траве и резаться в карты, в козла, пара на пару или в переводного. Седой будет трястись — синие губы подрагивают, — никто не обращает внимания, у него всегда так: мёрзнет даже в жаркий день. А надоест — можно залезть скопом в старую деревянную плоскодонку, что рядом прикована цепью к ржавому

Гриневский Александр Олегович — прозаик. Геолог, преподаватель МГУ им. М.В.Ломоносова. Автор книг: «Зыбкость» (2008), «Истории с приставкой “гео”» (2012), «Ненужные» (2016). Постоянный автор «Дружбы народов». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — роман «Честь и нечисть» (2023, № 6).

торчащему из воды штырю, и, поочерёдно наваливаясь на борта, раскачивать со всей дури, стараясь перевернуть. Да можно всё что угодно придумать! День бесконечен, не говоря уж о лете.

Смотрю сверху: я над ними, где-то там, среди шелестящей листвы, нет, ещё выше — внутри прогретого воздуха, пронизанного солнечными лучами, овеваемый лёгким ветерком, оттуда смотрю. Я существую как бы в двух ипостасях: взрослый, наблюдающий сверху, и одновременно пацан — там, среди них, — такой же, на равных... Я сейчас память.

Зажав в руке колоду, вытаскиваю по одной. Карты старые, замусоленные, слиплись. Сдаю медленно.

Сколько мне? Одиннадцать или двенадцать?

Кладём по очереди в центр.

Это потом я стану Григой. Сейчас ещё Сашка. Стрижен под полубокс, чёлка на пол-лба, выгоревшие волосы. У нас, у дачников, кличек нет, не заслужили пока. Только Гоша исключение. Но у него кличка — как имя.

Вальту положили туза, и он всё сгрёб. Валет — чернявый, ладный, самый загорелый из нас.

Валька... станет машинистом электровоза, женится, родит дочку, разведётся и умрёт от рака.

— Карбида бы достать, — задумчиво произносит Кашей. — Рвануло бы классно.

Никто не обращает на его слова внимания, пристально смотрят, как ложатся карты — одна на другую.

— А я видел, как ссала Верка! — Кашей не унимается, скучно ему, говорить хочется.

Кашей длинный и худой, как высохший. Он выше каждого почти на голову. А морда круглая, деревенская, добрая. Стрижен почти под ноль, только короткий чубчик спереди оставлен.

Кашей станет ментом, затем охранником, растолстеет, потом умрёт после инсульта: перенесёт трепанацию черепа, но заразится в больнице ковидом — и всё.

— Где это ты видел? — я лениво отзываюсь, стараясь показать, что мне эта информация совершенно безразлична.

О девочках стараемся не говорить — запретная тема, делаем вид, что они нас не интересуют. Хотя в последнее время всё, что касается девочек, меня волнует всё больше и больше. Особенно Ленка Волкова. Кашей знает про это и, издеваясь, но по-доброму, иногда напевает: «Запрягай-ка, тятя, лошадь, рыжую, лохматую, я поеду, я поеду, Леночку сосватаю». Я не обижаюсь, мне даже приятно. А Верка старше нас на два года, у неё уже, наверное, волосы там... Ей можно со старшаками ходить, а она всё от наших девочек не отлипнет.

— В кустах возле малины сидела, а я — из-за забора...

— И что? Видно это... было? — перебивает Седой.

Губы синие, трясутся, — говорит, словно заикается. Маленький и щуплый. Кожа бледная, в синеву отдаёт. Волосы выгорают на солнце на раз, и какие-то они у него уж совсем белые — за это Седым и прозвали. У меня тоже выгорают, но не до такой степени. Не нравится ему кличка, слишком он мелкий для неё. А я завидую, вот бы мне такую... мужественную.

Не знаю, жив ли Седой. Что-то там со здоровьем нехорошо — последнее, что помню. Как-то пропали мы друг для друга. Седой кораблями бредил. В Морфлот хотел. Даже в Севастополь с родителями на парад ездил. Уговорил их. «Сменой» корабли снимал, фотографии гордо показывал.

— Неа, далеко. Ни фига не видно.

Карты ложатся на траву косо, и играть, похоже, уже надоело. Валет головой вертит, высматривая что-то.

— Танкер ползёт. Может, отлив будет? Айда на дамбу?

— Не... медленно идёт. От такого ни отлива, ни волн, — отзывается Седой. — А на дамбе сейчас толпа народа. Воскресенье.

Я молчу, мне и здесь хорошо, тем более время к обеду — домой надо. Если на дамбу, то факт — опоздаю.

— Погнали! — не унимается Валет. — Надоело здесь. С крыла поныряем.

Он вскочил, бросил свои карты рубашкой вверх на траву.

— Мне через час домой... — лениво тяну я.

— Успеем! Пару раз нырнём, и всё, — Кашей тоже уже на ногах.

Расходимся выжимать трусы — у всех чёрные, семейные, только у меня голубые нейлоновые плавки. Белеем голым. Отворачиваемся друг от друга, стесняемся смотреть. Натягиваем поверх влажных трусов треники, которые тут же промокают на заднице.

На дамбу ходят купаться дачники. Пару раз за лето выползают и деревенские. Загорают на бетонных плитах, отсвечивая телесами. Вечерами томно прохаживаются влюблённые парочки (из взрослых) — рассматривают проходящие пароходы, рассыпающие огни по тёмной воде. И мы там всё время обретаемся. На берегу, в посадке — редко. Сейчас я попробую описать, что вижу, чтобы вам понятнее было.

Икишинское водохранилище — широкое, распластанное. Левый берег. Вдоль берега тянется «посадка» — узкая полоса берёз. Деревянные лодки, зачалены либо к кольям, либо к стволам, подступившим к самой воде. Пара старых деревянных мостков с проломленными досками настила. Кое-где встречаются крохотные пляжики — узкие полоски песка. Вот здесь, в посадке, на берегу такого пляжика, пацаны только что резались в карты, а сейчас, размахивая руками, что-то рассказывая, перебивая друг друга, спешат по тропинке среди берёз в сторону дамбы.

Дамба чуть в стороне. С двух берегов режет водохранилище узкая рукотворная гряда, возвышающаяся над водой, сложенная из громадных камней, укрепленных косо лежащими бетонными плитами. Середина водохранилища не перекрыта, оставлен узкий проход для различных плавсредств — фарватер. По краям — длинно вытянутые трёхметровые скобки — «крылья» дамбы, указывающие направление прохода. С нашей стороны, на краю, высится монументальное белое здание, метров под двадцать высотой, с большими витражными окнами. Если заглянуть, можно рассмотреть громадный барабан с намотанной

цепью, которая уходит в вырез в полу. Звено цепи размером с человеческую голову. Идея проста: в случае необходимости барабан накручивает цепь, которая поднимает со дна металлический экран, тем самым позволяя накапливать воду в верхней части водохранилища. За двадцать лет я ни разу не видел этот механизм в действии, да и не слышал, чтобы он когда-либо работал.

Крыло дамбы — рай для пацанов. С этих крыльев мы ныряем до посинения, оттачивая мастерство: головкой, бомбочкой, солдатиком, кто посмелее — сальто крутит.

Возле мостков застыл дизельный катер «Укимский» («УКИМ» жирно выведено белой краской по облезлому синему борту) — перевозит желающих на другую сторону. Маршрут длиной в сто метров в один конец. Вместимость — двенадцать пассажиров. Пять копеек за взрослого, три — за ребёнка.

На небе ни облачка. Медленно к проходу в дамбе подплывает баржа, гружёная песком. Она никому не интересна, волн от неё не будет. Вдали красными и белыми колпачками чуть раскачиваются на мелкой зыби бакены. Пацаны вжимаются худыми телами в прогретые солнцем бетонные плиты, распластались — греются после купания. Вокруг кишит народ. Мамаши с детьми расположились на одеялах, рыбаки тупо сидят возле донок — лески вонзились в воду, колокольчики на них не шелухнутся. Возле самого берега с визгом и плачем мельтешит мелюзга, засунутая в спасательные круги. Поодаль, наособицу, — компания старшаков, среди них есть и девчонки, загорающие на полотенцах. От старших парней можно ожидать чего угодно — пацаны изредка бросают косые взгляды, — такое соседство вызывает лёгкое беспокойство.

— Давайте завтра маски возьмём? — прикрывая глаза от солнца, предлагает Седой. — Грузила доставать будем.

— А на фига? — тут же подключается Кащей. — Лучше на великах, на Узкий махнём.

— Ездили же два дня назад. А грузила можно расплавить. Если много достанем, вообще получится пистолет выплавить. Валька, у тебя сколько с прошлого раза осталось?

— Два.

— Во! И у меня — одно.

— Ладно, — поддерживаю Седого, — давайте завтра за грузилами. Вон сколько рыбаков. Наобрывают сегодня.

Грузило — это часть оснащения донки: плоская свинцовая бляха, выплавленная на столовой ложке, крепится к леске с крючками, заставляя её лежать на дне. Дамба — сплошные камни; выбирая леску, рыбаки цепляют грузила за камни и часто обрывают. Наше дело нырять с маской, находить болтающуюся под водой леску и аккуратно выуживать застрявшее грузило. А дальше: если наберётся много, можно сделать из глины форму пистолета почти в натуральную величину, расплавить свинец и залить. Получается, конечно, коряво. Приходится долго напильником. Но зато пистолет тяжёлый, как настоящий.

А Узкий — это Канал им. Москвы — он в трёх километрах от дамбы, как раз после него и начинается наше водохранилище. Мы туда на велосипедах гоняем купаться. В лесу, что за нашей деревней, есть странная, заросшая молодняком поляна — вся топорщится кочками. Бытуют слухи, что здесь закопаны те, кто помер, когда канал копали.

Ирина Краева

Мама ангела

Маленькая повесть

Посвящается Ламаре Феохаровне Келешевой и её детям

Полетели!

Самолёт оторвался от земли...

Уши заложило, а кресло с аппетитом стало меня в себя всасывать, как макаронину.

Я сглотнул — в ушах щёлкнуло, я стал нормально слышать и, конечно, уставился в иллюминатор.

И — нет, за стеклом не висели облака!

Я соскучился по морю. Я очень люблю море.

Поэтому в иллюминаторе увидел гребень морской волны.

Волна взметнулась до неба. И замерла.

Ого, какая высоченная!

Ого, какая у неё торжественная пена! Крылья самолёта режут её, а пене хоть бы что. К ней хочется обращаться «Ваше Величество!».

Я любовался через иллюминатор морем, а вовсе не облаками.

Наш самолёт держит курс на Салоники. В конце мая мы всегда улетаем в Грецию на всё лето, а возвращаемся в Москву за неделю до начала сентября, чтобы успеть купить новую форму и всякие там тетрадки. Это не такое уж лёгкое занятие для мамы, ведь нас у неё четверо: трое сыновей и дочка. Кстати, у каждого свой характер. «Да ещё ого-го какой!» — всегда добавляет мама.

Пожалуй, я с ней соглашусь.

Самый умный из нас Архи. Вообще-то мы прозвали брата Архитектором. Архитекторы проектируют дома. Для этого надо иметь ума палату. У брата ума предостаточно. Когда-нибудь он будет делать что-то очень серьёзное и важное

Ирина Краева (Пуля Ирина Ивановна) — прозаик, журналист, педагог. Родилась в 1966 году в Кирове. Автор десяти книг, в том числе «Дети неба, или Во всём виноваты бизонь» (2018). Лауреат ряда литературных премий — имени Владислава Крапивина, имени Александра Грина, «Согласование времён», «Новая детская книга» и др. Лауреат премии журнала «Дружба народов». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 11.

для людей. Как дедушка, который построил тысячу домов и гидроэлектростанцию. Или как мама, которая вылечила тысячу людей. Сто раз в день попробуй выговорить слово «архитектор» — язык сломаешь. Поэтому зовём брата Архи. И это ему очень подходит! Архи — частица речи, между прочим, из греческого языка. Архи — значит самый-пресамый. Архи везде самый лучший: в футболе и в математике, а ещё ему здорово удаётся объяснять маме, что детям необязательно лопать брокколи каждый день. Архи — он и есть Архи. Кстати, не такой уж он и лапочка: Архи очень упрямый.

Зато Кио всегда уступит местечко у стенки на втором этаже нашей двухъярусной кровати. А ещё он классно показывает фокусы. И хочет научиться фокусам великого иллюзиониста Игоря Кио, про которого прожужжал нам все уши. Поэтому брата мы зовём Кио. Иногда не хочется идти в школу, или мама сердится на нас, если мы «вопим и топаем, как гиппопотамы», или Морковка ужасно нервничает накануне выступления из-за недошитого платья... Но стоит Кио взмахнуть своей волшебной палочкой или даже веником — да хоть чем, что есть под рукой! — и вот уже на его ладони квакает лягушка! Зелёная! В пупырышках! И улыбается! Это большая загадка — как Кио удаётся договориться с лягушкой насчёт улыбки. А уж нас-то не надо упрашивать. Мы просто хохочем, и уже никто ни о чём не переживает.

Морковка — наша сестра. Единственное, что она ненавидит, это — морковь. Хотя в винегрете, хоть в борще. Но своё прозвище сестра обожает, потому что его придумали мы, её братья. И нас Морковка обожает. И мы её тоже. Хотя она может отчитать каждого и всех сразу. Вообще-то сестрёнка весёлая, мурлычет весёлые песенки, если не пишет домашку по русскому языку или по математике. Ещё она умеет печь вкусные оладушки! Даже без варенья я запросто слопаю пятнадцать штук. Зато если рисую или леплю из пластилина аниматроников и ракетоджансы — сам придумал такие космические корабли, — могу вообще не есть целые сутки. Не проверял, но уверен. Больше всего на свете я люблю рисовать и лепить, а на домашку стараюсь не тратить много времени. Поэтому я — Кисточкин.

А почему мы каждое лето проводим в деревне недалеко от Салоников?

Да потому что там живут бабушка Вера и дедушка Феохарис! И ещё — мы все греки. Точнее, понтийские греки: наши предки жили на южном побережье Чёрного моря, которое в древности называли Понт. Ещё точнее — мы российские понтийские греки. Осенью, зимой, весной живём в России, а летом в Греции. Здорово, когда у тебя две родины!

Эгей, Эгейское море!

В аэропорту Салоников без тележки, конечно, не обошлось. Мы свалили на неё кучу коробок, сумок и ЧЕМОДАНИЩЕ. Наши футболки и шорты заняли в нём крохотное местечко. Всё остальное — подарки для многочисленной родни.

Правда, встречала нас одна Любаша. Мы едва не сшибли её нашей телегой. Но Любаша, хоть и прыгала на одной неотдавленной ноге, всё равно смеялась и целовала нас. А мы прыгали вокруг неё. Любаша не умеет сердиться. А мы всегда смеёмся, когда она с нами. «Такой у Любаши счастливый характер», — с гордостью повторяет мама про свою младшую сестру.

Мы загрузились в Любашин опель и помчались к бабушке и дедушке. Они живут в деревне Галани. В переводе на русский Галани — голубой. Над этой деревней самое голубое в мире небо. Самое чистое и прекрасное. Потому что там живут бабушка Вера

и дедушка Феохарис. Когда они были молодыми, жили в больших городах: в Тбилиси и в Москве. А после, как дедушка вышел на пенсию, понадеялись «обрести покой на родине». На исторической родине. Вот и переехали в Галани.

Мы неслись по шоссе с сумасшедшей скоростью. Ныряли в горные туннели — они такие чёрные, что кажется, ты разом ослеп и оглох. А потом выскакивали из них, и мимо нас проносились ровненькие ряды виноградников. Сквозь листочки уже виднелись зелёные грозди. А ягодки там такие: поглядишь — и будто на языке тает мятная карамелька. Мы хохотали с Любашей, рассказывали друг другу новости.

Потом подкатили к Нашему Дому, и дедушка с бабушкой тут же хорошенечко придушили нас в объятиях. Когда мы немного отдышались, дедушка потащил нас на второй этаж, чтобы похвастаться, — там уже стены побелены, мебель расставлена. Всё в полном порядке.

Наш Дом построили дедушка и Любаша. Своими руками. Дедушка и Любаша — знатные строители. Дедушка указал пальцем на младшую дочь:

— Она работала неутомимо, как бетономешалка!

— А я думала, как бетонопомогалка! — рассмеялась Любаша.

Между прочим, мы тоже помогали строить Наш Дом. Даже когда были совсем маленькими. Это было нетрудно. Мы просто сидели на досках во дворе и разговаривали с дедушкой. А он нас обнимал и говорил: «Ваши попы нагревают Дому счастье. Он быстрее от этого растёт». Я долго удивлялся: Дом — он что, живой? Сейчас-то я в этом, конечно, уверен. Разумеется живой!

Наш Дом очень красивый. Почти круглый, как башня. У него два этажа. Большие окна, через которые в комнаты льётся солнечный свет. Внутри, посередине первой комнаты, — широкая лестница на второй этаж, крутая такая загогулина. Мы любим сидеть на ступенях и болтать. И что-нибудь придумывать. Скоро что-нибудь обязательно придумаем!

А ещё я тихонько поздоровался с папой. Прошлым летом на каждой оконной раме я нарисовал ангела, совсем крохотного, его крылья меньше ногтя на любом из моих мизинцев — хоть на ноге, хоть на руке. Я нарисовал папу на оконной раме, чтобы был поближе ко мне — почему-то мне кажется: так он ближе. И ему так удобнее поглядывать на нас. И ещё потому, что в любую минуту я могу посмотреть на него.

Потом мы объедались авголемоно — куриным бульоном с рисом и соком лимона.

А потом я спросил. Легко так спросил, как про само собой разумеющееся:

— Любаша, мы ведь поедem к морю, да?

Братья и сестра завопили:

— Море, ура!

Мы всегда поддерживаем лучшие предложения друг друга.

Любаша растерянно посмотрела на бабушку, на дедушку и на маму. Они отвели взгляды.

Любаша очень похожа на бабушку Веру — в молодости. Даже длинные волосы аккуратно собраны на затылке таким же узлом, как у бабушки.

«Наша молоденькая бабушка» поинтересовалась с улыбкой:

— А точно у меня найдутся помощники для строительства крепости на берегу моря?

Я понял: за этими словами скрывалось любимое Любашино изречение: «Не позволяй траве расти на пути дружбы». Я так его понимаю: ты не должен ничем осложнять жизнь друга, даже какой-нибудь ерундой, — служи ему верно и вечно.

Именно так поступала наша любимая тётя по отношению к своим друзьям — любимым племянникам.

И поэтому я завопил:

— Ура! Море!

Море смешно называется — Эгейское! Мне всегда хочется крикнуть:

— Эгей, Эгегейское!

Мы так и кричали почти два часа, пока ехали.

Ехали бы ещё дольше, если бы Любаша не гнала свой серебристый опель со скоростью сто километров в час.

Стоило нам высыпать на пляж — на солнце вдруг нахлобучились тучи. Море тут же обиделось на них. Море хотело встретить нас во всём блеске! Оно рассердилось и погнало к берегу стада белых барашков. Люди стали выходить из воды на берег. Они закутывались в махровые полотенца и вытягивались на песочке огромными грустными гусеницами.

А мы не стали печалиться рядом с Эгегейским морем!

— Угнездимся поближе к воде! — предложила Любаша.

И мы угнездились там, где протяни руку — и вот он, мокрый песок. Любаша сразу стала возводить песчаную крепость. Такая уж у нас любимая тётушка, — ей только дай что-нибудь построить. Братья и Морковка на корточках принялись жать песок изо всех сил. А мама взяла меня за руку, и мы потопали в море.

Волны окатили холодом ноги и живот. Брр! Когда зашли поглубже, мама подхватила меня:

— Плыви!

Я испугался!

Дно вдруг провалилось, наглые барашки бодали в лицо! И где-то рядом плавала длинная чёрная рыба.

Я повернул к берегу...

— Морской бог не любит боячек, — засмеялась мама. — Не надо злить Посейдона!

Посейдон! В России мама редко вспоминала греческих богов. В России мы учим стихи Пушкина и других русских поэтов, читаем, к примеру, про Суворова и Гагарина. А в Греции мама старается, как сама говорит, «окунуть» нас в «культурный контекст»: «Не забывайте, что вы — потомки эллинов». Эллинами очень давно называли себя греки с берегов Понта. Эллины — это же почти эльфы, волшебные эльфы, мне кажется! И вокруг моих предков столько богов — просто не протолкнёшься...

Вообще-то иногда этот мамин «контекст» совсем неуместен. Особенно, если вокруг наглые барашки с чёрной рыбиной... А вот мама никогда ничего не боится, она говорит: «Мне всегда помогает ваш папочка-ангел!»

Морковку, Архи, Кио и меня эти слова делают в три раза сильнее и удачливее. Главное — вспомнить их вовремя!

Сразу же после этих маминих слов я вспомнил, что люблю море!

И изо всех сил замолотил руками и ногами по барашкам!

Эгей, Посейдон, хватит сердиться!

Это блаженство — плыть по бурливым волнам! Я даже попытался нырнуть. Конечно, с открытыми глазами. Под водой всё гладко-туманное, похожее на сон... На сон, который снится тебе, снится, и ты понимаешь — он про хорошее, которое обязательно сбудется.

Из воды выполз почти без сил. Но они тут же вернулись ко мне, потому что на берегу уже выросли три песчаные башни. Четвёртой очень не хватало.

Мама взяла за руку Кио и отправилась плавать с ним, а я сграбастал пригоршню мокрого песка, хорошенько его сжал, и из моего кулака вылез первый крендель для основания башни.

Если уж Любаша взялась за возведение какого-либо объекта, будьте уверены: кривым не получится. Крепкие башни выступали из стен крепости, внутри которой мы прорыли глубокие рвы и сделали высокие насыпи. Морковка ещё и разложила пожухлые водоросли — для красоты и на радость крепостникам... или крепостным? В общем, на радость!

К нам подходили всякие любопытные полуголые люди и восхищённо кряхтели. Один дядька в плавках, расписанных под павлиний хвост, сказал по-гречески маме, которая как раз появилась с Кио на берегу:

— Мадам, у вас красивые внуки!

Мы засопели. А Морковка упёрла руки в боки и уставилась на него.

— Эта прекрасная дама вовсе нам не бабушка, а мама! — по-русски заявила Морковка. — Мы её дети: я — дочь, и вот — три сына!

— О! Прошу прощения! — Дядька вряд ли понял Морковку, но растерянно пролепетал: — Я восхищён! Просто восхищён. — Он ещё что-то там булькал, но мы не очень-то понимаем греческий разговорный.

У мамы, правда, очень красивые волосы — серебряные волны, и многие сходу обращаются к ней как к бабушке. Нас это страшно возмущает.

Когда дядька, наконец, отошёл подальше на полусогнутых виноватых ногах, Любаша тихонько спросила:

— Дамара, ты так ничего и не рассказала детям?

Мама улыбнулась:

— Рассказала. Но они решили так, как решили.

Она зажмурилась от яркого солнца, которое выползло из-под облака.

И я расскажу вам кое-что очень важное.

«А я что-то знаю...»

Однажды на перемене наша одноклассница, вредина Бурлимова, подошла к Морковке:

— Я что-то знаю про вас про всех.

Я могу быть за сто километров от сестры, но если ей что-нибудь угрожает, всегда это чувствую и мчусь на помощь со всех ног. В словах Катьки Бурлимовой притаилась угроза. Я сразу учуял, хотя мы с Никисом, соседом по парте, спорили о технических возможностях моих ракетоджансов.

Морковка наклонила голову так, что два её хвостика стали похожи на рога, нацеленные на Бурлимову.

— Что ты знаешь?

— Я многое знаю про ваших маму и папу, — сказала Катька, снисходительно поглядывая на Морковку. — Но этого говорить нельзя.

— Почему? — удивилась Морковка.

— Потому что ты и твои братья сразу умрёте. — Бурлимова помолчала и добавила ласковым-преласковым голоском: — Умрёте от кошмара и ужаса.

Мирослава Бессонова

Спуск в тартарары

* * *

слушать с труменом капоте
голоса травы
в них зелёные заботы —
спуск в тартарары

лён нарушив все запреты
нам передаёт
нераскрытые секреты
задом наперёд

даже мнительная кинза
новость припасла
где вооружившись линзой
встретить корень зла

шепчет острая осока
словно мы близки
обо всех кого жестоко
рвут на лепестки

слушать кто кого обидел
или врать мастак
шелест-громкоговоритель
не унять никак

Мирослава Бессонова (Ипанова Алёна Олеговна) родилась в 1995 году в г. Уфе. Окончила Восточную экономико-юридическую гуманитарную академию. Печаталась в журналах «Знамя», Prosodia, «Интерпоэзия» и др. Автор двух книг стихотворений «Летающий дом» (Самара, 2015) и «Меланхолия» (Уфа, 2019). Участница Мастерской АСПИР (2022). Лауреат премии журнала «Дружба народов». Живёт в Уфе.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 8.

* * *

беги по влажным тропкам сада
пока не получил ремня
фатальных сумерек громада
уже сминает глину дня

давно прополоты все грядки
в сарае смолкли петухи
и дома строгие порядки
и слёзы впитывают мхи

* * *

на ковре узор нарядный
обводить как под гипнозом.
если клонит в сон навряд ли,
предаваться странным позам

(это вредно для осанки).
утром встретят в коридоре:
рукавицы, шуба, санки
и котов священных трое.

сборы ранние тревожны,
интонации спесивы —
убеждают: невозможно,
чтобы не сбывались зимы.

чтобы в платье и панаме
переняв инстинкты зверя,
выбегать навстречу маме,
в счастье большее не веря.

* * *

где ты есть в заросшем далеке
нагоняя страх и колотун
с маленьким топориком в руке
ходишь как мамлеевский шатун

рассмотрю тебя со всех сторон
в родинках росы природу-мать
явишься пугать считать ворон
за собой обманом увлекать

Африка

Мише Куимову

на холмах гауры-дикари
соль земли в напевах пастухов
баобабы как богатыри
даже тени застают врасплох

африканок с кольцами в носсах
и саванны с мухами цеце
всех сумевших не попасть впросак
и остыть в оазисе в конце

вольный человек а не холуй
ты выходишь из страны жеод
и летит воздушных поцелуй
в солнца округлившийся живот

казаки-разбойники

теперь я не разбойник не казак
не гвоздь программы и уж точно не
зачинщик уводимый в автозак
я наблюдать осталась в стороне

отправь меня как мумию в музей
я двадцать лет над детством трепещу
и тени исчезающих друзей
по стрелкам сохранившимся ищущу

* * *

с новым временем полным драм
нянчиться не хочу
мне сказали оно тиран
похлопали по плечу

время прошлое — сибарит
и ему невдомёк
что во лбу не звезда горит —
снайперский огонёк

Наталья Бакирова

Концерт для комара с оркестром

Повесть

1

Гладить белую пионерскую рубашку, как следует отжимать тряпку, когда моешь пол, чистить картошку — всему этому меня учил отец. У него была обычная семья, где картошку чистила бабушка, и поэтому сам он освоил это дело только в армии. Так что и я чищу картошку как солдат: шесть взмахов ножом — на выходе кубик. И это отец вытряхивал меня из задубелой шубы, когда я возвращалась с ледового городка, однажды придя (семейный фольклор сохранил гиперболу) «с полной шапкой крови». И опять же он засыпал пробоину в моей бедной башке стрептоцидом, приговаривая: «Вот, Ирка, был бы мозг — было бы сотрясение». Это он поил меня, когда я болела, клюквенным морсом, одновременно кислым и сладким, надевал на ночь носки с горчичным порошком, грел крупную соль на сковородке, высыпал её в полотняный мешочек, чтобы, как сказал доктор, «к пазухам носа приложить сухое тепло». Он даже умел заплетать косички. Отцовские косички держались до вечера: гладкие, негнущиеся, с прозрачными капроновыми бантами на концах.

А мама была учительницей. Уроки, тетради, чужие дети — я её не видела почти никогда.

Зато был какой-то Арсений Арабаджаев: казалось, он живёт вместе с нами, алчный пожиратель книг, вечно задающий вопросы, которые приводили маму одновременно в негодование и восторг. Она готовилась к урокам до трёх часов ночи, бормоча себе под нос и тихонько смеясь: «Что ты на это скажешь, Сеня?» Я потом встретила его взрослым — бородатый, застенчивый до заикания дядька. Здороваясь со мной, он перепутал собственное имя: «Вы меня, наверное, не знаете — я Семён... то есть Арсений». Вечно, вечно они со мной здоровались на улицах, мамины ученики разных поколений. Ах, как я им завидовала, как хотела, чтоб она вела литературу и в нашем классе, как уговаривала! Но мама не согласилась. Может, ей не хотелось, чтоб собственный ребёнок звал её на «вы» и по имени-отчеству, как делала директорская внучка Наташка: «Александра Васильевна, можно выйти?..»

Бакирова Наталья Викторовна родилась в 1975 году в городе Заречном Свердловской области. Окончила Уральский государственный университет им. А.М. Горького по специальности «филология» (2004). Работала корреспондентом местной газеты, в настоящее время преподаватель Уральского технологического колледжа — филиала НИЯУ МИФИ.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Как бы там ни было, мама взяла себе «ашников», а нам досталась сморщенная вечно недовольная Раиса Поликарповна. Она то и дело лупила по столу деревянной лакированной указкой, а ещё у неё была привычка, рассказывая что-нибудь, снимать очки и жестикулировать ими, держа за дужку. За этими очками мы всегда следили с замиранием сердца: когда они вырвутся из её скрюченных пальцев и улетят? Очки не подвели, улетели-таки. Порхнули, сверкнув на солнце, исчезли за окном — по весеннему времени оно было раскрыто. Хорошо помню тот день: парусящие, наполненные солнечным светом шторы, густой запах сирени, которой был обсажен по периметру школьный двор; рванувшихся к двери пацанов: «Мы щас принесём, Раис-Полукарповна!»

Надо ли говорить, что они не вернулись? Как упустить случай удрать с урока, где стулья вгрызаются тебе под колени ободранными углами, где у доски пахнет мокрой тряпкой и вечно недовольная тётка в коричневом жакете поверх уныло висящего на ней платья тянет никому не нужный рассказ, произнося «княжна Мэри» с ударением на «я»: княжна. А там, снаружи, — сирень! солнце! Тёплый просторный Баженов, светлый, как сама весна.

Если идти по улице Курчатова — так, чтобы лес был по левую руку, — то придёшь к атомной станции. Её полосатые трубы уже пятьдесят лет поднимаются на нашем горизонте. Подпирают небо, чтобы оно не рухнуло нам на головы.

Станцию строили всей страной. Из города Верхотурья приехал целый выпускной класс: нет, мы не будем поступать в институты, мы будем поднимать атомную энергетику Советского Союза! Часть этих романтиков осела здесь навсегда. Устроившись сами, они принялись сманивать и других верхотурцев. Вот и маму — тогда ещё совсем молодую и незамужнюю — позвал кто-то: приезжай, Аня, здесь учителям квартиры дают!

Квартира, которую ей дали, оказалась крошечной однушкой, но зато ведь своя, и можно мыться в душе, а не ходить через весь город в баню, где по каменному полу текут реки мыльной воды, оставляя у стен пористую грязноватую пену. Стены, тоже каменные, плачущие, переходят в высокий свод — баня находится в монастыре. Женском. Мужской приспособили под колонию для несовершеннолетних. Колючая проволока поверх белокаменной ограды, деревянные вышки для часовых... Верхотурье! Всё в нём было бывшим, разрушенным и почти забытым: коньковый завод, парники, лесопилка, яблоневые сады, даже аэродром. Верхотурье, моя малая родина, потерянная ещё до рождения.

Каждое лето я приезжала на каникулы к бабушке — обречённая попытка вернуться туда, куда вернуться нельзя. Помню, идём в магазин: тротуар узкий, в две доски, с обеих сторон нависает тёмная, почти чёрная, крапива. Рядом идти не получается, и бабушка впереди — в синем с белыми цветочками крепдешинном платье, в белых носках и сандалиях на широкой плоской подошве.

Когда бабушка умерла, я продолжала к ней ездить — теперь на кладбище. Аська называла такие поездки «тур по родным могилам». «Тур» — потому что и впрямь это было целое дело! Каждый год мы отправлялись нашей маленькой семьёй по одному и тому же маршруту.

Сначала в Серов, где похоронены родственники Дениса. Покупали в местной пекарне пирожки — с яблоками, с капустой и яйцами, с мясом, — чтобы положить

на могилы. В Верхотурье такой традиции нет: здесь мы приносим только цветы. Рвём траву, красим оградки в небесный цвет — после этого полагается накатить за помин души горькой водки, но мы пьём только чай из термоса: с пирожками, оставшимися от серовских покойников.

Прошлым летом Аська ехать с нами отказалась. Она как раз окончила школу и заявила, что хочет остаться дома — имеет же человек право пообщаться с живыми людьми? От которых к тому же скоро улетит в Питер? «Имеет-имеет», — сказали мы. Купили небесной краски и поехали вдвоём.

Кладбище в Верхотурье старое. Заросло кустарником и высокой, почти по пояс, травой. В траве путаются цветы ромашки и кровохлёбки. Гудят шмели. Тут и там возвышаются тополя. По деревянному тротуару — между досками лезет упорная кладбищенская трава — мы идём к церкви Успения Пресвятой Богородицы, недалеко от которой похоронена моя прабабушка Софья. Надев трикотажные рабочие перчатки, рвём сорняки, давая простор посаженным в прошлом году незабудкам. А в соседней ограде — крапива. Жгучая, чёрная, в человеческий рост. Денис косится: «Злой, наверно, человек там похоронен...»

Перчатки зеленеют от травяного сока, запястья покрываются царапинами — среди травы то и дело попадаются жёсткие колючие листья осота. Жарко. Закончив прополку, первым делом достаём из сумки минералку и пьём, давась, обливаясь, выхватывая друг у друга булькающую пузырящуюся бутылку.

Потом идём к бабушке.

«Бабушка была строгая, — рассказываю я Денису. Никогда не отпускала гулять, пока не закончу дневную работу по дому. Работа? Обычная... Грядки поливать, подметать сенки. Если привезли дрова, — сложить поленницу, воды натаскать из колодца... Мужикам, которые баню строят, подать еду. А ещё у нас был огромный малинник, высаженный в огороде вдоль трёх сторон забора. Бабушка говорила — “покоем”. А я не знала тогда, что так называют кириллическую букву П, думала: малина посажена, чтобы ограждать от всего злого, чтоб в семье был покой. Начиная с июля, ягода поспевала через день — только успевай собирать. В огороде стоял одуряющий жар и — запах».

Сейчас никакой работы для меня у бабушки нет: могила ухожена, трава выполота, гранитный памятник чисто-начисто вымыт от следов липких тополиных почек и птичьего помёта. В стеклянной банке с водой — ещё не увядшие хризантемы. Бабушка смотрит с портрета: строгая, как всегда. «Ну вот, — говорю, — и повидались... Знаешь, бабуль, а эти улочки, по которым мы с тобой ходили за хлебом, они совсем старенькие, тротуар сгнил и провалился — постепенно его заменяют асфальтом...»

Вообще город пережил годы советского атеизма, как люди переживают болезнь. И вполне оправился: оба монастыря восстановлены, открыта гостиница для богомольцев, построен автовокзал — да, сюда теперь можно приезжать на автобусе. Но мы с Денисом предпочитаем, конечно, свои колёса: как здорово они шуршат по асфальту, как весело бежит навстречу кедровый бор, сейчас ещё увидим на выезде торговцев резными нардами, чучелами белок, лосиными рогами, а дальше — скатертью, скатертью стелется путь домой.

— Останови! — кричу я. — Это же лисы! Ли-исы!

Денис съезжает на обочину — гравий хрустит под шинами; я выпрыгиваю из машины. Лисята такие милые, такие худые, и так хочется — что-нибудь, ну хоть что-нибудь! — им дать. Денис достаёт мобильник, начинает снимать видео. Неужели у нас ничего нет? Лезу в багажник: ну вот же! Разламываю два последних пирожка — повезло, один с мясом. Лисята — вот умницы — не убегают, когда я приближаюсь к ним с пирожковой начинкой в протянутой руке. Подхожу медленно, чтоб не спугнуть. Кошусь на Дениса: видит он, как я с ними ловко? Он улыбается и продолжает снимать.

На видео это получилось крупным планом: рука в крови.

Да, Ира. Представь, брать угощение с ладони дикие животные не умеют! А что вообще дикие животные делают на дороге? И почему они не боятся людей?

— Они и меня облизали, — изменившись в лице, говорит Денис.

Мы вскакиваем в машину и мчимся — домой, в «скорую помощь».

Здание «скорой» старое. Холодный коридор, высокие потолки. Мне кажется, все будут смотреть на нас как на идиотов, но работников «скорой» ничем не удивишь. Лисы так лисы. Нас ведут в процедурную — белый кафельный блеск, шершавые дерматиновые кушетки — велят лечь, делают укол: какой-то особый, я не понимаю, но им надо посмотреть, не будет ли с нами от прививок против бешенства чего-то плохого.

— На прошлой неделе, — говорит медсестра, — собака укусила пенсионера. Не у нас, в Каменске. Он пошёл, сделал прививку и умер. Анафилактический шок.

Меня начинает бить дрожь. Если нас заподозрят в возможном ан... фф.. этом шоке, то прививку ставить не станут. И тогда... что?

Хватаю телефон — медсестра уже ушла, сказав «теперь ждите», — набираю в интернете симптомы бешенства.

Первая стадия. Температура, головная боль, слабость, тошнота. Психические отклонения как то: депрессия, апатия, раздражительность и тревожность. На второй стадии — целых четыре дня! — спазмы глотательной мускулатуры: человек не может пить и даже не может выносить звука льющейся воды. При ярком свете, резком звуке, ветре или сквозняке — судороги лица.

— Денис...

Он смотрит на меня: зрачки расширены, лоб мокрый. Да вот же пишу: обильное потоотделение. Страшные галлюцинации. Приступы агрессии.

— Покажи, где они тебя облизали?

Хватаю его руку — ох, это всё я виновата! — и тут возвращается медсестра. Мы замираем. Но её кто-то зовёт из коридора, она исчезает опять.

Последняя стадия. Два варианта: либо кидаешься на всех зверем, либо тебя парализует. Итог один — смерть. Мучительная смерть существа, потерявшего человеческий облик.

— Всё нормально. Можно приступать к курсу инъекций.

Этот спокойный голос звучит не иначе как с неба: Ира, ты дура, конечно, но вдруг ещё на что-то сгодишься. Живи, так уж и быть.

— Интересно... — задумчиво говорит Денис. — А кто у твоей бабушки могилу прибирает? Ты же рассказывала, родных там уже нет?

Нынешнее лето — первое от нашего с ним развода.

* * *

Конец зимы и весну я помню плохо. Вроде постоянно набирала ванну и сидела в воде, то и дело доливая горячей, когда остывала. А он был с этой своей новой.

Мы наконец-то должны были начать жить вместе! Денис получил пост начальника геологоразведочной экспедиции: никакой больше тундры по восемь месяцев в году — кабинетная должность. Кабинет, правда, в другом городе... Но что за ерунда, переедем! Я уволилась с работы, сдала пропуск. Когда сотрудник СБ аннулировал мой табельный номер, на мгновение стало не по себе, словно меня вычеркнули из списка живых... Домашние цветы раздала соседям. Ушла из театра — Фомина, конечно, позеленела, но ничего не сказала. Попрощалась с друзьями. «Тебе обязательно уезжать?» — «А как ещё-то?» Оставалось только купить билет в наш новый город — холодный, северный: старушки там собираются посплетничать не на лавочках у подъезда, а на табуретках возле лифта. И тут услышала: «Я поеду один».

И ведь были же, были сигналы! Однажды зазвонил лежащий на столе мобильник. Я чужой телефон не беру никогда, но он лежал экраном кверху, и на этом экране высветилось: «Елена Прекрасная». Я, дура душой, давай смеяться:

— Что? У тебя какая-то левая баба записана как «Прекрасная»? А я — просто «Ира»?

После развода ни с того ни с сего отнялась правая рука. Пришлось долго и мучительно восстанавливать её подвижность.

Помню это скрипучее и болезненное время, когда рука двигалась только в одной плоскости — вверх и вниз. Ни в бок упереть, ни завести за спину. Я была словно кукла, советский целлулоидный пупс: у них так же ходили руки на резиночке, продёрнутой сквозь дыры в верхней части туловища. Таких пупсов у меня в детстве было штук восемь, как-то одновременно наделили на день рождения. Я любила, усадив их попарно, изображать школьный урок. Читала им стихи. Как мама! У неё было правило: всё, что задавала учить школьникам, — должна была знать наизусть сама. По вечерам она вслух повторяла Есенина, Пушкина, своего любимого Лермонтова, а я, конечно, слушала и запоминала.

Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остывшим умом,
Разуверяюсь я во всём.

Я читаю, пупсы слушают, и тут появляется мама: сапоги в осенней грязи, две сумки тетрадей...

— Ты что творишь!

Никогда раньше она на меня не кричала. Сгребла пупсов, свалила в кучу — я, не в силах понять, что происходит, разревелась от обиды и страха. Мама упала на диван и тоже заплакала.

— Ирка! Почему ты не играешь, как все дети, в дочки-матери?

Перед моим поступлением в университет тоже был скандал, второй в нашей жизни.

— Ты не понимаешь, на что идёшь!

Я долго доказывала, что филолог не приговорён к преподаванию литературы, что много есть других мест, где нужны филологи...

Елена Сальникова

Внезапная высота

* * *

Когда тебе три — и ты
по новой бежишь квартире:
высокие потолки,
полы — километры, мили!

Неправдоподобный свет
из окон, на сон похожий.
Ещё ничего здесь нет,
здесь только пространство. Позже

всё сузится, завизжит,
загородится тюками.
А в три — так прекрасна жизнь
с высокими потолками.

* * *

Так много нежности и детства,
как будто море под ладонью,
и ленты в догонялки с ветром
на бескозырке... Вдалеке
весёлой гусеницей поезд
вот-вот вчерашний день нагонит.
И мама бережно подует
на одуванчики в руке...

Сальникова Елена Валентиновна родилась в 1971 году в г. Сыктывкар. Окончила училище искусств по классу фортепиано, а в 1998 году — Коми Государственный педагогический институт. Кандидат филологических наук. Преподаёт немецкий и французский языки. Автор двух поэтических сборников: «На Севере жить» (2022), «Успокой своё сердце» (2023). Участница Мастерских АСПИР (2022, 2024). Живёт в г. Сыктывкар.

В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

* * *

Пришли, сказали: «Помер дед,
перевернём его на спину».
Вточь как жука... (а мне пять лет).
Дед странно голову откинул.

Мне думается: помер — что?
Померяет меня? Подышит
на стержень — чирк карандашом! —
и на одну зарубку выше.

Ещё сказали: «Он усоп».
Ага! Ус-оп, он ус кусает.
У-соп, сопит как целый сом.
А «помер» я не понимаю.

Не догадалась, что — померк,
что померещился вселенной.
Монетки положил поверх
чужой небритый человек
в штанах с заплатой на колене.

* * *

Сажали ангелы цветы
меж облаков на грядках,
без болтовни, без суеты,
в божественном порядке.

Сажали ангелы цветы,
негромко песни пели...
А получились я и ты,
все люди и все звери.

Мы в смерть не верим потому,
что тёплыми веками
росли в сияющем саду
меж облаков цветами.

Светлой памяти моей бабушки Августы

Три класса, а четвёртый коридор —
так говорила бабушка. Задор
и свет — не заблудиться бы в быту —
беззлобно вытесняли нищету.

А нищета была, кати хоть шар,
хоть два — не встанет хлеб под самовар,
и самовар не кажет свой бочок —
его давно племянник уволок.

И в комнату, полупустую от
её невзгод или Его щедрот,
входили люди — сирые догла:
старушка у тюремных стен жила.

И всех, кто на свиданье приезжал,
богат ли, беден был, хоть стар, хоть мал,
она к себе пускала на постой.
Бельё стирала слабенькой рукой,
с приезжих ни копейки не брала.
Жалела всех и чай пустой пила.

Соседи были недовольны ей
за странных, неприкаянных людей.
Для ясности — что языки чесать —
убили пса.

Как плакала она! Но мир её
на злых и добрых не был разделён.
А были люди, небушко поверх.
И было жалко всех.

* * *

Зимы невесомый отсчёт.
Земли невесомой возврат.
Так долго идёт горизонт,
что время задумало вспять
шагнуть. Но стоит на пути
октябрь. И концов не найти.

В кипенье тугих колесниц
дождей, непременно дождей,
не ждущих, что выгнется хлыст,
летающих насквозь: эге-гей! —
вонзается на полпути
октябрь. И скучнеют дожди.

Как точен морозный резец!
Из завязи снежных колонн
и мраморных снов, наконец
потянется Парфенон.
Уступит, заморожён,
октябрь. А за ним разлита
внезапная высота.

Полина Михайлова

Шрифт Брайля

Рассказы

Наша с мачехой песня

#1

И смеялась она так, что во время смеха некрасиво оголялась десна; и запах был у неё странный, особенно тот, который оставался на унитазах и на полочках в ванной, — какая-то смесь просроченной косметики, пота и тревоги. И смеялась она над тем, что я «увлекаюсь Севером»; и обувь у входной двери тоже ставила странно: не поперёк, а вдоль коврика. Одним словом — мачеха.

Папа сказал, что женится, в бассейне: мы повисли у бортика на первой дорожке, переутомившись. Я вытащила колобашку (такой голубой пенопластовый поплавочек в форме бесконечности, который кладут меж бёдер, чтобы работать только руками) и плюхнула её перед носом на пол. А папа сказал:

— Кротик, я женюсь.

Почему он называл меня кротиком? Разве я похожа на крота? Может, когда надеваю очки, чтобы смотреть на доску в школе и треугольно морщю нос, или когда зарываюсь в спальный мешок в походе. А может, потому что пересмотрела все серии чешского «Кротика»? Krtek, Krtecek, Тая — похожие ли имена?

Я снова взяла колобашку, проплыла ещё две дорожки туда-назад и повисла совсем близко к папе, нос к носу:

— Это как?

Поднырнула с выдохом и пузырьками: «Брфф, брфф».

Папа смотрел на брусничный таймер, мимо него, с его чёрных волос на груди стекала вода, край воды выводил линию под сердцем.

— Это так: Мила с нами поживёт.

Я была уверена, что, если скажу нет, папа не будет жениться. Но он так мерно дышал в плеск воды и так врезался словами в привычный бассейнный шум, что я поняла: он не будет спрашивать. Даже меня. Я пропела:

Полина Михайлова родилась в Москве в 2002 году. Alma mater — философский факультет МГУ им. Ломоносова (2019—2023). Стихи и проза печатались в журналах «Нева», «Новый мир», «Идель» и др. Автор книг стихотворений «Ранка на ладони» (2022) и сборника рассказов «Топить можно вернуться» (2023). Участвовала в проектах АСПИР.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

На дорогу, что вдали от Неглинки,
 Пролилась ко мне музыка синим дождём...
 Ради Бога, не женись ты на Милке,
 Познакомились с мамой в девяносто шестом¹.

Папа улыбнулся и прижал меня к волосатой груди. Я была выше края воды.
 — Ты у меня боец.
 — Брфф, брфф.

Когда Мила приехала, был ноябрь. Мы с папой крепили рулонные шторы на окно и жарили картошку на кунжутном масле. Запах забирался под обои и под ковры, запах танцевал на пушистых фигурках ездовых собак — моя коллекция на стеллаже в коридоре, — запах не хотел вылетать в стылый подъезд, — но его вытолкали туда и сказали:

— Родные, я пришла.

И зашуршал серый картё-брессоновский дождевик, заулыбались креветковые дёсны, закатался до балкона и назад бордовый в полосочку чемодан, завились под дождевиком кудряшки наушников от плеера.

— Ой, Тая, у тебя здесь фигурки собак! Хаски...

— И не только. Маламут, самоед, лайки и чукотские ездовые.

Мила вскоре перестала говорить страстное «родные»; придумала не стучаться при входе в мою комнату, а так, скрести рукой (потому что громкий внезапный стук всё-таки может испугать); начала использовать кунжутное вместо подсолнечного и много, много улыбалась дёснами.

#2

На каждый праздник мы — папа, я, Мила и те, кто хотел заглянуть, — готовили домашнее выступление друг для друга. Сценку, прозу наизусть; песню под фортепиано, на котором играла я, но чаще — под гитару, на которой играла Мила. Мила знала много песен. Какие-то она пела ровно, беззнаково и тренированно, как заводная кукла, между какими-то у неё легонько и неровно розовели щёки (как если приложить ситечко к коже под самое солнце, во время загара, — а потом вбить себе в голову, что загорит неровно, и убрать), под какие-то она даже плакала. Но я-то знала, что самыми важными для Милы были песни, в которых она меняла слова.

Зачем меняла? Как будто боялась что-то произнести, что-то накликать, нарушить то, что и так стоит на краю, держится на воображаемых ниточках и не воображаемом скотче на плитусе в ванной. Например, песню «Художник» Мила могла спеть так.

Вместо:

Вот эта улица, вот этот дом,
 Вот остановка под самым окном.
 <...>
 Может, я нарочно всё напутал,
 И весна смеётся, а не осень плачет.
 Хочешь — нарисую солнце, утро,
 Только в жизни чаще всё иначе².

¹ Переиначенная песня А.Розенбаума. В оригинале: «Ради Бога, не снимайте пластинки, этот вальс танцевали мы в тридцать седьмом».

² Песня В.Ланцберга.

Могла бы спеть:

...Хочешь — нарисую солнце, утро,
Только в нашей жизни — всё хорошо!

Или в песне «Ты у меня одна». Вместо:

Можешь отдать долги. Можешь любить других,
Можешь совсем уйти, только свети, свети¹.

Спела бы:

Можешь отдать долги. Можешь любить других,
Можешь *меня найти*, только свети, свети.

В праздники Мила ласкала гитару; смотрела на папу, наклонив влево голову, и пела, пела, пела. Вдвоём мы чаще всего пели «Ты у меня одна». Сначала редко, не каждый праздник, но потом так много и так часто, что я невольно стала ассоциировать слова с Милой. Ты у меня одна: разве мачеха — с бордовым чемоданом в полосочку, с крашеными рыжими волосами и со скрежетом в дверь, как мачеха-кошка в гоголевской «Утопленнице»², — разве она у меня такая не одна? Чтобы будить в метель, чтобы стелить постель: и здесь сходится. «Тая, посмотри, как за окном метёт. Почти-Север. И дует-то как: как во флейту!» Одно только не сходилось. Можешь отдать долги. Можешь любить других, можешь совсем уйти, только свети, свети. Свети? Разве Мила греет? Разве Мила светит?

Так, мы были близки с Милой только несколько раз в жизни, и всё — во время пения «Ты у меня одна». Если б её спросил об этом другой, она бы ответила, мол, нет, мы были близки с Тасей гораздо больше, не только в праздники, а и когда я встречала её после школы, когда кормила в ужин творожной запеканкой, когда комментировала выцветающее звёздное небо, когда просила убрать за собой посуду, а потом хвалила; когда желала ей хорошего дня в ватсапе, когда говорила за столом в кафе на ухо, что она мне как дочь. Слышите? Не только в праздники. Но близость двоих подразумевает два сердца, единство двух воспоминаний, творожных запеканок и звёздных неб. И Тая говорит. Мы были близки с Милой только на праздники, во время пения песни «Ты у меня одна».

— Ты первый голос или второй?

Завешиваем шторы, двигаемся на табуретке назад-вперёд-назад; звучим не как жена-Мила и школьница-Тая, а как две девушки без возраста, которые сошли откуда-то, куда вы всегда боялись запрокинуть голову, и произносят то, что вы всегда боялись запечатать в слова.

Ты у меня одна. Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна. Словно в году весна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Нет за туманами, дальними странами.

В сумерках города. В инее провода.
Вот и взошла звезда, чтобы светить всегда.
Чтобы будить в метель. Чтобы стелить постель,
Чтобы качать всю ночь у колыбели дочь.

¹ Песня Ю.Визбора.

² Гоголь Н. Вечера на хуторе близ Диканьки. Майская ночь, или Утопленница.

Рузаль Фаиз

Прыгун

Рассказ

С татарского. Перевод Гаухар Хасановой

Я впервые видел Сикорского в таком гневе. Он и до этого, бывало, разносил в пух и прах солистов, когда те не могли взять нужную ноту. Но чтобы так беситься и выходить из себя — аж лицо пошло пятнами! — нет, такого раньше не было.

Но я тоже хорош...

Пытаясь завершить четвёртый акт, я просидел всю ночь, утром ополоснулся холодной водой, чтобы разлепить покрасневшие глаза и немного освежить мозг, и к десяти утра явился на репетицию. Тот, кто знает, поймёт: с первых же тактов в оркестре наметилось напряжение, — оказалось, я во многих местах забыл проставить значок повтора. До сих пор сердце сжимается, стоит мне вспомнить, с каким тяжёлым уханьем, словно орёл-могильник, партитура пролетела над моей головой. Пришлось тут же, на месте, срочно исправлять.

Вспомнилось, что и до меня какой-то композитор пережил точно такую же ситуацию...

Только я завернул на улицу Касимовых, как зазвонил телефон.

— Да, Сергей Валерьевич?

— Ты же должен понимать... — художественный руководитель оркестра уже говорил спокойно — видимо, выпил целебного китайского чая. — У нас мало вариантов. Или мы дорабатываем твоё произведение... — Он помолчал. — Или всё к чёрту.

— Я же стараюсь, — сказал я, немного встревожившись: мне не хотелось убирать в стол произведение, в которое уже было вложено столько сил.

Рузаль Фаиз (Мухаметшин Рузаль Фаизович) родился в 1989 году в деревне Татарская Тулба Кукморского района Республики Татарстан. Окончил факультет татарской филологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Член Союза писателей Республики Татарстан. Лауреат Республиканской премии им. Мусы Джалиля. Живёт в Казани.

Хасанова Гаухар Мухамметовна родилась в 1959 году в селе Казанбаш Арского района Республики Татарстан. Окончила отделение русского языка и литературы и затем аспирантуру Казанского государственного университета. Кандидат филологических наук. Лауреат Республиканской литературной премии им. Сажида Сулеймановой (2009), Всероссийской премии им. Державина (2015). Заслуженный деятель культуры РТ (2015).

- Остался месяц.
- И того уже нет...
- И оперы нет.
- Будет.

— Ты должен сейчас жить исключительно этим. Надеюсь, ты не хочешь опозориться перед всем миром?

- На днях закончу.
- Ладно.

А ведь, между прочим, в договоре стоит условие: успеть к фестивалю «Казанская осень»! Разве я виноват, что кое-кто оказался больным на всю голову и заявил: «Покажем в рамках Универсиады»! Мне что, разорваться? Один будет писать клavier, второй делать оркестровку... Эх! Пропустил свой въезд. Теперь придётся объезжать несколько домов. Тем временем снова зазвонил телефон. Я раздражённо потянулся к трубке — о чём ещё он забыл мне сказать! — и удивился: на экране пульсировало имя Аида. Ответить не успел — как только я остановился у подъезда, телефон замолк. И тут же боковое зеркало отразило её, несущуюся ко мне (жена тянула за руку Амира). У сына в руках был плюшевый заяц.

— Что это за дурацкое животное? — пробурчал я, вылезая из машины. — Тебе мало машин и танков?

— Ты сам животное, — сказала сухо Аида. — Это твой прыгун, которого ты подарил на годовщину нашего знакомства, любимая игрушка Амира.

— А, прыгун, — сказал я, стараясь скрыть свой конфуз за интонацией безразличия.

И в самом деле, я когда-то купил его в ГУМе за бешеные деньги, за которые вполне мог бы приобрести лошадь.

— Привет, брат, как дела?

Не ответив на приветствие, Амир спрятался за матерью.

— У меня к тебе просьба, — сказала Аида с ужасающе серьёзным видом.

Меня всегда пугала эта её манера говорить. (Женщинам, вообще, не идёт быть серьёзными.) Так случилось и в этот раз — я встревожился.

- Сначала зайдём ко мне, небось, не чужие люди.
- Теперь чужие, — обрезала она, но всё же решила зайти.

* * *

— Только на два дня, — попыталась она воззвать к моей совести.

— Какие два дня! — Я чуть не ошпарил себя свежесваренным чаем. — У меня каждая секунда на счету! Каждое мгновение бесценно.

— Не надо говорить со мной книжными словами, ладно?

— Через месяц премьеры. А я даже не приступал к эпилогу. Как я могу взять ребёнка?

— Что же мне делать?

— Пусть твоя мать посидит с ним!

Аида пронзила меня возмущённым взглядом, и когда холод её глаз благополучно перетёк в мою душу, спросила спокойно, словно ничего не случилось:

— Ты дурак?..

Я хлопнул себя по лбу, и это был мой ответ. Да, я точно дурак!

— Тогда оставь его с Диной. Она же, как по заказу, сейчас в отпуске.

— В Турции?

— Тьфу, проклятье...

Как говорится, друзья познаются в беде.

Я вообще не перестаю удивляться родителям жены. Её отец — полковник. Живёт в Москве. Впрочем, если верить Аиде, скоро придётся говорить «жил». У него случился инсульт. И он сейчас в тяжёлом состоянии. Мать Аиды как угорелая помчалась на первом поезде посреди ночи. Вот скажите, на кой чёрт?! Вы разведены по закону. Всё! Вы теперь друг другу никто! У вас нет никаких взаимных обязательств! Можете расслабиться и жить в своё удовольствие! Вы уже не вместе. И если кто-нибудь из вас собирается куда-нибудь отправиться (скажем, на тот свет), то пожалуйста, теперь это никак не касается другого. Не лезьте друг к другу! Объяснить бы это её матери...

— Может, тебе не стоит ехать?

— Как это? — Аида растерялась. — Это же мой отец...

И Аида подключила своё самое страшное оружие — слёзы. Это очень надёжный приём, который она применяет с большим удовольствием и со знанием дела, и который завершается молчаливой капитуляцией противной стороны (меня то есть). Это приём, тысячу раз испытанный и тысячу раз себя оправдавший. Потому что я не могу видеть слёз... Вернее, я их боюсь. Каждый раз кажется, что её слёзы, беззащитно стекая с крыльев носа на подбородок, огненными каплями прожгут моё нутро, опалят сердце, обуглят душу.

— Это же мой отец...

Я мельком взглянул на Амира. Он возился с моими документами, вытряхнув их из барсетки. Пока Аида не поднялась в последнюю атаку и не поставила в споре жирную точку, я выхватил из рук сына бумаги и, не дожидаясь, когда он скривится в плаче, быстро включил телевизор, — сын без слов принял эту замену. На экране показывали мультфильм о Татарстане.

— Поезд отправляется через два часа. Завтра я буду там. Послезавтра в десять вечера сяду на обратный поезд. В семь утра в субботу буду в Казани. Я пошла.

— Не делай этого...

Аида умела жалить. Не торопясь, пропитав каждое своё слово ядом, она спокойно сказала, словно плюнула мне в самое сердце:

— Ты два года не мог быть ребёнку отцом. Попробуй хотя бы два дня.

Впав в странное оцепенение, я краешком сознания уловил, что жена, обнимая сына, что-то объясняет ему, — сказанные ею слова, растекаясь по венам, уже успели парализовать моё тело и сознание. И я лишь догадался, но не видел чётко, как открылась входная дверь и Аида растворилась в темноте подъезда. Не слышно было и стука захлопнувшейся двери. Лишь пахнувший в лицо холодный ветерок словно отрезвил меня. Рядом нетерпеливо крутился Амир:

— Где мама?

— Уехала.

— Куда?

— В Москву.

Сын взобрался на диван и затих, обняв прыгуна.

Что же делать с этим ребёнком?.. У меня дел невпроворот.

— Хочешь спать?

— Неа...

— Хочешь есть?

— Даа...

Анастасия Трифонова

Пока мелодия тверда

* * *

За этим домом точно есть другой —
и переезд, как утро, неизбежен.
Найдутся ли в нём мужество и нежность,
которые позволят быть собой:
не замолкать в неловкости стыда,
не смахивать нечаянные слёзы,
и реплику — пускай одногласо —
но длить, пока мелодия тверда.

* * *

Мирными, добрыми, слишком простыми вещами
себя окружаешь мещански — такое спасение:
в шуме и ярости, тщании и отчаянии
выдюжить, смочь и продолжиться песнью осенней
сквозь новостное мычание,
сквозь перепалку соседей.

Сквозь, как вязальная спица в слетевшую петлю, —
перехватить и поправить, по схеме скользя.
В сумерках нитки неяркие, еле заметные.
Сумерки августа, тёмные не по-летнему,
входят, перебирают предметы:
«Не порти, не порти глаза».

Трифонова Анастасия Владимировна — поэт, филолог. Родилась в 1987 году в Смоленске. В 2010 году окончила Смоленский государственный университет, кандидат филологических наук. Работает учителем. Печаталась в журналах «Юность», Prosodia и других, в антологии «Современный русский свободный стих». Участница проектов АСПИР «Мастерские» (2022) и «Литературные резиденции» (2023), форума «Липки» (2022) и др. Живёт в Смоленске.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 4.

Прощание

Инжир прямо с ветки — роскошно и весело —
мы обрывали в хозяйском дворе
и торопливо взбирались по лестнице
прятать добычу в съёмной норе:
пара кроватей, две тумбы, санузел,
стол под окном, застеклённая дверь.
Немногое нужно, быт безыскусен —
глагольная рифма, двусложный размер.
Смотрели на гору: так фрукты вкуснее,
насыщенной вина — и мы богачи.
Чайка планирует, но не кричит,
опускаясь на берег.

Тонкая тропка над уровнем прошлого,
вьётся — не разобрать.
Убрана с глаз — ненадёжный источник —
памяти вольная прядь.

* * *

Проверка сна, рождественский рассказ,
но по весне — такое волшебство,
как будто всё изменится сейчас,
вот-вот, уже почти, но ничего
не происходит. Остывают дни,
насмешники, неверные друзья.
Вечерний ветер шею холодит,
ничем укрыться от него нельзя:
ни редкой встречей, ни чужим огнём,
ни памятью воистину цветной.
Приносишь кошку в уютный дом,
чтоб не бояться засыпать одной.

Перерыв

О, время соболезований, стой,
побудь ещё далёким и незванным:
ребёнком, бликом солнечным, волной —
не тайным страхом, не рывком к познанию,
не страшным сном, втекающим в глазок,
не суетной попыткой отрешиться.
Не догоняй, других сбивая с ног,
Споткнувшихся, затапывая лица.
Помедли, я хочу тебя не знать,
но всё определённой и яснее
в который раз предчувствую на шее
твоё дыхание, и день тускнеет,
и, как впервые, я боюсь терять.

Воля

Осенний променад — проверка оптимизма:
попробуй доберись до ближнего села
по краю вязкой колеи машинописной
среди полей, раздетых догола.

И если счастья нет, останется смиренность:
выстраивать маршрут и думать о своём.
Тропа чернеет, мир обыкновенен,
и раз-очарование возможно в нём.

Здесь больше никого — свобода, поднебесье.
Пусть ветер жёсток, свеж, и неизбежен путь,
шум трассы вдалеке тоску уравновесит,
от мёртвой тишины позволит отдохнуть:

гуди, чужая жизнь, глухой высоковольткой,
трещи, как на ветру подсолнечник сухой.
Чернеет колея, идти недолго:
до ближнего села уже подать рукой.

Марина Перова

Ёлка

Рассказ

Половина оконных проёмов заколочены досками — говорят, это не окна, а огромные ростовые иконы. Я часто думала, почему бы не оторвать и не проверить, что там на самом деле. Крыша у бывшей церкви самая обычная — треугольная, покрытая шифером, потрескавшимся от солнца и морозов. Никаких куполов и крестов. Возле высокого крыльца блестят горлышки пивных бутылок — крестники пятничной дискотеки.

1

Когда папа был маленьким, дискотек тут не было. Только праздники, спектакли и комсомольские собрания. Взрослые, помнившие старые времена, запрещали детям играть на церковном пригорке. Если на спектакль надо или на чтения — ещё куда ни шло, а просто так — ни-ни. Но мальчишки, конечно, никого не слушали. Собирались по вечерам у клубного крыльца, травили байки, покашливая от ворованной махорки, висли на перилах, заглядывали в щели между скрывавшими иконы досками, прибитыми реденько, несерьёзно.

Так было и в тот странный октябрьский вечер, туманный и зябкий. Мальчишки, соревнуясь в умении выдыхать дымовые колечки, обсуждали на ступеньках скорую годовщину революции. Моему будущему папе не сиделось — в куцем пальтишке холодно. Он всё крутился возле крыльца, колотил по доскам, поддевал носком многократно подшитого валенка земляные комья. И тут обнаружил, что самая длинная из боковых досок держится на одном гвозде и её можно поднять, как крышку консервной банки. Про годовщину забыли. Как самый тощий и ловкий папа пролез под крыльцо. Кто-то дал ему слямзенный из отцовского кармана коробок спичек. Чирк! Изнанка ступеней, подкрылечная чернота. Иона во чреве китовом. Огонь высветил храмовую стену и на ней — огромное чёрное пятно.

Перова Марина Андреевна, родилась в селе Старые Байдары Половинского района Курганской области в 1991 году. Окончила Курганский государственный университет, магистр философии, кандидат исторических наук. Стихи печатались в журнале «Наш современник» и региональных изданиях. Автор книг «Небо над Тоболом» (2017) и «По усталой воде» (2024). Живёт в Кургане.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Тут какой-то лаз!

— Ну и лезь тогда, чего ждёшь.

И он залез. А за ним — застревая, протискиваясь, не по-детски ругаясь, — вся компания. Спичечные краткосрочные огоньки высвечивали нутро довольно большого подвала. Паутина. Отсыпанные землёй стены с завалинками. Вдоль стен свалены иконы и церковная утварь. Чирк! Иконы тёмные, совсем не похожие на привычные фотографии людей в газетах и на плакатах, а тем более на семейные снимки из фотоателье, которые висят дома над комодом. Эти странные суровые лица вызвали дрожь и желание накрыть их чем-нибудь или заколотить досками, как те, что на стенах снаружи. А вот утварь выглядела почти приветливо — посуда и посуда, причудливая только. Она нуждалась в чистке, но металл всё равно приятно блестел при вспышках тёплого света.

— Ты полегче с огнём-то, Витька! — опомнился кто-то. — А то подожжём тут что-нибудь и сами сгорим со всем этим опиём.

— Каким ещё опиём?

— Каким-каким. Для народа! Помнишь, историчка рассказывала? Так Ленин говорил о попах и всё́м этом вот.

Вдруг сделалось страшно. Пугали не только зловещие иконы. Почему-то казалось — хотя никто не говорил этого вслух, — что доску крыльца уже кто-то приколодил, и обратно не выбраться. Мальчишки вообще не такие храбрые, как пытаются выставить себя перед девчонками. Так что, когда по земляному полу мимо чьей-то ноги пробежала ошалевшая от избытка гостей мышь, тот пулей вылетел из подвала. За ним — второй.

И папа решил, что нужно взять с собой что-нибудь отсюда. На память, ну и как доказательство. И он взял маленькую ложку с несоразмерно большой узорчатой ручкой. Это была ложка для причастия, но он тогда этого не знал. И в тот момент, когда опустил трофей в карман и собирался лезть под крыльцо, из темноты на него двинулось что-то высокое. Он зажгёт спичку и увидел худое бородатое лицо с огромными глазами. Закричал. Спичку бросил и оказался в полной темноте. Но как-то сразу сориентировался — подтянулся за края лаза и выпрыгнул в подкрылочное пространство и оттуда — на свежий воздух. Мальчишки бросились бежать, не спрашивая, что случилось — такой жуткий получился крик.

Земля была подмёрзшая, трава взялась льдом и заиндевела. Оскальзываясь, они бежали до первого дома со светлыми окнами. Во дворе залаяла собака и прогнала страх.

Папа до сих пор не знает, верить ли увиденному, и не знал, поверили ли ему тогда товарищи. Он решил, что это дух, посланный охранять церковные сокровища. Но мальчишки считали, что если в подвале кто-то и был, то только реальный человек. Ведь никаких духов не существует, это знает любой нормальный материалист.

— Надо взрослым сказать или самим ещё раз слазить. Может, это беглый каторжник. Или поп какой. Несознательный элемент. Шпион, — рассуждал самый умный из ребят, тот, что цитировал Ленина. — Не может человек просто так в этой норе сидеть.

— Или там вообще никого не было, а мне примерещилось.

Мальчишки ещё несколько раз ходили к лазу, по двое забирались внутрь, оставляя товарищей снаружи, чтобы было кому позвать на помощь, если что пойдёт не так. Бородача больше никто не видел. Сам подвал перестал казаться таким страшным, и сваленные в нём иконы — тоже. В конце концов, папа стал забираться

туда один, разжившись фонариком. Так можно было спокойно разглядывать подвальные сокровища. Никто не отвлекал, не торопил, не смеялся. Строгое лицо мужчины с маленькой бородкой и огромными глазами привлекало его особенно, и он мог стоять подле него долго, разбирая крючковатые символы над его плечами — «И-с Хр-с» слева и «Снь Бж-й» справа.

Но в один из вечеров заветная доска оказалась прибитой на четыре гвоздя. На следующий день на пионерском собрании в школе их компании сделали выговор. И предупредили: того, кто будет ломать социалистическую собственность и лазить под клуб, исключат из пионеров и из школы.

Папа часто рассказывал эту историю. Я представляла священника, который греется у клубной печки ночью, пока никто не видит. А когда небо затянуто тучами и луна не подглядывает за неспящими, выходит на улицу посмотреть, как живут деревенские безбожники. Он останавливается у домов, где смотрят десятый сон уставшие парни и девушки, особенно рьяно отплясывавшие на алтарных досках.

2

Мне запрещалось ходить на школьные праздники, если их устраивали в клубе. Раньше там была церковь Покрова, мне папа рассказывал. Покров — это и праздник в честь Матери Бога, и часть её одежды, с помощью которой она чудесным образом защищает мир. Папа в это верил, я — тоже. А те, кто снял с церкви кресты, — нет.

На месте алтаря теперь была сцена. Иконостас разобрали на дрова и давно сожгли. Тяжёлые кулисные шторы, за которыми переодевались артисты, проходили как раз по линии царских врат. Папа называл всё это странным словом «кошунство» (мне оно напоминало одновременно кости, Костю из класса и Кошея Бессмертного).

Особенным кошунством папа считал пятничные дискотеки. Тогда на место церковного клироса усаживался ди-джей — продвинутый старшеклассник или приехавший на выходные студент — и крутил бесовскую музыку. Подвыпившие танцоры толпились внизу, а самые горячие забирались на сцену под всеобщее одобрительное «oooo!!!» — чаще всего девушки в мини-юбках.

Меня эти грешники не интересовали. Но вот уже три года подряд я впадала в тоску в конце ноября, когда учительница раздавала роли в новогоднем сценарии.

Обычно они доставались лучшим ученикам. В этом году я решала задачи из учебника на класс старше, выучивала длинные стихотворения, когда задавали только отрывок, и писала самые интересные сочинения. То есть точно заслужила роль. Я это знала почти наверняка. Но ёлку проводили в клубе — и я без шансов. Даже если передумают и сделают в школе, играть в спектакле родители всё равно не разрешат. Я не спрашивала, но была в этом уверена на все сто: лицедейство — грех.

Все эти уверенности существовали во мне одновременно, перебивая одна другую. По ночам я ворочалась, слушая, как сопит во сне братик и гудит электричество, и представляла себя принцессой. По утрам одевалась проворнее обыкновенного, — даже упрямые колготки натягивала быстрее. Честно чистила зубы и заплетала косу так, как учила мама. Не завтракая — вязкими зимними утрами тошнило от одной мысли о еде, — бежала в школу. Вдруг сегодня?.. Валенки ужасно жмут — ну и пусть. Снег бодро хрустел, дыхание оседало инеем на шарфе и воротнике куртки. Школа недалеко — несколько дворов по нашей улице, потом сворачиваешь на тропинку мимо пригорка, где стоит церковь-клуб, и вот уже перед тобой зелёная рабица и распахнутые ворота.

Ввалившись в раздевалку, я стягивала тяжёлую зимнюю одежду, доставала из пакета вторую обувь — неудобные стоптанные туфли, — и тут меня накрывало чувство безнадёжности. Прислонившись к стене среди тёплых, пахнущих шерстью и снегом курток и шуб, я сонно ждала звонка. Я в Нарнии, и совсем скоро эти глупые люди узнают, кто я на самом деле.

— Мама говорит, что и в этот раз Снегурочкой буду я! — это Лиза, самая красивая девочка в классе, вертится перед зеркалом в фойе и вырывает меня из дрёмы. У неё удивительно плавная линия носа, переходящая в дуги бровей. Я всегда рисовала такие брови и носы в своём альбоме. И ещё у неё нет веснушек, ни одной. Это самое важное. У меня эти уродливые рыжие пятна всюду — нос, щёки, лоб, подбородок усыпаны ими. Спрятать их невозможно, особенно когда волосы заплетаешь в косу и лицо — некрасиво вытянутое, с огромным выпуклым лбом — остаётся открытым.

Я улыбнулась Лизе, хотя мне этого не хотелось. Не знаю, почему я всё время это делаю. Может, потому что она красивая. А я нет. Конечно, её мама права. Я без шансов.

Уроки в тот день тянулись медленно, особенно предпоследний, когда солнце светило в наши окна так ярко, что я буквально поджаривалась в своей вязаной красной кофте с оленями. Последним был классный час, и вот на нём-то Людмила Ивановна и рассказала про сценарий. Лизе предложили роль Феи, а Снегурочки — мне.

— Ты ведь уже два раза подряд была Снегурочкой, — успокаивала Лизу учительница. — Тем более Фея по сценарию очень важна! Без неё и праздника не случится!

Мне было непонятно, радуюсь я или сейчас заплачу, поэтому я молча следила за солнечным зайчиком, который отбрасывали часы Людмилы Ивановны.

— Катя, согласна? Я в дневнике напишу для твоей мамы, чтобы шила тебе костюм. А ты учи роль. На вот, держи.

Она положила на парту соединённые жёлтой скрепкой листы и сообщила всем, что первая репетиция — на следующей неделе.

Папа хотел бросить сценарий в печь. Мама говорила, что я — ребёнок и должна хоть разок поучаствовать в празднике. В результате папа с мамой поссорились. Я чувствовала себя виноватой и весь день молчала. Молча мыла посуду, молча делала уроки, молча переодевала братика и подавала ему игрушки.

— Я попаду в ад, если буду Снегурочкой? — спросила я перед сном.

— Нет, конечно. Спи, — сказала мама.

Папа промолчал. Он морщил лоб и двигал нижней челюстью, как будто у него болел зуб. Это значило, что он очень зол.

Я свернулась клубком, накрывшись одеялом с головой, чтобы священник не нашёл меня, если придёт. Но так лежать было душно, пришлось открыть лицо. В окна светила луна, поэтому в комнате можно было различить предметы. Кровать родителей напротив моего дивана. Слева — печь, точнее, её спина, потому что лицевая сторона с топкой смотрела на кухню. Справа — тумбочка с Евангелием, молитвословом и стопкой житий и акафистов. Над ней — полочка-божничка с иконами и лампадкой. Огонёк слабо трепетал, освещая лики Христа и Богородицы и разделявшее их медное распятие. Иконы стояли не только на полке. Они висели на обеих стенах, образовывавших угол, который папа называл красным, хотя он был подкопчёно-белым, — маленькие и большие, деревянные и бумажные. Их было больше пятидесяти штук — я считала, когда протирала пыль.

Вита Градская

Му-му и Ко-ко

Рассказ

Му-му — МУранцева Мария Устиновна, учительница музыки для шалопаев среднего звена средней школы, просто уже по определению и волей педагогического бога, не могла не получить прозвище Му-му.

Когда она входила в аудиторию, шаркая стоптанными туфлями, то сразу, невзирая на шумящий класс, живо устремлялась к инструменту и высоким, ласковым голосом объявляла:

— Урок музыки, деточки. Тишина!

Деточки ровным счётом оставляли без внимания её призыв, как и сам факт её присутствия в классе.

Мария Устиновна платила той же мелкой монетой. Оставаясь равнодушной к игнору, под неравномерное гудение класса раскрывала нотную тетрадь, поднимала крышку рояля и тем же самым невозмутимым тоном продолжала:

— И-и-и-и, начали:

Куба, любовь моя,
Остров зари багровой,
Песня летит над планетой, звеня, —
Куба — любовь моя.

Куба, ясен пень, никого не интересовала, за исключением знаковой тогда для СССР фигуры Эрнесто Рафаэля Гевара. Че Гевара для всего мира, если что. Гошка Крымов прошлым летом гонял с родителями в Абхазию, где на раскрепощённом от советских идей рынке смог отхватить футболку с принтом волевого молодчика, что и оказался Че Геварой. Гошкина футболка — гордость всего класса, а песня Му-му — отстой.

Песня про Кубу класс не тревожила, а сам класс не тревожил Марию Устиновну. За весь свой педагогический стаж она повидала и пережила не одно поколение

Вита Градская (Андреева Наталия Николаевна) родилась в г. Данилов Ярославской области в 1968 году. Окончила медицинское училище по специальности фельдшер. Работает массажистом-лечебником. Финалист конкурса рассказов «Доживём до понедельника» (2023). Участница проектов АСПИР. Живёт в Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

оболтусов и твёрдо, смиренно знала: петь её песни они не будут. И вместе с тем была непоколебимо убеждена, что только своими божественно-летающими звуками, выходящими из-под её пальцев, магическим образом трансформируясь в величие элизиума, она собственной рукой сеет зёрна культуры и добра в душах «молодого, зелёного племени». Ну, конечно, только она, — не Клавдия же Осиповна со своим грубым черчением!

Мирная, как атом, блаженная, словно святая, и безразличная, будто Рак в созвездии Девы, она покорно ходила на службу в школу, индифферентно ставила пятёрки безличным балбесам, выпивала на большой перемене принесённый из дома овсяный жидкий кисель, невпопад кивала на обращение к ней учителей и ждала заветного часа, когда стрелки часов переполовинят круглый циферблат на два равных полушария.

Правда, до заветного часа ещё пару раз раскроется дверь её класса и вечно взлохмаченная голова в сдвинутом набок шиньоне протиснется в аудиторию. Грозный рык охотящегося аллозавра огласит помещение, зыбко отскакивая от стен и стёкол, свирепо помечется по классу и прихлопнет непослушные головы распоясавшихся «деточек».

— Опять гудим, мелкопузырчатые? Порядок в танковых войсках. — И всем: — И-и-и-и-и, начали!

Мария Устиновна с достоинством повернёт голову в её сторону, благодарно кивнёт и, отвернувшись снова к инструменту, брезгливо сморщит носик.

«Ох уж мне эта Клавдия Осиповна, ну вот кто её просит вечно вмешиваться в мой процесс? Нет, я сегодня непременно наберусь отваги и пресеку её вторжения на мою личную территорию. Я же не сую нос, не встречаю в её уроки. Тоже мне, чертёжница! “Виртуозы не служат музыке, они заставляют её служить себе”. Так, кажется, говорил Жан Кокто».

И вот мы уже вплотную подошли к разгадке тайны заветного часа Марии Устиновны Муранцевой.

Пару лет назад её как заслуженного ударника педагогического труда премировали (Боже, подумать только) путёвкой в самую южную столицу, в самую жемчужину у моря — в Одессу!

Да-да, вы не ослышались. По самому Ланжерону гуляла Мария Устиновна. На автобусе в Аркадию ездила. И даже держала в руке программку однодневной экскурсии в катакомбы. Не отважилась, правда, уж больно опасная затея. И нашумевший на весь Союз Привоз тоже не впечатлил Марию Устиновну. Хамство, бескультурие и дерзость. Безнравственность, распущенность и неопрятность.

Ну а теперь самое очаровательное: Мария Устиновна посетила волшебную улицу — улицу Дерибасовскую. Ещё в детстве читала она о ней книгах. Ильф и Петров, Утёсов, Анна Ахматова, Владимир Жаботинский. Ну как тут можно было не купить эскимо на тоненькой палочке, не присесть элегантно на затенённую уютную скамейку, наслаждаясь архитектурными изысками и, милоя взор, не побаловать своё диетическое нутро нежнейшим сливочным лакомством?

Вообще Мария Устиновна любила красивые изысканные вещи. Её однокомнатная квартира с тяжёлыми парчовыми шторами являла собой филиал Эрмитажа или претендовала на звание частного «Музея одного посетителя». В святая святых хранилища статуэток Мария Устиновна никого не пускала. Всю свою одинокую жизнь она посвятила самосовершенствованию. Смольные институтки не раздумывая приняли бы её в свои компаньонки и ссорились бы из-за звания лучшей машерочки.

И вот именно при этом обстоятельстве, в минуту высшей душевной неги, и подошёл к ней потный, усталый коробейник. Он так отвратительно не вписывался в ласковое томление возвышенной души Марии Устиновны, что та от ужаса едва не капнула на платье слегка подтаявшим мороженым. Глаза, адаптировавшиеся к прекраснейшей панораме жемчужины у моря, сейчас влажно выкатились, и не мороженое, а слёзы разочарования всё ж таки капнули на подол кисейного сарафана.

— Э, — обратился к ней коробейник, — книгу купи?

И протянул ей тонкую книжку в бумажном переплёте.

— Сколько? — дребезжащим голосом Вадима Козина спросила Мария Устиновна.

— Книг скоко? — не понял её мужик.

— Не «скоко», а «сколько», — механически поправила его отдыхающая.

— Вона, грамотная шибко. Культурныя какие, — поддразнил её офеня. — Тогда бери вот эту. Рупь.

Порылся на своём лотке и протянул ей «Фразы и афоризмы о музыке».

Такого подарка судьбы, приплывшего не по солёной воде в жемчужине у моря, а посуху, да от потного мужика, Мария Устиновна и помыслить не могла.

Благоговейно, словно батюшка в алтаре перед Евангелием, она взяла книгу в руки и, слегка опустив веки, открыла её на первой попавшейся странице. «Музыка — единственное безгрешное чувственное наслаждение. (Джонсон Сэмюэл)». «Да! Да, милый Джонсон Сэмюэл, трижды да!» — вторила она ему.

Она листала и листала этот маленький сборник, опечатанный на плохой бумаге и явно не стоящий своих денег. Но что там бумага? Он стоил целое состояние. Он стоил целую душу! А душа бесценна.

— Рупь гони, — прервал её душевную торговую биржу мужик, — а то вона, хозяин уже смотрит. Не балета, неча на дурничку в буквы пялиться.

Теперь «Фразы и афоризмы о музыке» стали её настольной библией. С неё она начинала свой день, её читала на ночь. К ней она бежала из школы. Это и был её заветный час.

Сейчас Мария Устиновна решительно, как ей казалось, шагала по направлению к учительской. «Уважаемая Клавдия Осиповна, — репетировала она речь, — уважаемая Клавдия Осиповна! Я хочу... Я намерена... — плохо складывались слова в голове. — Клавдия Осиповна...» — И толкнула двери в учительскую.

— А я его, гада, спрашиваю: и куда ты теперь значок денешь? А он мне такой и отвечает: к рубашке приколю! — гремел и бился о стены голос Клавдии Осиповны.

«Что случилось?» — взглядом спросила Мария Устиновна свою коллегу и соседку по столу, учительницу географии Веру Ивановну.

— У Клавы сын Сашка в детском садике значок украл, а та дома улику обнаружила. Ну и развела костёр инквизиции посреди кухни. Бедный мальчонка во всех грехах признался, затем чужие на себя взял. А когда наша Клава затушила этот костёр и сменила угли на елейные серенады, Сашка возьми и брякни, что значок этот несчастный завтра к рубахе своей приколет, — шёпотом пояснила Вера Ивановна.

— Жив? — с участием поинтересовалась Мария Устиновна.

— Под следствием, — понимающе подмигнула ей Вера Ивановна.

— Ну а про Ванькину диверсию слышали уже все? — обвела учительскую прокурорским взором инквизиторша-мать.

— Господи, этот-то яростный революционер где отличился? — ужаснулась проштрафившаяся Мария Устиновна.

Алёна Шварёва

АЛЯ

Рассказ

Ш Б М Н К

Первые два ряда — это легко, вот с третьим хуже: буквы какие-то скользкие, меняются прямо на глазах, выворачиваются, не поймаешь.

В четвёртом они уже просто кверху брюхом, точь-в-точь прошлогодние гуппи в аквариуме. Остаётся просто заучить, как стих, и дело в шляпе.

Ы М Б Ш

Их даже повторять не надо — толкаются, сами в глаза лезут.

Главное, чтобы плакат не поменяли. Очки — страшная гадость, уж лучше глисты, чем очки. Всё что угодно, только не эти окуляры, как банки с прошлогодними огурцами. Хотя видно в них и правда всё чётко, но радость от чёткости изображения сильно преувеличивают. Ходить лупоглазым уродом ради того, чтобы видеть, что у Вити Пузырёва диатез по всему лицу. Как потом с ним клады искать? Какой он пират или Робин Гуд, если весь в прыщах? А те, кверху брюхом, которых смыли в унитаз только потому, что они отказывались просыпаться? Зачем было это видеть? Вот теперь ходи и думай: если ты утром откажешься просыпаться и идти в школу, тебя тоже сольют и крышкой прикроют?

Б Ы Н К М

Это ж надо, врачи какие глупые, один и тот же плакат и в поликлинике, и в медкабинете в школе повесили. Думали, Аля слепая, не заметит. А слепые-то, они лучше видят, чем кто другой.

«Аля, Аля, да что ж такое, я ушла, так и знай», — это мама.

Алёна Шварёва — драматург. Училась в СПбГАТИ на факультете сценических искусств, в магистратуре на курсе Н.С.Скорород «Драматургия и проектирование спектакля». Работает в театре. Живёт в Санкт-Петербурге.

Первая публикация автора.

В коридоре яркая лампа. Огромное зеркало до самого потолка, а на верхушке две девушки с кувшинами. Аля знает, что мама ещё никуда не ушла, она разглядывает своё лицо в зеркальном стекле. Поворачивает голову, пытаюсь увидеть себя в профиль, кусает заусенец, сама себя одёргивает. Мама всегда недовольна своим отражением, хотя никто на всём белом свете не умеет так восхитительно доставать кончиком языка до носа, как она. А это сложно! Да просто невозможно! Если достанешь, — быть счастливым. Верная примета! Счастье — это талант! Не каждому дано. Маме повезло, и она действительно, как ни крути, счастлива, — у неё же есть Аля, и папа, и бабушка. Но она мечтает о греческом профиле, мол, так красивее. И радуется, что Алин нос в бабушку. Глупая! Разве нос важнее счастья? А она из-за какого-то профиля ходит грустная. Аля бьёт кулачком по столу, тот смешно крикает. Она знает много секретиков у вещей в этом доме. Например, под сиденьем дивана пастбище засохших козьяков, и далеко не все Алины. Или ещё: если подставить стул к двери в гостиную, сесть и не моргая смотреть прямо в хрустальную ручку, то там всё переливается, множится, и, возможно, даже есть гномы, там что-то очень настоящее, и оно требует серьёзного изучения, на которое, как всегда, не хватает времени, потому что ать-два: бежать, учить, отвечать, одеваться, переодеваться, мыть, кушать, спать, называть доктору буквы, подбирать очки, — короче, единственная мечта Али, ну, конечно, после говорящей куклы и двухколёсного велосипеда, — её главная мечта — что бы все отстали. И вполне возможно, там, в ручке, и есть тот самый другой мир, в котором, как говорит бабушка, мы все будем счастливыми. «И отсталыми», — добавляет Аля.

И Н Ш М К

Интересно, что бабушка понимает под счастьем? Когда она спустила в унитаз рыбок, то сказала: «Отмучились, счастливые».

Але сильно тогда хотелось превратиться в соседскую болонку и укусить бабушку за ногу. Или стать комаром и ужалить прямо в глаз! Ведь можно было просто подождать, когда те очухаются. Они же только отдыхали после сытного обеда, которым Аля их угостила. Мякиш свежей булки с маслом и сахаром, а то плавают, морды кирпичом, и всё время порошок скучный цопают, какое уж тут рыбе счастье? А бабушка головой только покачала и сачком выловила. «Ничего, они по трубам, по трубам — и в море». Это с каких же это пор клозет к морю ведёт? Моря Аля никогда не видела, но была уверена, что будь море хрустальной ручкой, то открывало бы дверь в самый прекрасный из всех миров. И потом, как может тёплый чищенный аквариум быть мученьем или несчастьем? Взяла и смыла.

Н Ш Ы И К Б

А дальше? Дальше забыла, и плакат точно будет другой, хотя он всегда один и тот же, и просто ужасно тоскливый. Что это за буквы? Б, Ы, Ш, Н, К, М, Ы, К, М — не буквы, а судороги. Вот так же бабочка дрыгалась, когда её отец булавкой к картонке пришил.

Ей же больно! — Аля в недоумении.

Что ты, это же красота! — Отец восхищён.

Мама выгнулась дугой, боится ступить в уличной на паркет, выглядывает Алю. «Аля, всё... Я ушла».

Звенит ключами громко, в доказательство идёт к входной двери, отпирает замок, топает.

Аля бросается к кровати, там должна быть кукла Маша, но посреди подушек только слон и одноглазая собака. Может, очки бы и не помешали. Но только сейчас. В данный момент. И всё.

Мы опоздаем, Аля! — Очень строгий голос у мамы.

Входная дверь захлопывается, проворачивается замок.

Коронный трюк: говорит, что ушла, а сама только пугает. И вообще, если бы маме пришлось сдавать нормы ГТО, то она бы была королевой черепашек, вот поэтому-то она и ужасная торопыга. Аля спокойна, времени вагон, ещё как, обычно, придётся ужом от скуки завязываться перед кабинетом.

Аля бежит в гостиную, может, кукла на кресле. Но и там Маши нет. Аля тоже начинает сердиться. Она грозит пальцем, топает. Слава богу, телефонный звонок. И вот, пожалуйста:

Мама берёт трубку, значит, никто никуда не ушёл. Аля приоткрывает дверь в комнату бабушки.

В комнате светло и свежо. Окно нараспашку. Шумят прохожие, воробьи, гаркают вороны — всякий весенний сброд. А в комнате никакой спешки. Только солнце и пыль. И ещё бабушка. Но сейчас она почему-то сидит на подоконнике, свесив ноги прямо на улицу. Для прохожих с высоты пятого этажа, наверное, она кажется малюсенькой, как бабочка. Как-то очень по-весеннему она сидит, смотрит на небо. Небо похоже на голубой ситец с белыми барашками. Бабушка тоже в светлой ночной сорочке, хотя уже почти полдень, впрочем, у бабушки пенсия, это значит — море времени. И вообще бабушка не тот человек, про которого можно было бы сказать: «Кто не работает, тот не ест». Бабуля и сама покушать любит, и Алю пичкает: бульон чтобы до дна, морковь для глаз, крошки в рот. Сама же эклер с пивом трескает, Аля собственными глазами видела. На самом деле бабушка никогда не работала, только два раза в жизни, и оба — сестрой милосердия. В первую мировую на огромном военном лайнере, куда её сразу после свадьбы взял с собой дедушка, усатый полковник. Гражданских на лайнер не пускали, так что весь медовый месяц бабушка щеголяла в наряде монашки. И во вторую, тоже мировую, в Ленинграде медсестрой. К тому времени у усатого полковника уже разорвалось сердце, чем спасло всю мамину семью от тридцать седьмого, что это такое — тридцать седьмой, — Аля не понимает совершенно. Только один раз слышала, как папа сказал, что это не сердце усатого полковника, а он их спас от загадочного тридцать седьмого. И бабушка странно дёрнулась, схватилась за горло, из которого хлестнула кровь. Кровь проросла огненной бородой по всему подбородку, залила шею и изгадила накрахмаленный воротник, отчего тот стал алым, как пионерский галстук. Потом выяснилось, что то, что видела Аля, только казалось кровью, а на самом деле обыкновенный йод, бабушка перепутала пузырьки, хотела взять с каплями валерианы, а схватила и глотнула йод, пара пустяков, даже гортань не обожгло. Словом, пенсию бабушке дали за инвалидность. И вовсе не из-за йода. На инвалида бабуля, конечно же, никаким боком. Разве инвалиды каждое утро делают причёску, или читают по-французски басни Лафонтена? А она брови подведёт жжёной спичкой и басни наизусть шпарит, как будто сама их написала. Инвалидность у неё липовая, как говорит сама бабушка, но зато со штампом из нервного диспансера, хотя Аля слышала, как отец однажды сказал, что она и правда психованная.

Лилия Камалетдинова

Моменты нормальности

Рассказ

Под чёрными подошвами старых ботинок, что привезла Ольга, хрустит сухая жёлтая и алая листва. Носком я поддеваю её и зачерпываю влажную ещё не промёрзшую землю. Сегодня заметно похолодало. Воздух густой, он наполнен ароматами гниющей травы, сухой коры деревьев, луж и бетонных стен, которые всё меньше прогревает солнце. Перед выходом я по традиции спустился на первый этаж, чтобы посмотреть, какая за окном температура. Тринадцать градусов выше нуля. Поздоровался с Катенькой и Натальей Семёновной, они сидели в мягких креслах, укутавшись в шали, и допивали какао. Сегодня понедельник, а по понедельникам на завтрак нам дают какао или горячий шоколад, тут уж кто чего пожелает, хотя Анатолий Романович из десятой комнаты говорит, что и в первой, и во второй банке одинаковый порошок шоколадно-ванильного вкуса. Я бы выпил чаю, чёрного с лимоном и двумя ложками сахара, но правила есть правила. Недалеко от главного корпуса, прямо под клёном стоит обшарпанная лавочка цвета закатного солнца. Постояльцы не любят на ней сидеть. Рядом со скамейкой, словно Уральские горы, расположился большой муравейник с сотнями, а может, и тысячами жителей. Люди боятся таких маленьких существ, которых можно раздавить подушечкой пальца. Я стелю на скамейку газету, прижимаю двумя камушками края, снимаю тяжёлые ботинки, натягиваю повыше колючие носки и усаживаюсь поудобнее, нога на ногу, чтобы было легче делать заметки.

У меня много блокнотов и шариковых ручек с вкусно пахнущим стержнем, их привезла моя сестра Ольга. Я записываю туда всё, что помню, начиная с самого детства: школьные стихотворения, столицы стран и названия континентов, название шоколада, который купил себе сам в десять лет, татарские песни и бабушкины анекдоты. Я пишу до тех пор, пока не начнут замерзать руки, я дую на пальцы, тёплое дыхание окутывает их, и я согреваюсь. Вот ещё одна заметка: почему снаружи мне холодно, но изо рта идёт горячий воздух. Нужно спросить у Анатолия Романовича, он у нас самый умный. Вдалеке виднеется фигура медсестры Сании, она машет мне рукой и велит вернуться в корпус.

Камалетдинова Лилия Ирековна — родилась в 1992 году в Магнитогорске, где и проживает. По образованию экономист, окончила МГТУ им.Г.И.Носова. Автор романа «Сёстры на перекрёстке», вошедший в длинный список премии «Лицей» (2024). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Иду, иду, — бурчу я себе под нос и медленно встаю, разминая затёкшую шею. — Вечно вы меня на самом интересном моменте обрываете, — говорю я Сание и захожу обратно.

* * *

Мама часто рассказывала, что, когда я только родился, акушерка вытаскивала меня клешнями, приговаривая: «Какая же большая голова у вашего мальчика, учёным будет. Как подрастёт, не забудьте похвастать достижениями сына». Мама тогда лишь устало улыбнулась и поцеловала меня в мою большую с кровавыми пятнами голову. Я не стал учёным. Вышло всё наоборот. Я не знал своего диагноза и не понимал, да и до сих пор не понимаю, чем отличаюсь от других. Родители всегда говорили одно и то же: нельзя доверять всему тому, что говорят другие люди; общаться надо только с хорошими ребятами; если дворовые мальчишки дают что-то попробовать, нужно вежливо отказаться. Как же определить, кто из ребят хороший, а кто нет? На предложение мальчишек сделать глоток волшебного напитка я говорил: «нет, спасибо» или «мне мама не разрешает», и они просто выливали всю газировку в мой карман или в кепку, настолько хотели поделиться. Я приходил домой заплаканный, в мокрых штанах и ругал маму, почему же мне нельзя ничего брать у ребят, раз они так хотят, чтобы я попробовал эту газировку? Мама выключала газовую плиту и усаживала меня за кухонный стол: «Маратик, повторяю тебе в тысячный раз. Ты не такой, как эти ребята. Ты доверчивый и очень добрый. Эти мальчишки видят твою наивность и пользуются этим». В те времена я не понимал, что такое эта ваша наивность, но решил промолчать, чтобы ещё сильнее не расстраивать маму. Внутри меня боролись две личности, я понимал, что ребята сделали плохую вещь, вылив на меня газировку, но, с другой стороны, они говорят, что мы друзья. Зовут меня погулять, просят вынести конфет из дома, играют со мной в прятки, правда, я вечно не могу их найти, да и папа не разрешает уходить со двора, а они только за его пределами и прячутся. Поэтому, поискав их дольше обычного, я проигрываю и иду домой, чтобы на следующий день выйти в качестве проигравшего и снова галить, потом опять, и на следующей неделе тоже, и так до тех пор, пока ребятам не надоест со мной играть.

В первом классе я узнал, какими дети бывают жестокими и прекрасными одновременно — ясные умы и гадкие мысли, как всё это уживается в одной голове? Учительница начальных классов Анастасия Сергеевна с первых дней учёбы говорила моим родителям, что я не потяну обычную школьную программу, ведь мальчик постоянно отвлекается, без спроса выходит в туалет, рисует на партах и в учебниках. Анастасия Сергеевна не стала рассказывать маме, как лицо её от злости заливается алым цветом, стоит мне прослушать вопрос; как звучно она стучит указкой по парте и называет меня никчёмным или тупым мальчишкой.

На уроке литературного чтения нам раздали яркие цветные книжки, больше похожие на тетради, но с красивыми картинками. «Репка», — прочитал я. С обложки на меня смотрел худощавый дедуля с густой белой бородой, морщинистым лицом и красным, как помидор, носом. Он вцепился своими тощими руками в репку, пытаясь вытянуть её из земли. Сзади его приобняла бабуля, явно готовая помочь, но, кажись, ничего не получилось, и она подозвала розовощёкую девицу: «Внучка, наверное», — подумал я. Только после прочтения всей книги, мы узнали, что, помимо внучки, там были ещё и Жучка, и кошка, и мышка.

— Марат продолжает чтение, — произнесла Анастасия Сергеевна и кивнула в мою сторону.

В чтении по ролям мне достались последние строчки. Я сделал глубокий вдох, радуясь, что настала моя очередь, зажал пальцами нос, чтобы сделать голос чуть скрипучим, и начал читать.

— Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку...

— Ты чё гундишь-то? — перебил меня Лёня.

Я строго посмотрел на него: не по-детски наглая ухмылка обнажила беззубый рот. Лёня выглядел старше своего возраста, голубые глаза, практически белые, такие же брови и ресницы. Россыпь веснушек на маленьком лице. Они были повсюду, даже возле ушей, поэтому он отращивал волосы и опускал их, чуть прикрывая щёки и большой лоб. Сердце забило сильнее, тогда я думал, что учащённый пульс — признак того, насколько глубоко я проникся ролью рассказчика. На каждой запятой я прикрывал глаза и вновь собирался с духом, чтобы продолжить чтение. По итогу это оказалось ничем другим, как зарождающейся яростью, которую с возрастом контролировать станет всё труднее.

— Леонид? — Учительница посмотрела на Лёньку и пригрозила тому пальцем. — Тсс, дайте Марату дочитать.

— А чё он нос-то зажал? Совсем больной, что ли? — он расхохотался, запуская волну смешков по всему классу.

— Я... я... ну, хотел с выражением почитать, — ответил я, уставившись на картинку: счастливая внучка сидит на большой репке и широко улыбается дедушке. Все смотрят на неё, даже мышка.

Мне всего лишь осталось произнести пару строк: «Тянут-потянут — и вытянули репку. Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец!» Паршивый Лёня, остановил меня на самом волнительном моменте.

— Да ты как debil прочитал. Анастасия Сергеевна, не давайте ему больше ничего вслух читать. Слушать противно! — Под партой он показывал мне средний палец и улыбался.

Я оглядел класс. Рыжие парты с железными ножками и такие же стулья. Спинка больно упирается в лопатки, от этого постоянно хочется чуть прогнуться и опереться носом в тетрадь или учебник. Вокруг еле слышен гул учеников, они перешёптываются и показывают на меня пальцем. Учительница стоит возле доски, стирая дату и тему урока затхлой тряпкой, которую явно не стирали с того года. Пыль от мела возвышается над её головой и плавно оседает на пол и рукава пиджака. Она стряхивает белое облако с ладоней и садится обратно за учительский стол. Моя голова, словно футбольный мяч, что пинают друг другу ребята на уроке физры, пульсирует в разных местах. Вот ученик Рябиченко пнул мяч в ворота соперника, шов кожаного шара трещит, ведь он совсем старый, — пульсация во лбу. Вратарь Савушкин Коля ловко отбрасывает мяч обратно на поле в надежде, что кто-то из команды уведёт его на сторону противника, — пульсация в затылке. Мою голову словно пинали разные люди: словами, кивками, смехом, скрежетом зубов, надувая пузырь от жвачки. «Ты как debil прочитал», — эхом проносится в голове. Дебил. Как часто я слышал это слово за восемь лет жизни. Во дворе, от соседа дяди Толи, когда мальчишки подговорили меня постучать в его дверь и притвориться деревом. «Он не заметит тебя, ты же дерево», — говорили они. Я со всей силы постучал в железную дверь, раз пять, а может, и шесть. Быстро засунул руки в карманы, нащупал там остатки чуть сгнивших ранеток, засунул одну в рот. Я яблоня, меня никто не видит. Стоило дядь-Толе открыть дверь,

Никита Станкевич

Любил далёкую звезду

* * *

Любил далёкую звезду,
Любил по мартовскому снегу
Топтать вечернюю Москву
И, затянувшись, пальцем в небо
С лихой уверенностью ткнуть:
«Там — за закатом — Млечный Путь».

Ловцами солнц нам не бывать —
И только, как бы для порядка,
Мы повернули время вспять,
Сочтя всю жизнь за опечатку.
И это было, но прошло —
И не впервой нам, если что.

Давай рассудимся с тобой:
Кто по домам, кто на убой,
Кто снова вроссыпь без оглядки.

Кто посреди седых полей,
Кто в свете тусклых фонарей,
А кто, как прежде, с жизнью в прятки.

* * *

Я тоже больше не могу,
Когда Печатники в снегу
И над Перервой перезвон —
Долина, солнце, Гаваон.

Я тоже больше не в себе,
Когда я тут, а ты в Москве.

И этот город, как петля, —
А вдруг не круглая земля?

Я тоже, значит, не вернусь,
Когда вдруг по следу пушусь
И, не найдя тебя, — гляди, —
Свалюсь с окраины земли.

* * *

Рвать сердце не надо
Мы будем смотреть
Как в свете лампы
Легко умереть

И в запертой клетки
Ты им отвечай
Послушайте дети
Бетон это рай

Как Господу робко
В мерцании тьмы
В бетонной коробке
Слагают псалмы

Зачем вам на небо
Вы здесь кое-как
Над городом хлебным
Сгушается мрак

Так Господи тихо
На ухо почти
Eхnihilonihil
Ты им говори

И слушают дети
И им невдомёк
Как пусто на свете
Как Он одинок

* * *

С Богородицей говорю —
Кого ненавижу, кого люблю.

«Этих, — шепчу, — на дух не переношу:
Во сне приснилось, как их душу.
А этих люблю и терпеть готов —
С этими просто без сказанных слов».

«Что ты, Никита? — Она говорит. —
Плохо тебе? Покажи, где болит».

«Здесь, Богородица, колет и рвёт, —
Пальцем на сердце, — двенадцатый год».

«Смиренней, Никита. Не падай под лёд.
Это от гордости. Это пройдёт».

* * *

покончить со всем и забыться —
забыться безрадостным сном.
тебе не наскучило сниться,
являться мне в доме чужом?
и этот безжизненный Нижний
в тисках своих каменных рек
схватил меня и обездвижил.
безвестный поэт имярек
теперь обращается прямо
(к тебе, проходящей во сне)
из тёмной кладбищенской ямы:
не помни, забудь обо мне.

Александр Чанцев

Запечатления

Гильотина — это хайку. Шеи, лезвия и тишины.

Guilty Fake Loser.

Мама, когда рано разбудил, «мама? Мама?» Сейчас перед сном — заметил я? Ничего не сказал. «Вот какая стала». Над собой смеется — раньше никогда. Мягче к концу. О Господи...

Если когда-то шокировали в литмире нравы, то сейчас — сугубый непрофессионализм всего.

Это не мои жесты. И не мой язык. И тело точно не мое. Я — это только анкет, это дрожащая на чужом ветру тревога.

Нежно нужно.

Запах лилий на венчании рифмовался априори с — на даче после (в поместье, в глушь).

За обсуждением поста — шелест роз. Росу их. Ух! Шорох.

Опохмеляться кагором на венчании.

Горностаи на чердаке, возвращаясь с охоты и укладываясь в пять-шесть утра (час горностаи), беспокойный, как я, как мама обо мне говорит. Ходит, бродит, топчется. По звуку — будто стучит — и с мамой оба в тревоге, что плохо ей/мне, не может позвать. Иногда быстро укладывается, а один раз ходил туда-сюда, колготился, как говорит мама. Да, как я, долго. Ну хоть бессонницей не страдает. Или он раньше всех встает и зарядку делает!

Александр Чанцев — литературовед-японист, критик, прозаик, эссеист-культуролог. Родился в 1978 году в Замбии. Закончил Институт стран Азии и Африки МГУ. Стажировался в буддийском университете Рюоку (Киото). Кандидат филологических наук. Печатается с 2001 года, с 2004 года — в журналах «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Знамя» и др. В «ДН» ведёт рубрику non-fiction Pro. Лауреат премии журнала «Дружба народов». Живёт в Москве.

Старую сливу спиливали, дед еще сажал. Долго не давал спилить, да возраст, заморозки, тля. Старейшая, умершая, сгнившая — так тверда, что диск болгарки тормозился, застревал, застывал. Умершие — сильны.

Пилили засохшие ветки у яблони. Рядом — в зарослях яблонь и еще и крыжовника со смородиной — явно было гнездо. И даже суровый узбек, выгадывающий каждую секунду для заработка, замер, когда метались пичужки, кричали, пытаюсь защитить от монстров. Защитить, не защититься.

С ним же, старым узбеком Хакимом. Успеете сегодня и покосить? Да, сегодня же самый длинный день в году (летнее солнцестояние). А еще сегодня война началась (22 июня).

Трясогузка соорудила гнездо над крыльцом. Зависает в воздухе с червяками в клюве, когда мы выходим. Шумит по железу крыши. Трепещет, практикует вертикальный взлет, как на авиасалоне, косит одним глазом, отгоняет веером крыльев, чирикает. Потом все равно подлетает. С клочком мха в клюве, что из фундамента у крыльца тут же и вытащила. Дом птиц и куниц.

Чем ближе к земле, тем ближе к небу. Небо вообще ближе земли.

Такое счастье — под 50 лет (такой ужас!) узнать новую музыку — полдня слушаю Эрика Бёрдона.

Алекситимия, как мигрень.

Поливать розы хочется больше, чем читать. Смысла точно больше.

Птички нас на небо отнесут, место определят, на полочку пристроят.

Или когда родители перестанут тебя учить и говорить, что все в твоей жизни неправильно, это и есть неправильно — с ними? Видимо, да.

Венчание отмечали в пабе «Свинья и роза». На даче же акция — навоз и розы. Японский сорт «Принцесса Мияби».

Ира в 31—33 градуса на даче: не нужны ли розам зонтики от солнца?

Когда умирает человек, должен исчезать и мир. Индуисты правы. Ведь это его мир. Пусть каждый раз новый, для новых.

Лилии не цветут у нас — цветут через пару просек. Кто-то обламывает маленькие веточки на участке, кто? — ни ветра, ни чужих людей (горностаи по ночам раскачиваются? Ежи залезают?). Ноутбук не может починить ни хорошая мастерская, ни многочисленные инструкции в интернете, ни звонок еще раз мастеру — и все становится идеально после простой перезагрузки. Много, много иррационального вокруг и тут. А ведь это только верхушка показала(сь).

И — целый вечер летят военные самолеты с полным боезапасом с аэродрома под Тверью.

Вертолет упадет — розу не помнет.

Я вру, ненавижу ее, всегда против, оскорбляю и т.д. — очень неполный список того, что думает обо мне моя мама.

Марианна Фейтфулл ‘Wild horses couldn’t drag me away’ после овердоза увидела-написала, «Кони привередливые» пришли к Высоцкому в реанимации (тоже после ОV?) — тройка Харона с бубенцами и цыганами?

Вышел ежик из тумана. Заморить червячка червячком. Буду резать, буду бить, все равно тебе любить.

Молния, эта татуировка изнутри век, смывается слезой улыбки радуги, уходит в кровь, как в землю, а оттуда взрывом взмывают облака бабочек.

Умирать весело можно, а вот жить в вечной тоске — нет.

Я просто потерявшийся ребенок, чем дальше в лес, тем больше дров.

Травелог без нее за неделю еще.

Я тебя люблю, но все равно хочу покончить с собой. Завещание написать или сардельки пожарить?

«Смерть больше не убога. Теперь она застенчива, дружелюбна, почти весела». Хьюберт Крэкенторп, «Виньетки: миниатюрный дневник причуд и сантиментов».

Мир спасет прах. В саду, огороде. Мир прогнил. Мир — (в лучшем случае) компост. Мы вышли из сада и в сад идем, а все время бродили неизвестно где, нигде.

Хочется снять с себя это мясо, как мерзкую, грязную, провонявшую потом одежду.

Люблю — и боюсь — эти странные тут закаты, сумерки, как-то не по правилам, вне закона.

Думаешь, куча у тебя вещей. Вот маек. Вот шлепанцев — Азия в Танзании купила, от ее Тони (покойного — тут лучше в скобках) осталось две пары, и одна от Сида, тоже африканиста, тоже у себя на другой квартире селил. А вот на даче снашиваются. И как не люблю расставаться с вещами — тут снос этот люблю, да.

Ира снимала ночные розы. К вечеру запах лилий сногшибателен. И ходом коня заходит в дом, с мягким стуком в висках. Листьев путем.

Тут — интоксикация наоборот. Этот воздух, этот запах лилий, эти кузнечики, это все.

Какой тут Том Форд и даже Роже Дав и Франсис Кюркджян? Запах killing лилий, костра, пота. Дачной ночи.

Костром — режет ветки, вилами укладывает в бочку, строго говорит ветки совать только виртуально, сил собирать уже нет, об укусах комаров и оводов забыв — загорелась.

Горит ТВ у Скворцовых, душ у Бориса Николаевича, а так — август.

Приветственное слово Апокалипсису.

Парадиз-паразит. Благоухание глухомани. Орхидная охра.

Выйти из знания, поделиться дыханием, сдуть им смерть.

Розы — те еще нарциссы!

К сожалению, опять спил на даче. Одна рябина — а так красива была, ягодами пулялись в детстве, а сейчас они и листва горят к осени, еще и на фоне обвивающего их ярко-салатового лимонника — стара, умирает и грозит свалиться(ся на) забор. Красная смородина тоже сохнет, стара — вместо нее можно будет продлить ирисову аллею. Все же дед сажал и даже не в последние свои тут годы... И еще два куста черной смородины — да, мне нравится просто зелень, дикое даже, но они уж совсем с астильбой и флоксами заросли образуют, за ними густо несколько яблонь, и оттуда то птицы, то горностаи вчера, а завтра змеи поползут. Сейчас копать — так база испанских слизней оказалась, в позапрошлом году — мышей-полевок.

Не любящая фотографироваться в возрасте (не красавицей) и запрещающая, мама, просящая меня слать уоцаппом Татьяне Александровне розы и лилии, впервые просит снять ее — на фоне гортензии, что выше ее.

Мама: дед не дожил, что ты так увлечешься садоводством, вот бы он. На таких промежутках жизнь и крепится.

«Меланхолия роз», придумали с Иррой название для будущей статьи. Название без текста не сирота, наоборот, самостоятельная монада.

Моя комната наполнена под потолок полностью мышами, змеями и крысами. Чем больше я отбиваюсь, тем больше они кусаются. Чем больше дергаюсь, тем они неотступнее. И мыши постоянно пищат.

А власть над миром получит тот, кто сможет программировать сны.

И подставлять руку под снежинки бессонницы.

В этих местах писали только на собственной коже.

Перфокарты кротовых ходов. Свастики молний, серп и молот грома. Воздухостойкие духи русалок. Руно гриба. Рокот росы. И твои воздушные постели. И архитектура снежинок. И комнаты ветра. И зев спор сознания. И телеграммы комаров. И копы еловых иголок. И скумбрия сна. И заплатка ночного пыльного бархата (столовая в провинциальном театре). Медузы подушки, медвежья бока.

И первый класс стрекоз. Всеобщий покос. Мушиный засос. Троеручица трав. Покрест всех трудов. Наотмашь весна. Снега. Да и покресть следов. Евлампия. Да.

Сходить на дачный рынок. Купить продуктов (молоко, яйца, хлеб, местную домашнюю колбасу), фруктов (черника, черешня), очередную лилию у старушек (300 рублей. Переводом можно? Конечно! Анна Павловна? Да). Нести в рюкзаке деда, позвонив по дороге Ире и освоив в случае удачи новую просеку в прогулке-наброеде. Мама поохает-пожурит за очередную флору («Некуда сажать уже! Когда остановишься?»), будет мыть (движение ей полезно! Хоть и старческо-больная уже полностью пластика) и разбирать (находя купленные ей гостинцы — клубника, бублики). Потом сажать и перекусить. Это ли не так близко к счастью? Faraway, so close ко всему.

Карты облаков.

Дотанцуй свою любовь.

Звезды падают с гвоздиков от августовского лая.

Злые гномики начинают вечно кидать снежки: зима. Их, распотевшихся весной, позовет домой мама: лето. Осенью они отдыхают под одеялами из росы. Грибная, лисья роса, сотканная из той ясности, что кристаллы родит.

Возвешение рая многим заменяет сам рай.

Вегетарианец, борец с апартеидом, активист за все прогрессивное Кутзее — Достоевский нашего века. Кутси-тутси.

На место смородины посадил рододендроны и магнолию. Так и в еде сейчас суси, вок и прочий космополитизм. Фьюжн размывает или намывает? Ведь и песок из осколков всего, а волна вечнее берега.

— Иногда от дождя у роз загнивают бутоны, эх.

— Ну, что же делать...

— Дать им зонтики.

— И кружевные от палящего солнца!

— Панамки!

Я болен, я разрушен.

Кто его излечит? Васька Кибертон!

Звезды — это дыры от пуль в расстрельном бараке.

Духи «Мигрень» из рододендрона сорта «Мигрень осенняя».

С кайфом читаю «Автономные временные зоны» Хакима Бея — вызвав утром на даче покосить (спилить и покопать) Хакима. Которого зову заочно Хаким-бей.

Недаром некоторые священные тексты тибетцев были написаны на облачном языке, а молния заключила их в цельные камни или стволы деревьев.

Этот год не ремонта, не посадок (хотя и их. «Когда остановитесь?»), а — подравнивания. Пересадил шиповник из розариума. Смородину старую убрали. Сейчас трубу выкапываем, по которой от водослива от дома аж к границе участка дед воду отводил. В земле — глубоко так ушли — камни, что дорожку обрамляли. В зарослях сирени-хмеля на ней — крыжовника — еще бордюрные плиты, труба (был у нас водопровод по всему участку). Как римские акведуки. Покровские.

Читать — жить, не живя. На проценты — вечность, небытие, запятая.

В переписке (из Москвы в Петербург) с Бурмистровым за день:

- 1) Москва — третий Римленд.
- 2) Я — Dutchman, дачный человек.

Капельницей сам в себя яд. Кап-кап.

Очередное бесчинство бестиария, то есть ежей — упавшее яблоко все обгрызено до состояния огрызка, а вокруг роз ямки и отброшена мульча. Жучков они ищут или что, хоть вернули бы мульчу на место.

Сегодня день рождения деда. А ночью снилась бабушка. Она была сильно моложе, чем в конце, лет на 30. И выглядела такой живой, что я даже испугался (видимо, людям оттуда все же приличествует какая-то дымка, кайма размытости и нереальности). Стояла в дверном проеме и что-то очень бодро (что тоже не очень свойственно ей (было)) говорила (но сон, как водится, разметал слова, как осенние листья).

Розы заболели черной пятнистостью, пионы — ржавчиной. У радующих внешним видом экстерьер и поражается? От всего средство — бордоская жидкость. А садоводам только бардо прописать, чтобы не сразу в Бордо от переживательности.

Читал «Сесиль» Порвина. Кажется, ИИ удалось бы так же, разве что щеки раздуты не в такие паруса. Посадить их рядом с Седаковой, будут вместе надувать пафосом лягушонку по имени Нихиль.

Читал современную литературу в жюри двух премий. Был было комплекс, не читаю. Теперь нет.

Вешаю рассказ, с благодарностью редактору по имени Дмитрий Песков. Заходит одна либералка духа — и не городская сумасшедшая, из ИСАА тоже — и не смущает это имя? То есть ему имя поменять? А Владимира Владимировича Маяковского и Набокова они уже закэнселили/переименовали? Подозревал, конечно, что мозги у них крайне не так работают, но — работают ли вообще?

Когда проводила Наташа А. — в своем по собственному дизайну построенному в Серебряном бору дому — экскурсию по, то на книжных полках увидел три номера «Нового мира». О, посмотрю-пролистаю. И (будучи, как в покер, отчасти уверенным в), угадал. В номерах с ее публикациями — я и рядом. В двух номерах из трёх. Да и третий — текст не ея, а статья с упоминанием ея. Удивилась.

Меня, конечно, не знаячи тогда, до знакомства.

Но и я — имя знал, конечно, видел и читал (обычные-то литераторы — не), не ассоциировал.

К вопросу, знают ли жители нижних таеров друг друга.

Сотканная из молний. Из холодных молний.

Это осеннее прохладное тепло.

Прочел Ставрогину — как и у Порвина, ИИ-набор правильных слов. Если нет не только чувства, но и смысла, зачем мне эта поэзия? Ради мертворожденной конвенциональности?

А Михалева классная, детская совсем, как Іванів, Гатина и давыдовский некроинфантилизм (должен был быть).

Маме о природе по дороге в Пушкинские горы. Грибы везде растут, ими торгуют, черникой. Она спрашивает — о «зверушках» тут. Только старость размягчила. И болезни, универсальный размягчитель.

Как черепаха, что каменна внутри с мягким панцирем.

Динозавры развязки около Морского порта в Петербурге.

Тетя Оля принесла мне японские задания пройти с ней — так трогательно, в ее-то возрасте и с подкрадывающейся деменцией! Как ребенок, что несет свои домашние задания. И стар, и млад. А что между — мимо.

Девочка 54 лет плачет о своей давно умершей бабуле.

Когда Бог хочет наказать человека, он лишает его разума? А когда еще хочет поиздеваться, лишает сна.

Почему в бессоннице ни одной хорошей мысли?

Синдром беспокойных ног — а уж мыслей.

Я лишь сборник маленьких жалких секретов.

Про выбрать мне с одним делом. Потом разговор о выбрать из 20 одинаковых кадров. Я — невозможно. Ира — можно повесить два кадра рядом, видеть оттенки хроматические. Я — можно было бы так с поступками, две реальности сразу!

Юнгер — пророк без дураков. И о будущем («Уход в Лес», «Мир») знает больше, чем само будущее. А о таком аспекте его, как технэ («У стены времени»), больше копавшего его во множестве томов Хайдеггера (побеждая его, как и — «О боли» — раньше).

В прозе Юнгер заумен, в философии публицистичен, в эссеистике и дневниковости — гениален. Мысль, вырывающаяся из диктата современности в прогностическое будущее, как и ум, создающий собственное мышление, не могут не быть свободны до края.

Высокое искусство отказа и поражения.

На даче работает мозг Шерлоком Холмсом.

1) Хотел скважину, пока не зимой жить (дом не таков), но как минимум продлить время после отключения воды, весну и осень раздвинуть. Уже заказывать было. Но два препятствия сообразил — в холода в апреле и в ноябре вода-то будет, но трубы крана и нагревателя мороз может разорвать форелевым льдом / даже не будет Миши и таджиков в это время свинтить/развинтить сантехнику.

2) Кто-то ломает веточки. Раз заметил, два. В этот раз — на розе колючей, на высокой довольно вишне. Кто? Ураганов, ливней не было. Бестиарий? Но вряд ли горностаи, ежи и лягушки с птицами на тонких веточках раскачиваются. Кто, как? Сломал голову, уже начал придумывать нитку на калитке (после размолвки со сторожем), камеру на крыльцо. Сообразил — птицы* для гнезда. И ведь верно — пару месяцев назад на крыльце уроненное горностаями гнездо и яичница, в этот раз — опять листьев и мха из пазов между плитками на дорожке натаскали для. Туда и веточки. А до этого и мульчу (грешил на ежей — приношу свои извинения). Бинго!

А ведь мозг прямо не хуже, чем для решения рабочих задач / офисных интриг вертелся.

*На вопрос в Интернете, зачем птицы ломают ветки, чей-то ответ «дебилы!»

Купил на дачном рыночке сезонное — рыжие бархатцы и лисички.

И у купленных (оптовую партию в четыре куста мне выкопал, привез на рынок муж старушки, а меня с ними — довез до участка) и посаженных бархатцев через пару часов — три сломанных стебля. Что же это за?! Прошедший кот, привлеченный (фраппированный) запахом? Опять ломать голову?

Пробиваю — феномен известен, насчет этимологии — расхождение мнений.

Мильтон идет в ад по дороге из желтого кирпича:

Broad and ample road, whose dust is gold,
And pavement stars — as starts to thee appear
Soon in the galaxy, that milky way
Which mightly as a circling zone thou seest
Powder'd with stars.

Тихие песни мертвых.

Счастье всегда незаконно. Закон оправдывает только слезы.

Соня идет на пикник. Она надевает все свои лучшие жемчуга. А жемчугов у нее много и все лучшие, потому что ее бабушка Ольга — волшебник. Волшебник по камням и жемчугам. Камни такие твердые, даже больно на них падать, но в руках у бабушки они мягкие. Будто снежки. А жемчужины — это дети ракушек. Твердые дети ракушек. Хотя светятся и сверкают, как снежинки. Такие морские снежинки.

Ожерелья блестят и играют лучиками света. Их видят с неба звезды и, привлеченные светом, спускаются с неба. Они тоже хотят на пикник! Тем более с родителями и друзьями. Друзья-то у звездочек есть — такие же звездочки. Они там на небе все дружат между собой. Даже объединяются в компании. И дают им имена — Большая Медведица, Малая, Созвездия Собак и Котов и, самая большая, звездочкина компания — Млечный Путь. А вот родителей у них, кажется, нет. И это немного

грустно. Кто возьмет их на пикник, испечет им пирожки и положит их в корзинки, накрыв платком из далекой снежной страны?

Звезды так давно дети, вечно дети, just kids, что уже и забыли, кто их родители. Этого даже не знают всезнайки-люди, которые любят хвастаться, что знают все. Может, их родители — небо? Нет, скорее всего, их родители — Солнце и Луна! Они же на них похожи, ты только посмотри! Они бело-белые, как Луна, а от Солнца взяли эти лучики. Точно! А их бабушка — леди Бог, а дедушка — сэр Бог. Они уже такие старые, что старше всего на свете. Они никогда не умирали и не умрут. Поэтому и мы, когда попадем на небо, тоже никогда не будем больше умирать. Может, мы даже станем звездами, кто знает, это будет сюрприз.

Пока же звездочки выпрыгивают из своих черных бархатных кроваток, быстро наряжаются в свои лучшие наряды и стремглав летят к земле. А когда звезды падают — особенно осенью, — можно загадать желание. И оно обязательно сбудется. Давай загадаем желание, так много-много желаний, как звезд на небе. Хватит надолго!

Они падают, как снежинки, но никогда не разобьют коленки о камни на земле. У них же есть специальные парашюты (которые люди принимают за хвост кометы, но давайте не будем раскрывать им все небесные технологии и секреты, взрослые же иногда глупы и делают из красивых вещей какие-то шумные машины и дурацкие механизмы) и прочные шлемы (такие, как надевают, когда катаются на велосипеде).

Итак, звездочки уже здесь и, взявшись за руки, идут на пикник. Соня дает им примерить свои жемчужные бусы. Те им удивительно идут. А особенно маленькие звездочки прыгают через них, как на скакалках. А еще звездочки задорно болтают. Еще бы, они там на небе дружат только друг с дружкой и уже успели рассказать все истории и сплетни. Сейчас же, перебивая друг друга, они рассказывают о своих домашних животных — особых зайцах с Луны! Те хоть и очень большие и пушистые и прыгают о-го-го как, но до Земли допрыгнуть не все же могут. Поэтому они сегодня остались дома. И звезды показывают их фотографии в своих телефонах. Надо же! — удивляется Соня. И рассказывает про свою бабушку, которая приручила не зайцев, а настоящие камни, а еще ракушек со дна морского. Они живут в маленьких каменных домах, которые носят на себе. Тут уже удивляются звездочки — с морями на небе не очень, вода там собирается только тогда, когда идет сильный дождь. А бассейн у нас на пикнике будет? Конечно, и мы посидим на его бортике, болтая ногами и разбрызгивая воду! И еще можем попрыгать по лужам и догнать радугу!

И они идут на пикник. Есть пирожки и бутерброды, пить газировку и жарить барбекю. Ведь звезды там на небе изрядно проголодались. Попробуй повисеть там, как на турнике на физкультуре, каждую ночь! Руки устанут, затекут, а голодный живот будет проситься спрыгнуть на землю и пойти поскорее что-нибудь перекусить. Но нельзя, ведь они на работе, на орбите. Они освещают землю и присматривают за всеми маленькими девочками и мальчиками. Что идут на пикник, гулять во дворе, в детский сад или по другим своим важным детским делам.

А вот в этот день — день рождения Сони! — они могут отдохнуть и пойти на пикник все вместе. Им же так здорово и весело вместе!

А ведь Ницше победил сейчас. Когда вместо воцарившейся религии униженных рабов проповедовал сверхчеловека, не снисхождение, а возвышение, унижение — богов. Сейчас, когда кумиры — Маск и еще несколько звезд, а до остальных миллиардов никому нет дела. Он победил — из парадигмы поражения. Но и проиграл, конечно, окончательно, ибо нынешнее — тотальное поражение.

Кости реки.

Снятся иногда ссоры с любимыми мертвыми. Это, видимо, как-то понятно — моя обида, что умерли, их большая любовь, клубок жизни и смерти, всего...

Встал-устал.

Я столько раз хоронил в будущем, весь воздух в могилах. Как земля в кротовых лунках, дуршлаг тира.

Ребенок не любит ландшафт, а рассматривает пыль под столом и видит в ней тени рыцарских замков и волны экваторных пустынь. Это с возрастом развивается дальновзоркость, начинают привлекать экзотические пейзажи, кажется, что в них еще можно отыскать сказку.

Ольга, у которой покупаю ирисы, а сейчас лилейники и хосты — останетесь еще на пару дней на даче? Да. Только не сажайте сейчас, через два дня! Почему? Полнолуние, очень не рекомендуется в эти дни сажать!

У нас была великая эпоха детства.

Розы же, когда пропалывал, укололи. Через перчатку в земле — столбняком наградят?

Фото цветов — это сорванные цветы.

Запечатления.

Анатолий Цирульников

Записки немолодого отца

Часть I. Христина и Юлия

Я бы не решился публиковать эти записки, но люди, которым я рассказывал о моих поздних радостях, неожиданно воспринимали их как свои, из чего я заключаю, что и в наше время детей хотят иметь многие. К тому же по странному совпадению незадолго до рождения дочки мне в руки попали дневники столетней давности, которые вел от лица своей дочери другой отец — князь С.В.Голицын. Оказалось, что мы с ним сверстники и оба немолодые отцы. Так возникла тема.

Я появляюсь на свет

Суббота, 8 февраля 1874 г.

«Со временем, читая этот дневник, я удивлюсь, что отец заранее так положительно утверждает, что у него родится дочь, и, может быть, подумаю, что дневник ведется не аккуратно и что в нем иногда, под формой пророчества, вписываются происшествия, уже случившиеся. В этом я ошибусь: дневник пишется всякий день...»

Две толстые тетради в твердом переплете, озаглавленные «Дневник Христины», вместили 1526 первых дней жизни маленькой княжны Голицыной. Первая запись была сделана во вторник, 4 мая 1871 года — в день крестин, пятый от роду.

«Ночь до пяти часов провела я очень бурно и не давала спать матери, — записывает отец. — Это от погоды — дождь льет ливня...»

Век с четвертью спустя тоже будет много воды. Моя дочь Юлия родится у нас дома, в ванне, в половине десятого вечера, во вторник, 1 сентября 1998 года. «Крестные» — акушеры Юля и Антон — разматают под водой стягивавшую девочку пуповину, и моя дочка сделает первый свободный вздох. Потом я перережу пуповину, соединявшую ребенка с матерью: считается, что это должен сделать отец.

Цирульников Анатолий Маркович — ученый и писатель, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального института образования РАНХиГС и страстный путешественник. Вот уже много лет его очерки в «ДН» позволяют нашим читателям не только странствовать по самым отдаленным уголкам России, но и знакомиться с самыми разными системами и новациями в педагогике.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 11.

На домашние роды, если бы не обстоятельства, я бы не решился. Но идти против желания жены рожать дома я не стал. Да, конечно, был риск. Но роды — всегда риск, всегда нахождение между жизнью и смертью. Как там у Льва Толстого: «Между зародышем и рождением — пучина, между несуществованием и зародышем — непостижимость». Не просто физический, но духовный процесс, выражаемый в категориях «любовь», «вечность», Бог. Во всяком случае, я после всех страхов, мучений, опасений, грехов и мук совести прихожу к выводу, что рождение ребенка и то, каким он оказывается, не является случайным и определяется не только отцом и матерью, но, может быть, всем бесконечным родом, находящимся позади и спереди, плюс небеса. Здесь нет никакой мистики, но «таинство, торжественнейшее в мире»¹.

Я начала узнавать свое имя

Четверг, 7 июля 1871 г.

«...Я делаюсь заметно понятливей. Отца я уже твердо узнаю, особенно когда он в красной блузе, не принимаю его больше за мать, не лезу к нему с просьбой, чтоб он накормил меня, а просто улыбаюсь ему и ловлю его за седую бороду <...>».

Перед обедом принесли земляники, и няня пошла отбирать ее, оставив меня с деревенскими детьми, из коих один мальчик, очень маленький, закричал во все горло и испугал меня, тогда отец заметил няне, что я дороже земляники...»

Совсем иной, чем наш, поток времени, с иным отсчетом в календаре. Совсем иной поток времени, чем тот, который бурлит вокруг современников маленькой княжны и ее стареющего отца. С другими событиями, отсчитываемыми от рождества Христины. На 18-й день она терпеть не может пеленок. На 36-й — села, держа прямо голову. День сотый — опасно дует из окна, не простудилась бы... прорезываются зубки... Христина жует фиалковый корень. Ни волнения в Польше, ни покушение на государя, ни споры об эмансипации не нашли отражения в дневнике — только чем кормили, во что играли, в котором часу укладывали...

О князе Сергее Владимировиче Голицыне знаем немного. Считаю — ничего не знаем. Он из прекрасного семейства, известного до двадцатого колена. В роду много знаменитостей. Прабабка Наталья Петровна — прообраз «Пиковой дамы». Бабушка Наталья Фёдоровна — лермонтовская «загадка НФИ». Раскидистое родовое древо: виноградари и полководцы, сановники и профессора, историки и писатели...

Сергей Владимирович был тоже кем-то вроде писателя. Сочинял роман, а молодой жене давал переписывать, чтобы исправить ее почерк и приучить к правильному выражению мыслей. Нужно это было князю для того, чтобы и в его отсутствие записки не прерывались и продолжался дневник жизни дочери.

Похоже, она стала главным его произведением. Об остальном — вскользь. В Москве князь с семьей снимал маленькую «дурную квартиру» невдалеке от Бутырок. Посещал артистический кружок, играл в карты, сочинял шахматные этюды. На лето уезжали во Владимир, под Мстеру. Гуляли, ходили по грибы, князь стрелял из ружья в полдень и вечером, отпугивая ястребов. Нет, не составить по этому дневнику портрета эпохи. «*Нынче в первый раз начала узнавать свое имя и оборачиваться, когда меня зовут*».

Зачем он писал этот дневник? По той же причине, что и я. Позднее отцовство спасительно для человека, почувствовавшего себя последним в роду. Все старшие ушли — и ты вдруг встал в затылок уходящей в никуда очереди, а за твоей спиной уже никого. Вдруг пропал смысл жизни. Какой смысл — если никого за тобой нет...

¹ Лев Толстой. Война и мир. Часть 1, глава 8.

В молодости я не думал обо всем этом. Все мои родные были живы, еще не стары, и, находясь в их окружении, я не ощущал себя последним. Острое чувство крайнего возникло позже, когда ушли близкие и я встал в хвост уходящей в никуда очереди. Рождение Юлии развернуло меня на сто восемьдесят градусов. Теперь я уже не был последним в этой печальной очереди, но она сама, развернувшись и повеселев, шла за моей дочкой, поддерживая ее. В ночь перед родами жене явилась покойная бабушка и успокоила: все будет хорошо. А я, незадолго до того простившийся со своим дедом, с удивлением обнаружил, что эпизоды его смерти прокручиваются передо мною, как на киноплёнке, задом наперед — в жизни его правнучки. Последний вздох, предсмертная горячка, влажная постель, немощь, неустойчивые шаги — все, что вело там к концу, здесь развертывалось из начала!

Я начинаю любить тех, кто меня любит

Понедельник 15 марта 1871 г., 204-й день.

«Погода стоит прехолодная... Ночью я часто кашляла. Отец приходил ко мне в начале 10-го часа и гулял со мной по комнатам. Играли на новом креслице, оно так похоже на старое, сделанное для иного употребления, что я часто принимаю одно за другое, к великой досаде домашних.»

Перед обедом у меня очень озябли ноги: отец подержал одну в теплой руке своей, и когда он отнял руку, то я показала ему, чтобы он опять приложил ее. Вечером получили письма от бабушки № 1, Аю, и тетки Обресковой с припиской дяди. Все эти письма наполнены заботами обо мне, отец положил их в мой портфель на память».

В дневнике сущие пустяки. Играла, ударилась о стул, заплакала, отец приложил холодный компресс, боль прошла, маленькая шишечка осталась. Откуда любовь? «Умственные способности мои, то есть память, как говорит Гельвеций, с каждым днем развиваются, — записывает отец, — и я начинаю любить тех, кто меня любит».

Сто лет спустя я замечаю, что младенец улыбается всем — как иностранец. Потом становится избирательным: различает своих и чужих, хмурит брови, плачет. Вряд ли это проявление национального характера. Может быть, ему просто недостает любви окружающих?

Отец не может, конечно, заменить матери, но это не значит, что его роль заранее расписана. Сердце подскажет, в чем он нужнее своему чаду, и недостаток одного восполнится избытком другого.

С первых дней Юлиной жизни у нас возник собственный язык взглядов, прикосновений, с помощью которого мы понимаем друг друга. И как подарок родилась улыбка моей дочки, сначала слабая, как бы пробное подергивание губ. А потом настоящая улыбка. Утренняя, как у Микки Мауса, полуденная, сквозь сон, дневная, вечерняя. Эта расцветающая улыбка увеличивает наше сходство, делая дочку похожей на меня, каким я был когда-то и, возможно, каков я есть, если снять толщу наслоений, встряхнуть и вычистить, как старую одежду.

С первого месяца я начал придумывать ей сказки про лампочку и увидел, что дочка слушает их. Стоит мне вечером усестись в кресло, взяв ее на руки и показывая рукой на горящую лампочку, начать сказки, как Юлия замирает и сидит спокойно, пока я не заканчиваю. Между сказкой и лампочкой возникает явная связь: одной лампочки при моем молчании недостаточно, как и одной лишь сказки. Может быть, потому, что последняя все же вымысел и становится правдой лишь в соединении с горящей лампочкой — первым, что увидела дочка, появившись на свет.

Маленьким карандашом

Алексей Алёхин

Варькин альбомчик

Сонный слон

Приснился мне огромный сон,
Такой, что в нём гуляет слон.

Танцует слон, летает слон,
Метёт ушами небосклон!

Вот хобот он завил кольцом,
Поворотись ко мне лицом.

Мне подмигнул весёлый глаз —
И я слона узнал тотчас.

Слоны! Я на ночь их считал,
Когда в кроватке засыпал,

Сбежал из стада этот плут,
Нырнул в мой сон и бродит тут.

Чудесный слон, большой, как дом.
Смеётся треугольным ртом!

Я разглядеть его хочу,
Вскочил и головой верчу:

Где сон? Где слон?
Растаял он.

Ночник горит,
И мама спит.

Алёхин Алексей Давидович — поэт, эссеист, критик. Родился в Москве в 1949 году. Автор многих книг стихов и прозы. Создатель и главный редактор ежеквартального журнала поэзии «Арион», выходявшего с 1994 по 2019 год. Живёт в Москве. Постоянный автор «ДН».

* * *

На провода переменного тока
Крайне беспечно уселась сорока.
(Это для рифмы: присел — воробей.
Как уцелел, не пойму, хоть убей.)

* * *

Буква Ы и буква И —
В чём их смысл, поди пойми:
С толстым Ы — малютка мышка,
С тонким И — претолстый мишка!

Комаромахия

Прилетели комары,
ну а мы за топоры!
И с топорами —
за комарами!

Хоть комар хитёр,
да топор остёр.

Не будь ослом и олухом,
бей по носу обухом:
он к такому не привык!

Тут и бабушка на крик —
в чистое обулась,
в зеркало гляну́лась,
тащит на подмогу лом:
супостату поделом!

Крылышки да ножки
грудой у дорожки.

Не летают с той поры
к нам на дачу комары.

Натюрморт

— Дед! — Варенька говорит. — Учитель нам велел за каникулы натюрморт нарисовать.

Ну, вы знаете, натюрморт — это такая картинка с разными вещами. Если по-русски сказать, выходит — «мёртвая природа». Не потому мёртвая, что умерла, а потому что просто не живая. Всякие там бутылки с бокалами, вазы с цветами, хлеб на тарелке и тут же нож. Или, наоборот, столик с нотами и веером, или с развёрнутой книгой, очками и подсвечником. В общем, с тем, что у людей в доме бывает, но не живое. Кошку, к примеру, посадить в натюрморт нельзя. Да она и убежит.

— Ты бы, дед, поставил мне что-нибудь вот сюда, — Варя на стол показывает. — А я это рисую...

Подумал я, повертел головой вокруг и предложил:

— Давай тебе яблоко поставлю. Красивое. На блюде.

— А разве из яблок натюрморты бывают? — спрашивает.

— Ещё бы! — говорю. — Вот хотя бы французский художник Поль Сезанн, у него их куча. И яблоки выходили такие чуток квадратненькие. Или вон, полюбуйся, наш художник, русский, он ещё живой, — на стене в гостиной висит. Чудесная картина. Очень одинокое яблоко.

Я Вареньку к картине подвёл. Она, голову задрав, посмотрела хорошенько и согласилась:

— Ладно, ставь яблоко.

Пошёл я на кухню, выбрал яблоко покрасивее, с красным боком, положил на блюдечко и ей принёс. На стол поставил.

— Вот. Рисуй.

И ушёл.

А Варенька бумагу и фломастеры-карандаши перед собой разложила и принялась на яблоко смотреть. Какое оно круглое. Какая у него ямка на попке, и оттуда хвостик торчит. Какое жёлтое, и бочок красный. Чтобы запомнить и получше нарисовать. А потом подумала: «Как же я его нарисую, если не знаю, какой у него вкус?»

Потянулась за яблочком, осторожно взяла. Гладкий бок потрогала. И кусочек откусила. «Вкусненькое, — решила. — Сладенькое такое. И кисленькое». И аккуратно обратно на блюдце поставила. Так, чтобы откусанного было не видно.

Села и стала дальше на яблоко смотреть. Только задумалась: «А всё-таки сладкое оно или кисленькое?» — И опять взяла и куснула. «Сладенькое. Ну, самую малость, может, кисленькое...»

А пока она яблоко своё рисовала, я в другой комнате в кресле книжку читал. Она полчаса, наверное, рисовала. Или дольше.

А потом выбегает ко мне, бумагой размахивает и кричит:

— Дед! Вот натюрморт! Я нарисовала!.. — и показывает.

По-моему, очень похоже вышло.

* * *

Как-то утром на заре
Дед летел на пузыре.

Это Варька напустила
целый воздух пузырей,
и подъёмная их сила
деда по небу носила
над просторами полей.

Помахала Варька вслед:
— Хорошо летаешь, дед!

Мышки и книжки

— Приходите, мышки,
почитайте книжки!

Прибежали мышки,
глянули на книжки,
пожевали корешки —
вот и кончились стишки!

Яна Ульянова

Два рассказа

Красные сапожки

Красные сапожки. Резиновые. Подошва гладкая. Выбегаю на улицу, на асфальте ледок. Ледок-каток. Падаю с разбегу затылком о тротуар. Больно! Но мне не до этого, надо спешить — играть с друзьями.

Вечер. Мама перевязывает мне ногу. Мазь Вишневского, омерзительный запах, вид дрисни. На марлевую салфетку наносится немного мази, прикладывается к ране, сверху целлофан, потом бинт.

Яна Ульянова (Вострикова Ульяна Станиславовна) — автор стихов и прозы. По профессии юрист, выучилась на ветеринарного фельдшера, окончила курсы художников-мультипликаторов, много лет прожила на Дальнем Востоке. Печаталась в коллективных сборниках и альманахах. Живёт в Ростове-на-Дону. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Мы сюда недавно приехали. Здесь с одной стороны море, а с другой — река. А между ними несколько улиц с деревянными двухэтажными домами.

Перед отъездом я сильно заболела. Месяц в больнице. Когда меня выписывали, врачи сказали маме, что не могли найти вену, чтобы поставить капельницу, поэтому им пришлось отрезать кусок мяса от икры. Теперь мама должна каждый день менять мне повязки.

Я не могу слушать, когда мама рассказывает своим подругам, как я болела. Помню огромные окна больницы, высоченные потолки и двери. Жуткие белые занавески до середины окна. А за окном — чёрная ночь. Помню, как я кричала, когда меня силой оторвали от мамы и уволокли куда-то.

Остальное помню плохо.

Куриный бульончик. Мамина знакомая где-то раздобыла курочку. Мама сварила её мне, чудодейственную. Я покушала. И поправиться понемногу стала.

Соседка по палате, взрослая тётенька, рассказывала анекдот: моется бабушка в бане и приговаривает: «От селева до селева, от селева до селева». Внук смотрит, смотрит и спрашивает: «Бабушка, а селево когда мыть будешь?»

Носочки шерстяные. Деревянная лавка раздевалки. Мама забирает меня из больницы. Надевает мне носочки. Не могу поверить своему счастью.

Рассказываю маме анекдот про селево. Мама смеётся и вытирает слёзы.

Белый пароход. «Советский Союз». Раньше назывался «Адольф Гитлер». Если не врут. Оранжевые шлюпки, узкие трапы. Иллюминаторы.

Четверо суток в море. В первый день — морская болезнь. Детская игровая комната. Качельки. Не радуют.

Незнакомый дяденька водит меня по кораблю. Он моряк. У него на берегу такая же маленькая дочка. Мама разрешила ему со мной погулять. Мы заходим в ресторан. Тётка в переднике ставит стулья на столы. Обед закончился. Но нам тут рады, улыбаются.

У дяденьки-моряка в каюте картинка из журнала. На ней нарисован котик. Дяденька возвращает меня маме с котиком. Я не выпускаю котика из рук всю дорогу.

Мы на Новой Земле. Здесь такой свежий и как будто прозрачный воздух. Останавливаемся у маминых подруг. Когда мама уходит ненадолго по делам, меня начинает тошнить. От всего. Даже от яблока. Тазик возле кровати.

Мама не оставляет меня больше, везде берёт с собой. Хотя я еле хожу после больницы. Слабенькая.

Мы едем в посёлок. Нас везёт груз-такси «Урал». Брезентовый кузов. Мы с мамой в кабине. Мама смотрит по сторонам и плачет. Попутчики утешают: «Ну, значит, надолго, если со слезами въезжаешь». Не надолго. Навсегда.

Море. Река. Иногда, во время сильного шторма, море и река соединяются. Тогда люди плавают по улицам на лодках. Море пахнет йодом.

Мама много работает. Наш двухэтажный, обшарпанный, местами ещё зелёный дом. Над подъездом деревянная табличка «1956». Этот дом — «школьный». Для учителей. Воды и туалета нет. Тем более газа. Электричество и то не всегда. Ходим на ведро, помой выливаем в баржу. Вонь крепкая.

Печка. Топится углем.

Уголь набираем с мамой в школьном ангаре. Сторож разрешил. И забыл про нас по пьяной лавочке. Закрыв снаружи. Вечерет. Мы с мамой зимой на окраине посёлка одни в холодном угольном сарае. Мама громко зовёт на помощь. Пытается выломать

дверь. Найти шель и выбраться. Проходит время, дверь отпирают. Не успеваем даже как следует замёрзнуть.

Уголь чёрный, блестящий, сыпется, шурша, в печь, кочергой со скрипом задвигается круглая чугунная крышка, не даёт шустрому огню выскочить.

Посуды много грязной. Большой эмалированный таз весь заполнен тарелками. Маме некогда. Она пропадает в школе. Я не хожу в садик. Я всё время гуляю на улице со старшим братом. С тех пор, как мы сюда переехали, я ещё ни разу не заболела.

Больница здесь тоже есть. Она оранжево-коричневая, каменная. Рамы окон выкрашены в синий цвет. И белые шторы до половины окна. Сразу за больницей — море. А на заднем дворе большая куча больничного мусора. Чего здесь только нет. Шприцы, пустые бутылочки от лекарств, коробки с таблетками. Мы часто играем здесь с подружками.

Моя лучшая подружка — Рита. Она показала мне дом, где живёт ведьма.

Сапожки красные. Красное пальтишко. Свинцовое небо. Облезлые деревянные бараки. Рыбачьи драные сетки вместо заборов на жалких подобиях огородов. Чахлые деревья. Кустики непонятной травки из чёрного песка.

Зима. Замерзает река. Лыжи для братика. Мама, сбивая в кровь ладони, прикручивает крепления. Больше никому.

Семилетний брат идёт с друзьями на лыжах на ту сторону реки. Я бегу за ним, пока не устану. Возвращаюсь в посёлок, играю во дворе с подружкой, заигрались, забыла, что домой пора.

Мама возвращается с работы, спрашивает у брата, — где я. Он отвечает, что ходил на лыжах за речку, я бежала за ним. Потом, куда делась, — не знает, не смотрел.

Мама идёт на реку. Вдоль лыжни — полыньи. Слева, справа, повсюду. Мама ищет в полыньях красное пальтишко. Мальчик соседский помогает ей, шерудит в полынье лыжной палкой. «Нет, здесь её нет», — сообщает.

Мама возвращается в посёлок и видит, как я иду домой. Бежит ко мне, хватается за руки, рыдает.

Дома у нас есть шкаф. Двухстворчатый. Вещи в нём свалены в кучу, никто их не разбирает. Зато на дверках можно кататься. Мой брат большой выдумщик, он не может усидеть на месте ни секунды.

Мы катаемся на дверях шкафа. Шкаф падает. Снизу прибегают возмущённые соседи, орут.

Приходит с работы мама. Кричит, ругается, плачет, уходит, хлопая дверью.

Я стою в подъезде с друзьями. Я уже хожу в первый класс, хоть мне только шесть. Меня мама устроила, она директор школы. Потому что садик далеко, а школа в двух шагах. Мои друзья ещё ходят в садик. Они жалуются на свои детсадовские беды. «Это что, — говорю я. — У меня вот мама из дома ушла».

Мама, конечно же, вернулась. Большая уборка. Грандиозное мытьё посуды. Мир.

Сэнди

Никто не помнил, как появилась в нашем дворе эта большая чёрная собака с квадратным лбом, вислыми ушами и грустными коричневыми глазами. Она была совсем молодая и любила играть с детьми. Те кидали ей маленький резиновый мячик, и она с удовольствием бегала за ним, а потом носила в зубах и никак не хотела отдавать.

Соседская девочка Саша назвала её Сэнди. Иноземное имя потихоньку прижилось и скоро уже все бабки подъезда, вынося косточки, подзывали её: «Сэнди, Сэнди!» И она бежала на зов, опустив голову и виляя низким задом, как виноватая.

Жила Сэнди под трубами теплотрассы, там же и родила своих первых щенят. Вся окрестная детвора бегала к Сэндиной норе, кто посмелее — лезли прямо под трубы, чтобы вытащить маленького пищашего слепыша и немного поддержать его в руках, такого чудесного, тёпленького. Насчитали штук семь. Один был очень слаб и лежал отдельно от других щенков. Сэнди его не кормила. Дети повезли щенка к ветеринару, где им сказали, что он не выживет, даже если его выкармливать из соски. Но они всё равно кормили молочной смесью. А он всё равно сдох.

Щенки подрастали, смотреть на них прибегали даже дети с соседних дворов. Некоторые забирали какого-нибудь особенно милого малыша домой, но мамы и папы не разрешали оставить, и тогда они приносили щенка обратно. А иногда не приносили, просто бросали где-нибудь в кустах.

Однажды шпана из дома напротив в отместку нашей дворовой компании вытащила весь Сэндин выводок и раскидала по разным дворам. Рано утром Сэнди, как одержимая, металась по окрестностям и собирала своих детей. Она находила их в траве, в подвалах, на помойках. И носила в новое место — за гаражи. Видеть это было невыносимо, и я решила ей помочь. Собрала кое-какие ненужные тряпки и отправилась устраивать новое гнездо для Сэнди и её малышей.

Выбор Сэнди нельзя было назвать удачным. Узкий сквозной проход между двумя заброшенными гаражами, весь заваленный битым стеклом и мусором, не сделали уютнее даже мои старые одеяла. Щенки отчаянно пищали. В глазах у Сэнди было столько страдания, что я отвернулась. Оставила собаке немного еды, погладила по широкой крепкой голове и пошла домой.

Пройдя пару шагов, я обернулась и увидела, что за мной идёт Сэнди, держа в зубах щенка. Тот висел, как дохлый, не шевелясь. Я ругнулась на неё, чтобы возвращалась назад, но она продолжала плестись за мной. Так она проводила меня до самой двери и там встала, просительно глядя мне в глаза, по-прежнему крепко держа в пасти слабо пискнувшего детёныша. Я поняла. Она решила, что её детям будет гораздо спокойнее и безопаснее у меня дома.

Бедная Сэнди, простила ли она меня за то, что тогда я не смогла пустить её к себе? Как бы ни пыталась я все эти годы придумать разумные объяснения своему поступку, но на самом деле прекрасно понимаю, что оправдания ему нет.

Через некоторое время Сэнди вернулась вместе со всеми щенками под теплотрассу. Но осенью какая-то тётка из соседнего подъезда вызвала бригаду живодёров, а дырку под трубами заделали, и с тех пор в нашем дворе бездомные собаки не живут.

Людмила Прохорова

Письмо из прошлого

Рассказ

«Сегодня ты узнаешь смысл жизни».

Письмо пришло Алексею как раз в обеденный перерыв. Отправляя в рот вилку с птитимом и тыквой, он прочёл это короткое послание от хорошо знакомого ему адресанта. Алексей Реков. Он сам.

Вначале подумал, что это какой-то розыгрыш. Уже собирался брезгливо смахнуть письмо в удалённые, но остановился. Да, кажется, что-то такое было... Как из мутной мыльной воды, начали проступать очертания воспоминаний: лет десять назад ему попался сервис отправки писем в будущее. Сгорая от нетерпения, он тогда отправил себе несколько посланий на ближайшие дни и недели. Получил, прочитал и, наигравшись с незамысловатой игрушкой, выкинул из головы. И никакого томления ожидания, никакого предвкушения он все эти годы не испытывал. Возможно ли, чтобы это письмо он отправил себе сам? Возможно. А чтобы забыл начисто? Нет, с этим сложнее. Себя он знал. Любое грядущее вонзалось в его сознание занозой, которую он то и дело задевал, и её покалывания не давали ему забыть о том, что настанет тот день, когда она будет извлечена. А прежде, прежде... Нет, это определённо не мог быть он, даже подхваченный будничным водоворотом. Может, это была Карина, ещё самая первая его Карина, с большой щербинкой между передними резцами, с глазами недобрыми и разноцветными? Она отправила письмо, но именем подписалась не своим, решила сыграть не злую, нет, но малопонятную сейчас шутку. Кому же ещё это могло понадобиться? Кого ещё он обидел, кого уязвил?

Домыслы опережали внимание. Взгляд упал на мелкий полупрозрачный шрифт. Техническая информация. «Письмо написано и отправлено 13 октября 1988 года». Его день рождения. Быть такого не может! А раз не может, то это точно чья-то шутка, насмешка. И вовсе это не Карина — должно быть, кто-то из более поздних его знакомых. С чего он вообще решил, что это письмо отправлено тогда, когда он сам испытал очарование от этой возможности преодолеть время, дотронуться до себя настоящего из прошлого, а не сейчас, не сегодня, не вчера? Мало ли кто знает адрес его почты, кто знает, когда он родился? Мало ли тех, кто просто решил разыграть его: без обиды, а так — насмешки ради?

«Цыпик, купи на обратном пути печёности по скидке и сливки на завтра. Я сегодня задержусь», — выпало сверху уведомление. Следом — грустная мордочка.

Прохорова Людмила Юрьевна — редактор портала ГодЛитературы.РФ. Родилась в 1990 году в Москве. По образованию искусствовед. Финалист литературной премии «Лицей» (2017). Победитель конкурса короткого рассказа международного фестиваля «Бунинские озёрки» (2021). Рассказы выходили в журнале «Юность». В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Адресант — Каринка. Третья его Карина и, стало быть, последняя. Познакомились в поезде в Петербург. Общее купе, но говорили мало, так — перебрасывались дежурностями. Он всегда был не из болтливых; как оказалось, и она. А вот когда легла на верхнюю полку напротив, устала читать потрёпанную книгу, на обложке которой значилось «Хирургия по Шварцу», закрыла глаза, вот тогда-то он и обомлел: во сне её резкие, угловатые черты преисполнились какой-то припухлой мягкости, словно ей снились не сны, но вся возможная нежность мира. И он решил, что девушка, которая во сне становится негой, непременно должна спать рядом с ним, на соседней подушке. Именно такое селенное, умиротворённое лицо он хочет видеть каждый раз, открывая глаза. Утром того дня он взял её номер. И вот теперь он Цыпик и у них есть сын...

«Карина, сегодня не 1 апреля», — отправил ответ решительно, даже зло. Тут же перезвонила. Её голос звучал встревоженно и уязвлено, звенел оскорблённым непониманием. Никогда не могла скрыть обиду. Задыхалась от несправедливости. И вовсе это не она. С чего вдруг подумал на неё? Пришлось успокаивать, извиняться, объяснять. Но почему-то говорить всё так, как есть, не хотелось. Пока он сам не разобрался во всём, боялся говорить что-то Карине. Словно у него вдруг появился секрет, который никто не просил его хранить, но который, он чувствовал, хранить должен. «Да кто-то просто глупо пошутил, прислал письмо с незнакомого адреса. Да ничего особенного, Кариш, просто какой-то глупый вопрос. Да какая разница, что за вопрос... “Узнал меня?” Да, кто-то явно пересмотрел триллеров...»

Как только Алексей завершил вызов, то увидел в почтовом приложении ещё одно письмо от того же отправителя. «Лестева, 13к1». Адрес был незнакомый. Проложил маршрут. От работы на метро до «Шаболовской» и пешком было полчаса. Не так долго, но неужели он пойдёт на поводу и отправится туда — не знаю куда искать то — не знаю что? Нет, после работы он пойдёт домой, заскочит в магазин, отпустит тещу, пособирает с Ваней легио, поставит новую пластинку... и та закрутится, и Фиолетовый Дудочник, Багровый Король, Чёрная Королева, Жёлтый Шут и Огненная Ведьма пойдут плясать свой невидимый танец, делая па с ноты на ноту, со слова на слово, и придёт Карина, и щёки её станут холодными и гладкими, когда она будет целовать его в уголок губ, и жизнь потечёт своим чередом...

В 19:35 Алексей стоял возле дома номер 13 по улице Лестева и чувствовал себя дураком. Раз за разом обновлял приложение в надежде увидеть новое сообщение, новую подсказку: почему-то казалось, что обязательно должно быть продолжение. Его альтер-эго из прошлого обязано было указать подъезд или этаж, какой-то ориентир, куда ему смотреть, где искать ответ на непоставленный вопрос... Но писем больше не проходило. Он обошёл дом. В ромбе внутреннего двора никого. Отчего так в этот час? Где же все?

И кольнуло откуда-то изнутри. Острое стёклышко вошло в старую, затянувшуюся рану. Так же стоял, ждал, не верил, что всё так закончилось, что ни продолжения, ни объяснения не будет...

Вторую свою Карину он вымарал из памяти. Да она и не Кариной была вовсе. К.Арина. Имя в соцсети. Сердцами осыпал все её записи, и всё казалось таким настоящим. Часы переписок. Фотография билета из Челябинска в Москву. «Мы едем к тебе!» Фотография чая в подстаканнике и вязаного слонёнка, которого он прислал ей на Новый год. «Уже Рязань! Встретимся на рассвете». Стоял, ждал на перроне с букетом розовых роз. Люди проходили мимо, грохотали колёсики чемоданов и тележек. Её не было. «А вы не видели вот эту девушку, она ехала в вашем вагоне,

место 13?» Уставшие глаза равнодушно смотрели на фотографию. Голова очертила прямую горизонтальную линию. «Нет, такой не было, не помню». Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети. Была в сети час назад. Была в сети три часа назад. Была в сети день назад. Была в сети месяц назад. Была в сети год назад. Была ли? Лучше не вспоминать.

Весь мир сужается до ноющей боли. Лев протягивает Святому Иерониму лапу. Вынь занозу, вынь! Осколочное ранение в висок комиссару Лестеву. Лестева — девичья фамилия Карины, как он сразу об этом не подумал! Если очень хочется, то всё можно свести до совпадений, до пересечений, до связей и связанностей... И войти в одну реку дважды можно, а можно и трижды. У него ведь получилось. Но только в чём смысл? В чём смысл? Ты обещал сказать! И палец раз за разом обновляет папку с входящими сообщениями. Ничего.

Алексей стал ходить от подъезда к подъезду. «Хорошо, давай так, ещё пять минут, я всё скажу сам, а ты просто дашь знак, когда я окажусь прав». И почему он вдруг стал мысленно обращаться к кому-то? Какое-то наваждение. Чем больше он придаёт всему значения, тем его меньше. То, что подстроено — лживо, истинна лишь случайность. Или не так? Что есть истина?

Сигнал о новом сообщении. Каринка. На предпросмотре: «Цыпик, вы как там с Ванюшей? Буду поздно. Тяжёлого везут, сбила машина».

Что он вообще здесь делает? Переиначивая расхожую фразу Толстого: если можно сказать, о чём жизнь, тогда бы не стоило её жить... Алексей сам всегда говорил, что смысл жизни в жизни. И точка. Но, значит, точка его распалась на неуверенное многоточие, раз он пошёл на поводу у какого-то письма и стал искать ответа? И разве о смысле он думал, проснувшись накануне в два ночи и слушая, как за окном надрываются птицы, утверждая своим пением на разные голоса новую весну?

Алексей разозлился на себя, ещё раз заглянул в почтовое приложение — два новых сообщения, оба — рекламные рассылки — и резко зашагал восвояси. В глаза ударил белый свет. Слеплённый, он вскинул ладонь. Завизжали тормоза. И жизнь не пронеслась перед ним, как много раз обещали на разные лады с киноэкранов и со страниц книг. Жизнь замерла. А вместе с ней замерло в груди сердце.

«Куда прёшь, Господи?!» — крикнул через опущенное стекло прокуренный мужской голос, и мясистые пальцы, вцепившись, крутанули руль вправо.

Свет отступил. В этот миг Алексей всё понял и улыбнулся.

Александр Пятков

Первое марта

Из книги рассказов «Махрам»

Потом прилетели птицы и облепили деревья за забором. Первым их увидел Чулков. Подойдя к окну, нарочито громко сказал:

— Снегири прилетели!

Кугач, даже не посмотрев, только покачнувшись спиной, лениво бросил в ответ:

— Это скворцы.

Часть солдат приняла сторону Чулкова, другая — Кугача. Ещё не успев переодеться, кто в чём — кто в майке и штанах, кто в бушлате, а кто и валенки в руках держал, — столпившись у окон, смотрели на птиц и спорили. Ещё можно было видеть снег под окнами, снег на плацу, снег у забора...

Вчера командир роты обещал, что утром пойдут чистить военной городок. Обманул. В ранней и медленной темноте молча прошлёпали до столовой и, позавтракав, ушли на стрельбы.

А когда вернулись, — прилетели птицы.

Чулков, случайно почесав подбородок, уверенно заявил:

— Это снегири!

Кугач уже согнул спину в желании расшнуровать ботинки, но надо было отвечать. Он разогнулся, так и не добравшись до шнурков, и, напирая на «цы», сказал:

— Это скворцы!

Птицы перелетали с дерева на дерево, раскачивались на ветках, осыпали снег на снег.

— Полушкин бы сразу узнал, кто это, — кашеобразно промямлил, жуя кубик лежалого сала, Шнайдер.

Спор прекратился. Одни согласились, другие пытались согласиться в остатках оказармленного ума.

— Да, Полушкин бы сразу сказал...

— Да, Полушкин бы...

— Да, Полушкин...

Вечный дежурный по роте, младший сержант Фарафонов, увидев у окон собрание, опешил поначалу.

— Разойдись! — выкрикнул он первое попавшееся слово и двинулся на солдат, для устойчивости ухватившись левой рукой за неуставно выгнутую бляху ремня.

Солдаты освободили место у окна для сержанта.

Пятков Александр Сергеевич родился в 1993 году в городе Берёзовском Свердловской области. Учился в УрГПУ г. Екатеринбурга на историческом факультете. Печатался в журналах «Урал», «Нева», «Знамя». Участник проектов АСПИР и Фонда СЭИП. Живёт в городе Берёзовском. Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 9.

— Это кто, товарищ младший сержант? — спросил Шнайдер, искушая Фарафонова.

— Это птицы, — уверенно ответил тот. И, попытавшись подумать, добавил: — Чижики.

Солдаты удивлённо посмотрели на дежурного. Фарафонов, случайно осознав нелепость сказанного, закричал:

— Строиться на обед!

И тут же по казарме понеслось многоголосие:

— Строиться на обед!

— Строиться!

— На обед!

— На обед стро...

Спихватились, кинулись кто куда, кто за чем, топча выроненные валенки, толкая друг друга и младшего сержанта Фарафонова. Дневальные, уже вернувшиеся с обеда, стали орать, что сегодня жареная картошка. Потому солдаты спешили ломануться в столовую, расстёгиваясь и застёгиваясь на бегу, оставляли кто где — бронжилеты, стальные пластины бронжилетов, чёрные валенки, белые валенки, списанные со складов вохровские тёплые и пахучие тулупы.

Сержанты были заняты тем же. Следить за солдатнёй было некому. Когда рота покинула казарму, Фарафонов принялся ходить взад-вперёд по располаге, растаскивая грязь, пинать броники, зашвыривать валенки в далёкие казарменные дебри, с усердием нагибаясь перед тем и с не меньшим усердием размахиваясь правой, свободной от держания неуставной пряжки, рукой.

На обед действительно давали жареную картошку. Может, она и не была жареной, но была порублена ломтиками и подгорела, так что вполне сошла за жареную. Солдатам некогда было это разбирать. Они стоически наполняли желудки, приближая тарелки к полному опустошению. Но когда победа казалось близка, повар, которому повезло сегодня выспаться, в порыве великодушия принёс две серебристые, уродливо отражающие солдат кастрюли. И те снова ринулись в бой.

Покинув строем обожаемую столовку, строем проскрипев по снегу сто метров до плаца, пошли привычно отмеривать круги. Но после первого, молчаливого и медленного, не сказав и не приказав, сержант, ведший роту, направился в курилку, к скамейкам и урнам. Все поплелись вслед за ним. Задымили. И только тогда, отягощённые ворочающейся в желудках пищей, вспомнили про птиц. А те молча перелетали с дерева на дерево и качались на ветках.

— Рябины, — выдохнул вместе с сигаретным дымом Чулков. И печально добавил: — Думаю.

— Черёмухи это, — твёрдо заявил свободный от вредных привычек Кугач.

Солдаты уже приготовились начать спор, но кто-то вздохнул:

— Полушкин узнал бы сразу...

Птицы закричали, как бы подтверждая сказанное. Тут же несколько солдат вспомнили, что Полушкин, да, действительно, рассказывал им, что это за деревья такие, забыли только вот, эка беда, век воли не видать.

Младший сержант Фарафонов в это время мерно покачивался от бессонья, стоя на посту дневального, пока дневальные из разбросанного и неаккуратно сваленного собирали аккуратно сложенное и тёрли мокрыми тряпками случайные остатки линолеума на деревянном полу.

Ни дежурному, ни дневальным — поскольку за них думал дежурный — не пришло в тягую соображающие головы, что делают они это зря. Солдатня вернулась, натоптала, нагрязнила и разбросала всё так аккуратно собранное, но мешающее беспрепятственному передвижению внутри казармы. А если бы не мешало, всё равно разбросали бы вещи, потому что без приказа по-другому разучились.

Командир роты обещал, что солдаты, вернувшись с обеда, расставят на взлётке стулья, рассядутся и будут дремать, слушая бормотание сержанта, просвещающего неучей посредством газеты «Красная Звезда». Вместо того комроты приказал раздевшимся одеваться, а одевшимся выходить на улицу и строиться у казармы.

— На поиски, — пояснил он.

«Обманул. Обманул! Обманул...» — печалились солдаты.

На поиски ходили третью неделю. Выстраивались какими получится шеренгами и шли с запада на восток сквозь снег и кусты, обходя попадавшиеся на пути здания, технику и просачиваясь сквозь другие ломкие поисковые шеренги. Покурив, уже рассыпавшимся строем, брели обратно, подбирая отставших бойцов, соблазнившихся скамейками.

Ни разу не спускавшийся с высот штаба до казармы второго мотострелкового батальона, комдив своим приказом собрал из несогласившихся офицеров и контрактников отдельную поисковую команду. Они ходили по военному посёлку, заглядывали в подвалы, сугробы, мусорные баки и под теплотрассы, не избегая магазинов, откуда, обменяв на деньги, выносили звенящие бутылками пакеты.

Комендантский взвод каждый день хмуру вышагивал от штаба до стрельбища, проходя по главной дороге. Дорога заканчивалась, коменданчи вышагивали обратно.

Двое полицейских, досадуя на нехватку третьего, ездили на белом УАЗике к железнодорожной станции, где сидели в машине, наблюдая проходящие поезда и скупая пакетиками семечек.

Когда солдаты узнали, что в соседнем батальоне кто-то выпрыгнул из окна, они испугались. Когда опять кто-то свалился в сугроб, — только удивились. Быстро привыкли к тому, что одни прыгают из окон, другие режут вены, а иные убегают, и это теперь не страшило и не удивляло.

— Хорошо, что не вешаются! — повторял командир роты на вечерней поверке.

И строго наказывал:

— И вы не вешайтесь.

Раз в неделю из роты отправляли на танковый полигон двух солдат и одного младшего сержанта. Прапорщик, заведовавший полигоном, считал, что это много. Начальство его не слушало, отчего он пил.

На полигоне обучались вождению боевых машин. БМП, ведомые мехводами, нарезали круг за кругом, преодолевая лопатосотворённые препятствия: ров, брод, уклон... На каждом из них должен был мёрзнуть и стыть солдат, маша красным флажком проезжающим БМП. Сержант был нужен для порядку и, приходя на полигон, спал в смотровой будке в компании других сержантов.

После обеда командир роты поручил свою ответственность дежурному по роте Фарафонову. Тот выбрал Чулкова и Кугача. Первого — потому что он уже ходил на полигон, второго — потому что он друг Полушкину.

— Добгедёте без сегжанта, — внезапно ребристо и картаво выдал себя дежурный, досадуя на недостаток сна.

А остальная рота, без двух человек, стояла на плацу и пыталась во что-нибудь выстроиться.

— Зато птиц увидите! — радостно сочувствовали товарищам товарищи.

Путь на полигон лежал через плац, сугробы за плацем и дыру в кирпичную заборе. За забором стояли деревья. На деревьях были птицы. За деревьями — дорога. Под забором валялись кирпичи.

Когда солдаты преодолели сугробы и, оказавшись у забора, устали, птицы снялись и улетели. Из дыры вылезли на пустую, в ледяных колдобинах, дорогу. Отдыхая, постояли, попинали её. Дорога не оттаивала. Направились в лес. Шли покрытой вмерзшими следами тропинкой.

— А помнишь, мы здесь ходили уже? — спросил Чулков.

Кугач на всякий случай задумался и попытался вспомнить хождение. Но вспомнил Полушкина и ответил потому:

— Помню.

Миновали один овраг. Миновали другой. На верху, на самом ветряном месте, стояла будка полигонщиков. Когда солдаты подошли к ней и постучали, оттуда высунулась мохнатая рожа прапорщика. В будке повсюду валялись мехводы, хором бормоча песню.

— Ну что, руби-секи, начальник, я не вру...

Пригляделись — и прапорщик оказался целым старшим прапорщиком. Он сунул пришедшим красный флажок и свечку, неясно приказав Чулкову идти на брод, а Кугачу — на эстакаду.

Спускаясь вниз к полигону, где уже стояли замёрзшие БМП, слышали, как пение вознеслось и уныло загромыхало:

Как тут ко мне подходит фраерок и говорит:
а ну-ка, дай-ка мне червончик...

Поскольку никто из солдат не знал, где эстакада, долго куда-то брели по гусеничным следам, то и дело проваливаясь в снег, пока не пришли на брод. На броде была кирпичная будка, а к будке прибитая железная табличка «Брод». Самого брода не виделось. Будка стояла без дверей и крыши. И без окон.

Кугач заглянул туда и увидел, что снег внутри желтоват.

Чулков туда залез, облегчил чувствительный к картошке желудок и вылез. Потом заглянул вовнутрь и, подумав, сказал:

— Раньше было лучше.

Солдатам мерещился рокот дизелей, пожирающих соляру. Но БМП почему-то не приезжали. Хотя однажды Кугач даже крикнул «едет!», разглядев вдалеке взлетающий от гусениц снег.

БМП не приезжали, и Чулков опять заполз в будку. И ещё раз вылез.

Поле было голо, из сугробов росли одинокие деревца, оставленные быть ориентирами, и поэтому увековеченные на штабных картах.

На одно из деревьев села птица и принялась раскачивать мёрзлую ветку. Солдаты этого не видели. Чулков сидел на снегу, прислонившись спиной к кирпичной стене.

Кугач ходил туда-сюда по натопанной им же дорожке, думал о Полушкине и сильно жалел, что нет его.

Смеркалось так неслышно, что, когда Чулков восстал от дрёмы и сразу замёрз, он не различил росшее недалеко дерево и птицу на нём. Не различил и Кугача, отчаянно махавшего флажком для согрева.

— А ты знаешь, откуда Полушкин? — спросил Кугач, заметив, что товарищ даже шевелится.

Чулков морозно и парно вздохнул.

— С Дальнего Востока! — гордо произнёс Кугач.

Чулков ответил:

— Далеко. Не доберётся...

Кугач согласился и промолчал. В надежде он хотел посмотреть на небо, но взгляд его так туда и не добрался, остановившись на выскобленной под отсутствующей крышей надписью «мы здесь умрём».

Кугач достал из кармана свечку и написал на снегу: «Мы тоже».

Дмитрий Исакжанов

Призрак смородинового куста

Рассказ

Дом стоял на отшибе, никому не мешал — пешеходная дорожка, кое-где покрытая асфальтом, почтительно миновала и угол его, и постройки, и дощатый забор, и даже густо повывлезавшие у забора крапиву, лопухи, полынь и чертополох. На фоне жилых громад в стиле конструктивизма — порождения общественной мысли начала прошлого века — он выглядел почти игрушечным, хотя его брёвна и покоились на каменном основании полуподвала. (Что ясно говорило о возрасте дома: уже задолго до начала строительства его пронизанных светом и воздухом соседей, о полуподвалах никто и не помышлял.) Каждый раз, проходя мимо, я завидовал его владельцам и хотел для своей семьи такой же.

Хозяев у дома, однако, как будто не было — я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь сновал во дворе, кто-нибудь входил или выходил в его двери, но время от времени там, внутри, что-то вроде как копошилось, вечерами мелькал свет в окнах, появлялись на верёвке, натянутой от угла веранды к забору, время от времени какие-то тряпицы, а иногда даже, снаружи дома, ближе к осени, появлялись на стенах и на заборе яркие

Исакжанов Дмитрий Константинович — прозаик, поэт. Родился в Омске в 1970 году. Образование высшее юридическое. Печатался в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность» и др. Лауреат премии журнала «Дружба народов». Живёт в Подольске. Постоянный автор «ДН».

пятна свежей масляной краски, и как-то довольно спорадически, хотя и регулярно, поверх сухого запаха догорающего на огне времени дерева пробивался запах готовившейся в печи простой еды. Но однажды всё как-то само собою прекратилось, запахи развеялись и больше не появлялись, угасли пятна, движение и свет, и даже кошки, сверкавшей глазами на рассохшейся у калитки лавочке, не стало. Забытую на верёвке тряпицу унесло ветром, словно осенний лист.

Дом не то чтобы умер — вещам и предметам доступна долгая жизнь и как минимум в двух видах — но, как брошенная женщина, он весь ушёл в себя. Брёвна его почернели, словно на них осела вся копоть угарных лет, промчавшихся мимо, стены бани и сенника истончились до почти полной проницаемости солнцем, и огород сначала осторожно, а потом, почуввав полную безнаказанность, весьма напористо перешагнул условные границы грядок, пошёл вперёд и в стороны, взяв в оборот всё, до чего смог дотянуться невидимыми своими ползущими в земле корнями. Над серыми, бархатистыми от лишайников и мха крышами сомкнулись ветви клёнов, каштанов, лип, и всякие приметы человеческого жилья скрылись из виду окончательно — всё ушло на дно тихой растительной жизни, в царство гниения и распада. Лишь летними вечерами, переливаясь через полёгший дощатый забор, и дальше вниз по улице плыл, усиливаясь год от года, одуряющий, острый и кислый запах смородины, малины, крыжовника. Жильцам верхних этажей двор дома представлялся котелком, в котором на медленном огне подспудных георгинов и астр с самой весны и все три долгих месяца, захватывая и край осени, в белой пене соцветий являлось пресуществившееся очно, во всей своей славе и силе само плодородие. Зимой это место казалось им магнитом, притягивающим к себе всю белизну и чистоту первого снега.

Мимо дома шла асфальтовая дорожка — она выныривала из-за угла ближайшей почтенной многоэтажки, углублялась в подобие парка, окружавшего школу не менее почтенных лет, и широкой дугою огибала забор, который окончательно бы уже повалился, если б его не подпирали перебрававшие на эту сторону посланцы огорода из наиболее жилистых и настырных. Прохожие спешили по дорожке утром на вокзал, вечером с вокзала — городок, в котором стоял этот дом, был маленький, и большинство людей работало в соседнем большом городе — спешили, на ходу поглядывая на дом и словно ожидая продолжения вставшего на долгую паузу действия, но — всё реже и всё меньше замечая и этот покосившийся забор, и деревья его, и само то место, некогда обжитое человеком: всё сливалось в одну общую пастораль и пропадало из виду, как намозоливший за долгую жизнь глаза пейзаж. Вездесущие дети, по каким-то своим, известным им одним причинам, тоже избегали пробираться на ставшую ничьей территорию — лишь некоторые, самые любопытные, заглядывали в щели между досок, но, не видя ничего за густой штриховкой ветвей, теряли интерес к потустороннему, отворачивались и уходили.

Однажды в конце осени, в ноябре, дом вздрогнул и застонал. Заскрипели половицы, завизжали выдираемые гвозди: в нём завелась другая, дурная, неприкаянная жизнь: его облюбовали бродяги. Забор исчез, лавочки не стало. Однажды пропали — словно иконы сняли — ставни с окон. Чем-то мерзким стало пованивать от стен, отходящих уже чуть ли не на ладонь от прежней жизни. Заблестели тут и там фальшивые бриллианты водочных бутылок. По ночам казалось, будто огромные крысы тяжело и бессмысленно снуют по участку. Тяжело охнув, однажды сошла

с петель входная дверь на веранде, и не срам уже, но безгрешная нагота давно оставленного быта явилась свету, побыла недолго и сошла. Маточные доски пола, равно как и балки, их державшие, исчезли, зазиял отверстием полуподвал, и дико было это ничем не отделяемое соседство света и тьмы, но скоро и соседства не стало — всё превратилось в одну сплошную яму. Будто бы сами собою обрушились и повисли на последних гвоздях крашенные голубой небесной краской доски потолка. Времена года обходили дом теперь стороною — во всякое время он был угрюм и неприветлив, злобой и обидой на неудавшуюся жизнь веяло от него; неизбываемым холодом, несмотря на оттепели, на движение солнца, на то, что движение внутри становилось всё яростнее, пьяные крики всё громче, костры, разводимые прямо на дне страшной ямы, — всё больше. И однажды дом загорелся: жильцы соседних домов всю ночь наблюдали, как бесновалось пламя, как отсветы его плясали на стёклах их собственных окон, как дым и гарь стелились по снегу, черня его и оставляя в рыхлом коллодии размазанные, неряшливые отпечатки теней. Занялись деревья... К утру от всего остались одни закопчённые развалины каменного полуподвала, кубики блестящего, как антрацит, угля, повторяющего очертания переставших быть досок, да огарки изогнувшихся в муке стволов. И — удивительное дело — едва огонь угас, как от сгоревших брёвен и досок, от пережжённых пламенем кирпичей уже веяло холодом, словно всё случилось давным-давно. Ни уходящего жара, ни кислого привкуса дыма...

Весь остаток зимы пепелище, ничем не скрытое, пугало прохожих обнажившейся тайной своего небытия, и тогда, в конце весны, территорию обнесли металлическими гофрированными листами, и долго, несколько лет, они медленно тускнели, привлекая взгляды завистливых и деловитых дачников, покуда не стали серыми, как их будни, покуда то место, где был когда-то дом, опять не перестало привлекать чьего-либо внимания, перейдя в область соседствующего, но незримого. Обожённая земля, скрытно от всех, бралась за серым металлическим забором нежной плёнкой жёлто-зелёной, как золото, молодой листвы, зола и пепел становились землей.

Дети, помнившие плавное движение ветвей за бархатистыми досками забора, выросли.

Вероятно, где-то там, в верхах, где распоряжаются всем, что происходит, и куда не достигает мой слабый взор, никак не могли решить, что же теперь делать с этим неожиданно освободившимся и преобразившимся местом, может быть, его даже долгое время просто не замечали — настолько оно слилось с окружающим пейзажем, уравнилось с обстановкою близлежащего двора, слилось со школьным парком ближним своим крылом — может быть, заметив, наконец, даже принялись думать об общественной пользе, которую может принести бесхозное теперь место, и о форме этой пользы тоже думали, и даже искали на то деньги, и не исключено, что нашли, но, видимо, что-то в конце концов пошло не так: ветер ли подул и унёс нужные бумаги, тараканы ли съели написанное чернилами (а бывает и такое, я сам тому свидетель), или пылающий образ подопечного явился кому из всемогущих грозным предупреждением во сне, или даже печать, скрепляющую все решения в окончательное «быть посеуму!» искали, да не смогли отыскать, но взор предержавших от облаканного мыслью отвернулся, проекты переустройства отвергли, и место это решили просто открыть как уже не представляющее никакой опасности. Для чего убрали забор. Пригнали бульдозер, рабочих, и за один день снесли и уцелевший фундамент,

и остатки построек. Засыпали яму. Перебуrowили гусеницами всю траву и молодую поросль деревьев, испохабили, казалось, насмерть всё чудо Господне, но буквально через неделю пустырь снова зазеленел, и ничего уже ни постороннему человеку, ни обывателю не напоминало о том, что когда-то здесь стоял дом. По асфальтовой дорожке, по старой памяти всё ещё огибавшей вознёсшийся, словно кулиса, к небесам забор, люди спешили по утрам на работу, вечером, в сумерках, возвращались назад, но никаких уже зрелищ не жаждали, и никто не задерживался даже на миг, чтобы глянуть, не поворачивал головы, хотя бы на ходу, в сторону уже едва хранящую намагниченность былой жизнью. Одно время образовавшуюся площадку облюбовали собачники, но и они скоро оставили её — ландшафт, обработанный бульдозером, всё же не очень способствует медитациям и снохождению с поводком в руке.

Пустырь, опять предоставленный самому себе, ещё пуше зарастал крапивой и лебедой. Он стал служить прибежищем птиц, его присмотрела какая-то кошка, и кленовые детки, как самые спорые, как ни в чём не бывало воскресли в сени лопухов и быстро превратились в кленовых подростков. Со временем подростки эти стали молодыми деревцами.

Ходил мимо этого места на работу и я: в раннем, ещё не набравшем силу солнце, — на вокзал, радуясь тому, что на пути моём попадает так мало прохожих и ничто не отвлекает от моих мыслей и поклонения началу дня или от сожалений о неудавшейся моей жизни, в сумерках — не торопясь, с вокзала. День за днём и год за годом. Под мелким морозящим дождём, по лёгкому морозцу и, ступая по-медвежьи, — по льду, подгоняемый ветром, пригвождаемый зноем. Место, где стоял когда-то дом, для меня тоже почти перестало существовать — так лишь, мелькало на периферии сознания, подобно слепому пятну, не воспринимаемому ни душевно, ни телесно, но воссоздаваемому одной лишь работой нервной системы, и если бы я был медиумом, вызывающим духов, я бы сказал, что место это глухо, глухо, как всё вокруг меня и всё внутри меня.

Но однажды, в самом начале лета, возвращаясь с работы, я невольно замедлил шаг: ошутимый, острый запах молодого смородинового листа привлёк внимание, сбил меня с мысли. «Наверное, кто-то рассыпал кулёк смородины, — подумал я, — его растёрли ногами по асфальту, и вот... пахнет...» Я даже оглянулся в поисках подтверждения своей догадки, но не увидел ни рассыпанных ягод, ни пятен на дороге. Я внимательно оглядел пустырь: «Видимо, где-то в земле остался корень смородинового куста, и вот теперь, через столько времени он ожил и принялся», — догадался я, но и куста нигде не нашёл, даже самого завалившего. Даже молодых его побегов. Всё было как и прежде: пыльный бурьян, молодые клёны, мусор, нанесённый жителями конструктивистских домов и размётанный ветром. (Впрочем, сумерки уже были.) И над всем этим, одуряюще и пронзительно, как воспоминание о прошлой жизни, плыл запах смородины. Я подивился такому странному капризу чувств и поспешил дальше — дома меня ждал пришедший в гости сын.

На следующее утро, по пути на работу, я чуть было не проскочил то место, но вовремя сбавил шаг и принялся. Остановился. Осмотрел доступное взору внимательно: запах был, куста не было. Запах, кстати, сейчас был слабее, чем накануне, но я сразу понял, в чём дело: «Конечно, ещё семь утра только, семи даже

нет, ночной холод осадил в себя всё растворённое в воздухе. Вот солнце посильнее прогреет, и тогда...» Но: «Прогреет что?» — перебил я сам себя. И пожал плечами. И поспешил на вокзал: четвёртая экономика в мире не допускала праздных размышлений, и если не успеть занять в электричке место, потом, со своей спиной, мне целый час придётся мучиться стоя.

Вечером, уже памятуя об эксперименте, в который втянулся исподволь, я в нужном месте принял: так и есть. Одурающе головокружительно, до оскомины пахло смородиновым листом. «Однако, — подумал я, — если это и вправду из-за растоптанных ягод, то уж больно они того... устойчивые». Прекрасно уже понимая, что, конечно, никакие ягоды тут ни при чём. И что никаких кустов смородины на пустыре тоже нет.

Пахло и на следующий день.

И на следующий.

И потом.

И ещё потом.

Пахло всё лето.

(Надо заметить, кстати, что ощущался запах всё же не везде, а в одном только месте, там, где дорожка изгибалась острым углом, делая поворот, — словно сквозь прохуdivшуюся в этом месте материю нашего бытия просачивался тонкой струйкой, лучом света, отголосок бытия иного...) Я проходил мимо и с грустью думал о том, что лето рано или поздно закончится, а с ним закончится и чудо — вечным не бывает ничего, кроме вечности.

А ещё на том самом месте, где я теперь каждый раз невольно замедлял шаг, однажды утром я встретил старичка. Он стоял, опираясь на аптечную трость, и смотрел куда-то перед собой. Старичок как старичок, в клетчатой рубашке, заворсившейся на рукавах, в растянутых, но чистых брюках, в белой кепке. Откуда он взялся, зачем стоял, — не знаю. Он стоял, я проходил мимо. Каждое утро каждого рабочего дня — я замечал его ещё издали, следовательно, приходил он туда намного раньше меня, — стоял и смотрел. Когда он уходил... — тоже не знаю — я пробегал мимо, я старался отчего-то как можно скорее миновать его, как торопятся проскочить в книге или фильме некоторые особенно мягкие места.

А он всё стоял и стоял... Он всё стоял, и лето, в самом конце своём, уже на излёте, и даже в начале осени, всё стояло и стояло, и никак не могло перейти грань, отделяющую живое от неживого.

Наталья Салтанова

Собака по имени Жаклин

Рассказ

Зная, что любая тропинка парка приведёт к этой скамейке, Марина стала ждать. Возле её светлых туфель большая лужа, отражая облака, становилась то белой, то серой. К одной из бухт лужи причалил осенний лист.

Марина, с внешностью голливудской звезды, никогда не хотела быть на виду, но сегодня в пальто цвета лайма она была заметна издали.

В пионерском лагере играли в зарницу, главными задачами были забрать чужое знамя и как можно быстрее сорвать с противников все бумажные погоны.

Тогда Марина тоже нашла пересечение всех тропинок и забралась в самую гущу кустарника. Её никто не видел, зато она могла наблюдать за всеми. Мимо, озираясь, проходили свои — «синие», и чужие — «зелёные». Среди тонких веточек и паутины круглое гнездо какой-то птицы над головой было крышей, она чувствовала себя в «домике». Не было никакого желания бегать со всеми, нападать на «зелёных», срывать погоны, покрашенные еловой гуашью. Она впервые испытала чувство, очень редкое потом в её жизни, — превосходство над всеми.

Игра закончилась, и Марина вышла из укрытия. Ребята, с пунцовыми от беготни лицами, перебивая друг друга, галдели. «Мы с Костяном хитростью загнали его в угол и погоны оторвали, ну с этого, длинного». Марина видела, что они случайно столкнулись, Костян был просто шустрее длинного. Она слушала мальчишек, как их планы, стратегия-тактика здорово сработали. Она видела, как девчонки демонстрировали разбитые коленки, хвастались царапинами и шишками. Она рассматривала свой отряд и удивлялась, как быстро они стали другими. Зарница объединила их, даже внешне сделала похожими.

К ней подошла круглолицая пионервожатая: «Где ты была?» Все замолчали и посмотрели на Марину. Из всего отряда только у неё уцелели на плечах синие погоны.

Высокий спортивный мужчина выбежал с боковой тропинки на аллею и увидел Марину. «Застрели меня», — вспомнил он. Так они называли последний поцелуй на их тайных свиданиях. Он остановился, олимпийкой, словно это полотенце, стёр пот

Салтанова Наталья Матвеевна родилась в деревне Красноярка Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета, курсы сценаристов ВГИК. Участник мастерских АСПИР. Автор книг для детей «Старик и Шарль», «Новогодняя история». Рассказы печатались в журнале «Урал» и коллективных сборниках. Пьесы для детей и взрослых были поставлены в профессиональных и любительских театрах России. Преподаёт в Уральском федеральном государственном университете. Живёт в Екатеринбурге.

со лба, затем круговым движением вытер всю голову, взъерошив седые волосы. Чёрный щенок, бежавший за ним, уселся рядом, высунув язык. Одинаково косолапя, не торопясь, мужчина и щенок подошли к скамейке.

Как буднично — удивился он, — вон в луже жёлтый листик, и пальто на ней такого же цвета. Рядом с нею его всегда охватывало, ни с чем не спутать, чувство опасности.

Слишком долго он служил в тех землях, куда «вертушки» доставляли зелёные мешки с медикаментами и пустые цинковые гробы. Пустели — одни, заполнялись — другие. Там впервые он представил, хотя сам был врачом и знал анатомию, что его сердце превратилось в урюк, в абрикос, быстро сморщилось на солнцепёке чужих стран.

Да, он хорошо знал своё обострённо-болезненное восприятие мира рядом с нею, когда запоминал навечно все мелкие детали вокруг и каждое её слово.

— Почему ты так её назвал?

— Хорошо кричать: «Жааак-лиин!» Имя должно было быть на «ж», она с родословной. Жанна — это Жанна д'Арк. Жизель — гончая. Жоржета — болонка. Жасмин — имя скунса. Жаклин — в самый раз для умных овчарок.

— Ей идёт.

— Такая славная собачище!

Он наклонился и потрепал большую голову щенка. «Собачище» облизала ему руки.

— Не толстовата ли она для Жаклин?

— Справедливое замечание! Но у неё полнота младенческая. Тренировки — и весь жирок уйдёт.

Он подцепил носком кроссовка из лужи жёлтый лист и добавил:

— Всё требует тренировки.

По какому-то особому шелесту — её мягкие волосы задевали мембрану трубки стационарного телефона — он слышал, что это она. Работая в соседних кабинетах, когда не было пациентов, они иногда устраивали игру — молчали в телефонную трубку, счастливо улыбались несколько секунд и нажимали на рычаг.

Марина потом встретила её — Жаклин, красивую чёрную овчарку. Затормозив перед светофором и пропуская пешеходов, она залюбовалась собакой, шедшей по «зебре» рядом с высоким стариком. Марина профессиональным взглядом увидела, что тот перенёс инсульт: одно плечо у него было поднято вверх, уголок рта скошен вниз, словно бы в ухмылке. Старик вдруг остановился посреди дороги и стал озираться по сторонам, будто его кто-то окликнул или он искал кого-то. Автомобили загудели — им загорелся зелёный свет. Высокий старик засуетился, дёрнул за поводок собаку, и только тогда Марина узнала хозяина овчарки.

Пора было уходить, но они одетыми продолжали лежать на застеленной гостиничной кровати и смотреть друг на друга.

— Я решил реализовать свою детскую мечту.

— Стать космонавтом?

— Не угадала. Воспитать настоящую служебную собаку. А у Мерлин есть детская мечта? — он погладил её чёлку, как маленькой девочке.

— Целых две, и давно их осуществила. Стала красивой и ем мороженое когда захочу.

Он взял руку Марины и поцеловал в ладонь.

— А взрослую мечту я тебе не скажу, — она плавно выкрутила свою кисть из его руки.

Марина шла по коридору поликлиники, и по тому как с ней здоровались или отводили глаза в сторону, злорадствуя или сочувствуя, обо всем догадывалась.

Главврач, рыхлый молодой мужчина, всплеснул руками:

— А что, Маринпална, я могу? Он сказал, что друзей не предаёт, а жена ему друг. Сказал, что будет осуществлять свою какую-то детскую мечту...

Главврач исподлобья уставился на ноги Марины, на нижнюю пуговицу её белого халата. Если раньше эта привычка ей казалась смешной, то сейчас она почувствовала себя оскорблённой. «Я тоже увольняюсь!» — бросила Марина и вышла из кабинета.

Он знал, кто ему звонит, но теперь в трубке была другая тишина.

— Ты знаешь, Мерлин, а я стал искать себе по питомникам собаку.

— А моя мечта: встретить тебя случайно и не узнать.

— Ты лучше застрели меня тогда...

Она обходила лужу и думала, что он назвал собаку отличным именем. Жаклин — имя стратегически важной крепости, а Мерлин — название курортного городка. Жаклин — привет делового утра, Мерлин — мурлыканье в телефоне. Жаклин — сильный вдох. Мерлин — тихий выдох. Жаклин — щелчок дверцы дорогого автомобиля. Мерлин — всполох взлетевшей птицы...

Её пальто размазанным желтком отразилось в воде. «Но я — Марина», — сказала она себе вслух.

Он побежал по аллее, но не выдержал и оглянулся. Лужа блеснула, а Мерлин нигде не было видно. Толстый щенок по имени Жаклин догнал его и уткнулся носом в кроссовки.

«Только детские книги читать...»

Круглый стол

17 октября «Дружба народов» при участии Российского детского фонда и Фонда защиты детей провела круглый стол «Дети и мир XXI века в современной литературе». В нем приняли участие писатели, переводчики, литературные критики, школьные и вузовские педагоги, библиотекари, блогеры из Москвы и Бишкека, Иваново и Санкт-Петербурга, Омска и Ташкента: Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни), Елена Албул, Мария Ануфриева, Эдуард Веркин, Светлана Волкова, Дмитрий Гасин, Нина Дашевская, Марина Колесникова, Ирина Краева, Юлия Кузнецова, Наталья Кутейникова, Владимир Лидский, Анна Маркина, Борис Минаев, Елена Нестерина, Саша Николаенко, Николай Пономарёв, Валерия Пустовая.

Мы предложили несколько тем для обсуждения:

- Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.
- Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?
- Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).
- Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?
- Новые герои в новых обстоятельствах.

Разговор получился живым, заинтересованным, полемичным и очень информативным. Предлагаем вниманию читателей размышления участников.

Наталья Кутейникова, преподаватель, методист, к.п.н.,
член-корр. МАНПО (г. Москва, Россия)

«У каждого в этом мире свой путь»

1. Лучшие образцы отечественной детско-подростковой и юношеской литературы конца XX — XXI века затрагивают, а иногда и значительно углубляются в комплекс проблем не только «детского мира», но и мира взрослых, расширяют пространственные горизонты за счёт изображения иных стран, территорий и миров (литература

реалистическая, научно-художественная, научно-фантастическая и фэнтэзи, а также смешанных жанров и/или функциональных стилей), изображения психологического состояния персонажей, детей и взрослых. Этим современная литература для юных во многом отличается от детской времен СССР, где намечался узкий спектр проблем, которые, как правило, решали взрослые — *идеальные взрослые*, служащие образцом для подражания, в редких случаях — «чистым» образцом отрицательного героя, социального и книжного. Чёткая антитеза «положительный персонаж — отрицательный персонаж» присутствовала практически во всех произведениях прозы для детей и подростков, часто на этом противостоянии и строился сюжет.

Уже на рубеже XX — XXI веков родители, учителя и библиотекари столкнулись с тем, что дети школьного возраста перестали читать советскую детскую литературу, ощущая её неправдоподобие, нежизненность персонажей и жесткое противопоставление «протагонист — антагонист», которое редко бывает в реальной действительности. Социологические исследования РГДБ последних лет показали резкую смену круга чтения детей и подростков в России и за рубежом.

Большинству юных читателей важно *прочувствовать* героев произведения, *прожить их внутреннюю жизнь*, испытать сходные или противоположные эмоции — эмоциональной составляющей книги школьники уделяют повышенное внимание. Как сказала одна моя ученица, с трудом одолевшая повести Василя Быкова и Бориса Васильева, но с удовольствием перечитывавшая «Облачный полк» Эдуарда Веркина: «Вы были другими — вам было достаточно действия в повествовании, эмоции вы домысливали. Мы не воспринимаем действие, сюжет, если не понимаем эмоции персонажей, движение их внутреннего мира» (Елена М., 11 класс, 2014 г.). Новым поколениям, видимо, необходим подробный, пошаговый «алгоритм действия» внутреннего мира персонажей. Именно поэтому повесть Э.Веркина «Облачный полк» стала событием и в мире детей, и в мире взрослых. Я сама при первом прочтении не осознавала почти до конца, что второй герой — Лёня Голиков, и это открытие было потрясением. Слишком уж канонически-шаблонно мы представляем себе пионеров-героев...

Расширение пространственно-временных границ сразу же даёт многопластовость повествования, увлекает читателей подготовленных и неподготовленных, взрослых и той возрастной группы, которой это произведение адресовано, и читателей значительно моложе, но интересующихся затронутыми проблемами. Это та детско-подростковая беллетристика, которая готовит читателей не только ко взрослой жизни, её реалиям, но и к восприятию самой сложной художественной литературы, к восприятию классики.

Главной, конечно, как и в советской детской литературе, сегодня остается тема взросления ребенка. Это вполне объяснимо — тема вечная, а вот на её фоне более углубленно дается «мысль семейная» (Л.Н.Толстой) — как тема и как проблема. Сложности современной семейной жизни стали главным отличием литературы для детей и подростков в XXI столетии. Кризис семьи, неявно обозначившийся в нашей стране в конце 1980-х годов, к началу нового тысячелетия стал виден практически каждому, кто задумывался о проблемах социальных и педагогических. В нулевые годы в детско-подростковой и юношеской литературе как-то немодно было об этом заявлять, чаще всего проблемы персонажей списывались либо на влияние социума,

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

либо на личные особенности героев, либо на какие-то трагические обстоятельства, определившие их жизнь. К началу 2010-х умалчивать о проблемах семьи стало уже невозможно.

Реалистическая проза для детей, подростков и юношества по определению не может состояться, если в сюжете не появляются взрослые, в том числе родители, во многом обусловившие поведение своих детей, их взгляды на жизнь или социальный протест. Одного лишь занимательного сюжета оказывается недостаточно для того, чтобы увлечь современного школьника: помимо удовольствия от процесса чтения, ему хочется что-то понять для себя в окружающем мире. Чтение книги, где всё «как в жизни», дает возможность переосмыслить поведение ровесников и взрослых, помогает понять взаимосвязь поколений, поступков, мыслей и чувств героев, иначе посмотреть на «чужаков» в книге и реальной жизни, принять инаковость другого человека и в то же время научиться быть самим собой, не подстраиваясь под других и обстоятельства. Разнообразная картина мира — главное достижение современной реалистической прозы для школьников, дающее каждому конкретному произведению шанс на долгожительство.

Среди писателей, глубоко и правдоподобно отразивших современный мир, его реалии и поведение героя-ребенка в этом мире, его мысли, чувства и переживания, пишущих на русском языке, хочется выделить следующие имена: *Наринэ Абгарян* (Армения, Россия, Германия), *Аделия Амраева* (Казахстан), *Евгения Басова* (Россия), *Ксения Беленкова* (Россия), *Елена Борода* (Россия), *Мария Ботева* (Россия), *Анна Вербовская* (Россия), *Эдуард Веркин* (Россия), *Лилия Волкова* (Россия), *Наталья Волкова* (Россия), *Светлана Волкова* (Россия), *Елена Габова* (Россия), *Нина Дашевская* (Россия), *Валентина Дётева* (Россия), *Дарья Доцук* (Россия), *Анна Зенькова* (Беларусь), *Ольга Колпакова* (Россия), *Ирина Краева* (Россия), *Юлия Кузнецова* (Россия), *Юлия Лавряшина* (Россия), *Майя Лазаренская* (Россия), *Юлия Мазурова* (Россия), *Мария Мартиросова* (Армения, Россия), *Тамара Михеева* (Россия), *Екатерина Мурашова* (Россия), *Ева Немеш* (Россия), *Светлана и Николай Пономарёвы* (Россия), *Лариса Романовская* (Россия), *Евгений Рудашевский* (Россия), *Дина Сабитова* (Россия), *Дмитрий Сиротин* (Россия), *Елена Трофимчук* (Беларусь), *Юлия Яковлева* (Россия).

Все перечисленные авторы и их произведения однозначно стали *литературным событием* в России последних лет, радуется, что все эти прозаики и поэты активно продолжают писать и издаваться.

Безусловным событием стали книги *Наринэ Абгарян «Манюня»* и *Мариам Петросян «Дом, в котором...»*. Книга М.Петросян адресована взрослой аудитории, но читается с огромным интересом и школьниками 13—18 лет в силу своей постмодернистской эклектики и психологически верного изображения внутреннего мира детей-инвалидов в детском доме, их взросления в реальном и потустороннем мире. Пожалуй, в отечественной литературе так правдиво о детях-инвалидах и детском доме в XXI столетии впервые и написала Мариам Петросян. Без идеализации детского дома и happy end'a, что по советскому канону обязательно должно быть в детско-подростковой литературе. Потому и «Манюня» читается до сих пор и младшими школьниками, и подростками, и взрослыми: показан реальный мир, реальный позднесоветский быт и реальные чувства взрослеющих маленьких девочек. Юные читатели понимают

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

и принимают открытый финал этой книги, пронизанной искрометным юмором, позитивным восприятием жизни, чего часто не хватает в современной литературе юному читателю.

Бестселлером стал и «Зверский детектив» Анны Старобинец — так любимая современными детьми *серия*, впоследствии изданная под одной обложкой. «Взрослые» детективные сюжеты обернуты здесь в «детскую» упаковку, сюжеты лихо закручены, поэтому детектив А. Старобинец легко читается, он интересен и детям, и взрослым. Дети от 8 до 14 лет перечитывают его по нескольку раз, кому-то удалось попасть на спектакль в РАМТе, есть и аудио-версия книги. Серия «Зверский детектив» помогла многим детям полюбить чтение, открыть для себя нескудный мир литературы, а также мир вокруг себя.

В любом возрасте *книги исторической тематики*, художественные и научно-художественные, помогают лучше понять и осмыслить факты, окунуться в события истории, многие из которых затем становятся частью внутренней истории человека, как бы частью его биографии. И если говорить о формировании свода национальной памяти, то в первую очередь стоит обратить внимание на книги для детей и подростков. Недаром во времена СССР такие книги всегда включались в списки для уроков внеклассного чтения и в начальной, и в средней школе.

Здесь надо отметить повышенный интерес школьников от 10 до 18 лет к произведениям, часто адресованным не их возрастной группе и благодаря этому интересу выдержавшим несколько переизданий: *Ольга Громова «Сахарный ребёнок»* и «Вальхен»; *Ольга Колтакова «Полынная ёлка»*; *Наталья Волкова «Разноцветный снег»*; *Эдуард Веркин «Облачный полк»*; *Евгений Ельчин «Сталинский нос»*. Дети 10—12 лет читают то, что адресовано старшим подросткам и юношеству, а повесть Н. Волковой для младших и старших подростков читают школьники 16—18 лет. В последние годы появились произведения на историческую тему в нетрадиционных для прежних поколений писателей жанрах. Современные подростки оценили жанровую эклектику «Ленинградских сказок» Юлии Яковлевой, объединивших художественные особенности сказки, реализма и мистического реализма, и «Сибирские хайку» Виле Юрги — которые называют графическим романом, но по сути это графическая повесть. Рассказ (одна сюжетная линия, один день в жизни главного героя), а не повесть *Е. Ельчина «Сталинский нос»* — это сплав двух функциональных направлений: художественной прозы и графического романа, т.к. иллюстрации самого автора часто расширяют, дополняют текст, выводят читателя-школьника за рамки произведения — в исторические реалии Москвы 1930-х годов.

Другой интересный опыт передачи *темы памяти* — научно-художественное произведение *Ольги Колтаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки»*. Основной сюжет повести — художественный текст, адресованный и мальчикам, и девочкам, имеющий в своей основе как лейтмотив семьи («мысль семейная»), так и мотив дружбы, персонажи-дети раскрывают в ней пусть и небольшие, но интересные тайны, попадая в чисто подростковые приключения. При этом «Суперсилы по наследству...» — интересная и очень красивая книжка, она прекрасно иллюстрирована Светланой Кучер в духе примитивизма, что легко считывается и воспринимается современными подростками, любящими комиксы, манги и графические романы. Во внутреннем сюжете, историческом, иллюстрации и цветные, и черно-белые —

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

контрастные, в то же время легко сочетающиеся с фотографиями и плакатами разных лет Советской власти. Подростки 10—15 лет любят книги с иллюстрациями. Многие, в основном мальчики, любят научно-популярные программы и книги. Эту потребность школьников в научной популяризации, в иллюстрировании текста и восполняет *внутренний сюжет* — рассказ о развитии России с конца XIX века до рубежа XX — XXI веков, представленный историческими комментариями *Ивана Привалова*. История России в комментариях, плакатах и открытках, инфографике дана во внутренних вкладках — их можно читать и рассматривать отдельно, по ним можно делать доклады. Перед нами своеобразный симбиоз *художественного текста и научного*, постоянно дополняющих друг друга.

2. Реалистическая проза XIX — XX веков блестяще справлялась с задачами времени, помогая читателям испытывать удовольствие от процесса чтения, сопереживания персонажам, вовлечения в сюжет и познавать реальный окружающий мир — мир настоящего и мир прошлого, учиться разбираться в людях и их поступках. Оказалось, в начале XXI века читатели разного возраста так же точно ищут в реалистической прозе познавательную составляющую.

Персонаж, существующий лишь в мире себе подобных, отвергается читателем-подростком как нежизнеподобный, вымышленный, по определению многих школьников — «сказочный» (опросы 2018—2019 и 2022—2024 учебных годов). Срабатывает установка на *жанровые ожидания* юного читателя: если это не фэнтези, не сказка, а «как бы правда», то и сюжет произведения должен быть максимально приближен к реальной действительности: со взрослыми и детьми, со всеми проблемами, существующими в семьях и между этими взрослыми и детьми.

Кстати, именно по этой причине многие современные школьники, активные читатели, не воспринимают советскую детско-подростковую литературу: как правило, взрослые персонажи представлены в ней чуть ли не идеальными, как образец для подражания, без недостатков и реальных проблем — юные читатели XXI века очень хорошо чувствуют недостоверность такого «художественного идеализма», называя подобные персонажи лакированными, фальшивыми и сказочными (ученики ГБОУ СОШ № 1595 и 1366 г. Москвы, 2018—2019 учебный год, Школа им. В.В.Маяковского, 2022—2023 учебный год).

Кризис семьи коснулся практически всех. Юному читателю, с одной стороны, хочется увидеть, что не только в его семье существуют проблемы, не только он страдает от непонимания взрослых или в созданных взрослыми обстоятельствах. С другой стороны, даже нечитающему ребенку интересно узнать, что и как происходит в других семьях. Определенная тяга к идеальной семье, как показывает практика, есть у всех детей 10—15 лет, даже тех, кого принято считать асоциальными. При чтении и обсуждении «мысли семейной» в современной детско-подростковой и юношеской литературе школьники выходят на обсуждение вариантов разрешения той или иной ситуации не только для персонажей произведения, но и для самих себя, ищут образ семьи, которую хочется создать в будущем. По большому счету это и есть *социализирующая функция искусства*.

Безусловно, всех современных школьников волнует *тема взросления*, персонажи, не похожие ни на самого читателя, ни на его окружение, герои-чудики. Отсюда повышенный интерес к произведениям *Нины Дашевской* — написанные однозначно талантливо и в высокой степени художественно, они всегда становятся событием.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Нина Дашевская пишет об особенных детях. Нет, это не дети с особенностями физического и психического развития, не инвалиды детства (хотя у некоторых персонажей есть признаки аутизма, как у Лёвы Иноземцева в повести «День числа Пи»). Эти особенные дети отличаются от большинства интеллектуальным развитием и врожденными способностями — к музыке, или математике, или ещё к чему-то, что резко выделяет их на фоне ровесников. Повесть «День числа Пи» была восторженно встречена взрослыми читателями — это действительно сильное произведение, показывающее нам внутренний мир одарённого мальчика, демонстрирующее сложное мировосприятие ребёнка не от мира сего. Дети к таким относятся настороженно, им приходится многие эпизоды объяснять. Подросткам, стремящимся быть как все, социализироваться в мире ровесников, такой персонаж изначально чужд — вызывает отторжение, иногда — насмешку. Вот об этом мы и говорим вслед за автором с учениками. В то же время ребёнку хочется, чтобы в нём видели личность, ценили его неповторимость, хочется понять, как оставаться индивидуальностью в тусовке ровесников. Именно поэтому повесть Нины Дашевской остается в круге чтения подростков.

Наряду с большой популярностью зарубежных фэнтези, мистики и детектива наблюдается такой же интерес к реалистическим произведениям, расширяющим круг представлений юного читателя о жизни в других странах, о взрослении ребёнка в иных реалиях. Бестселлером стала книга *Марии Парр «Тоня Глимердал»* о маленькой девочке из норвежской деревни, ее трогательной дружбе со стариком-соседом, о драматических отношениях между родителями. Как и у Наринэ Абгарян, описание жизни в норвежской глуши дано с юмором, с позитивом, которого часто не хватает современным детям.

Старшие подростки (16—18 лет) читают книги *Стефана Каста «Зелёный круг»*, *«Лето Мари-Лу»*, *«Притворяясь мёртвым»*, *Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз»*, *Катарини Киери «Никто не спит»*, *«Совсем не Аполлон»*, *Сьюзен Коллинз «Голодные игры»*, *«И вспыхнет пламя»*, *«Сойка-пересмешница»*, *Харпер Ли «Убить пересмешника»*, *Гэри Шмидта «Беда»* и его трилогию: *«Битвы по средам»*, *«Пока нормально»*, *«Вот так запросто»*. При этом *«Над пропастью во ржи» Дж.Д. Сэлинджера* теперь читают реже, пришёл интерес к другим книгам, например, к фантастической повести *Дэниела Киза «Цветы для Эджернона»* и повести *Маркуса Зусака «Книжный вор»*. Часто такой интерес поддерживается экранизацией и театральными постановками (тот же РАМТ пошел по этому пути популяризации чтения — созданию спектаклей по знаковым для сегодняшних поколений школьников произведениям или по важным для всех поколений книгам, например, по повести *Тода Штрассера «Волна»*).

Многие подростки 12—15 лет читают повести *Корнелии Функе «Чернильное сердце»*, *«Чернильная кровь»*, *«Чернильная смерть»*, но при этом любят книги *Ульфы Старка «Чудаки и зануды»*, *«Пусть танцуют белые медведи»*, адресованные старшим подросткам, а также его *«Умеешь ли ты свистеть, Йоханна?»*, *«Маленькую повесть о любви»*. Они помнят книги писателя по своему дошкольному и младшему школьному детству, поэтому выбирают и в более старшем возрасте. Однако интерес к тому или иному автору, книге или серии чаще всего зависит от моды на чтение в среде тинейджеров: если есть такая мода, то читают, если нет, однозначно не читают. И читают то,

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

что читает «тусовка», иногда взрослые книги, иногда — для младшего школьного возраста. Здесь, скорее, вопрос во вбросе интереса, то есть мотивации к чтению, заданной родителями, учителями, библиотекарями и просто значимыми для конкретной «тусовки» взрослыми.

Боясь вступления в мир взрослых, отгораживаясь от своих проблем, подростки уходят в мир *фэнтези*, реже — *научной фантастики*, при этом практически все любят *детективы*. Что объяснимо: эти жанры и функционально-жанровые направления будоражат фантазию, уводят в другие миры, пробуждают творческое и познавательное начало личности. В то же время лучшие образцы такой литературы учат понимать и принимать реальный окружающий мир, самостоятельно решать проблемы, ставить перед собой реальные задачи и намечать пути их реализации. По большому счету, так всегда и было в возрастном периоде от 10 до 17 лет.

3. Как уже говорилось, многие современные авторы наследуют традиции советской детско-подростковой литературы, но активно при этом ищут новые темы и пути их художественного воплощения. Поднимаются проблемы сегодняшнего дня — социальные, внутрисемейные, детско-подростковые, волнующие читателей разного возраста. На наш взгляд, не во всём можно согласиться с выводами литературоведов М.Литовской и И.Савкиной, считающих всю детско-подростковую и юношескую литературу формульными жанрами массовой литературы (*Литовская М., Савкина И. Читать нельзя изучать: Книга о массовой литературе для учителей и учеников.* — М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. — 150 с.), так как налицо размывание жанровых границ этой литературы в XXI веке, иногда — смешение признаков родовых, а также функционально-жанровая эклектика. Сложно определить, что перед нами — школьная повесть или повесть о взрослении, балансирующая на грани художественной и научно-художественной литературы. Ещё сложнее с жизнеподобными произведениями, являющимися по сути реалистическими, в которые встроены элементы фэнтези, мистики, научной фантастики. Однако многие черты массовой литературы свойственны произведениям для юных из-за специфики восприятия мира и искусства неподготовленными в силу возраста читателями. Как постепенно в XIX веке некоторые художественные особенности сентиментализма перешли из высокой литературы в массовую, так и приёмы массовой литературы «работают» в детско-подростковой, реже — юношеской. Самый яркий пример — *harry end*, хотя в реалистической подростковой прозе он может быть просто жизнеутверждающим, показывающим возможные выходы из сложной ситуации, расставляющим акценты «что такое хорошо и что такое плохо». Это сближает два потока современной литературы, поэтому многие взрослые любят читать произведения для юных: взрослый читатель ищет в массовой и детско-подростковой литературе, в первую очередь, развлечение и успокоение, затем — ответы на свои вопросы или подтверждение собственной точки зрения. Простота, прозрачность повествования литературы для школьников полностью удовлетворяет эти потребности взрослых, но с детьми не всё так однозначно. Школьники хотят получать удовольствие от чтения, как от компьютерных игр или просмотра фильмов, сериалов, даже соцсетей, им нужен определенный драйв, но в то же время, часто себе в этом не признаваясь, они тоже ищут ответы на свои потаенные вопросы. У них еще нет готовых ответов, они только вступают в жизнь и хотят ее понять, как понять и взрослых, читающих эти же

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе *Young Adult* в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

произведения. Вектор жанровых интересов подрастающих читателей меняется, порой кардинально. Авторы это чувствуют и пытаются уловить его колебания, хотя, безусловно, пишут о том, что их самих волнует.

В среднем и старшем подростковом возрасте на первое место выходят традиционные темы: взросления, любви и дружбы, школьного коллектива, нравственного выбора и выбора жизненного пути. Даже нечитающие подростки интересуются повестями о взрослении, детстве в прошлом — в XIX — XX веках (часто в чтении взрослыми вслух или аудио-книгах), чтобы сравнить путь взросления ровесника, понять ход истории на конкретных примерах. Отсюда такой интерес к роману взросления *Ольги Громовой «Сахарный ребёнок»*, ее повести *«Вальхен»*. Особый интерес у современных школьников к повестям и рассказам *Тамары Михеевой*, произведениям *Евгении Басовой*, *Лилии Волковой* и *Светланы Волковой*, *Юлии Кузнецовой*, *Юлии Лавряшиной*, *Ирины Краевой* и *Ксении Беленковой*, повествующим о детстве в XXI веке, но предлагающим «современный» угол зрения и на традиционные темы, и на проблемы взросления, и на самого взрослеющего ребенка.

Часто мотивом или лейтмотивом в произведении о взрослении становится тема памяти. Назовем хотя бы повести *Наталии Волковой «Разноцветный снег»* и *Юлии Лавряшиной «Призрак с горки»*, *«Я не чёртик!»*. Это пробуждает интерес школьников к истории, к прошлому своей семьи, действеннее формирует нравственные установки, чем выверенный вариант «правильного поведения» в «традиционных» произведениях. В отличие от советской детской литературы мораль здесь воспринимается читателем на уровне эмоционального сопереживания персонажам, поэтому эти книги закрепляются в круге чтения новых подросших поколений.

4. На наш взгляд, такой «переходной», чисто юношеской литературы, как раз и не хватало с середины XX века до начала 2010-х годов. На Западе это почувствовали раньше, во-первых, потому что они чутко следят за читательскими предпочтениями, следовательно, продажами книг, во-вторых, там давно ведутся психологические исследования, которые показывают определенный сдвиг возрастных рамок: подростки оказались более инфантильными, «застрявшими в детстве», в 20—27 лет сохраняющими психологию подростка, но ведущими уже взрослую жизнь. Они не готовы воспринимать взрослую литературу, часто ее просто не понимают, тем более классику. Это общемировая тенденция, и рынок художественной литературы на нее чутко отреагировал.

Например, книги *Джона Грина* сложно назвать подростковыми — они адресованы юношеству, хотя школьники 14—18 лет их читают, правда, меньше, чем до пандемии 2020—2021 годов, но это литература Young Adult. Однако его романы и сюжетно, и стилистически подпадают под определение «подростковая проза»: основной сюжет доминирует (сюжет = фабуле), как правило, один-два параллельных сюжета даны ясно, но кратко, изложены предельно чётко, подробно, как для людей, плохо разбирающихся в жизни; слог простой, доступный неподготовленному читателю; много бытовых и психологических подробностей, объясняющих ситуацию, в которую попали герои. Делать выводы читателю не требуется — за него это сделали персонажи, чаще всего главный герой. Написано талантливо, читать интересно, тематика разнообразная, дающая картины жизни «молодых взрослых» в разных регионах США, в больших и малых городах, в колледжах и на работе. Такая «художественная

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

инструкция по применению» различных ситуаций к собственно жизни. Упор на чувства героев, динамику их переживаний, взросление чувств, на то, как это отражается на поступках персонажей.

Недавно появился перевод книги Дельфины Пессан «Фиалки цветут зимой», и мы наблюдаем, что его читают «загруженные ЕГЭ» старшекласники и их старшие братья и сестры, — тоже интересная «художественная инструкция по применению», только французская: главная героиня, выбирающая профессию для поступления в колледж, переживающая психологическую травму после смерти матери и не умеющая налаживать отношения как с родным отцом, так и окружающим миром, прячется от этого мира за разноцветными париками, и помощь пожилой учительницы, за которой ухаживает в пансионе для престарелых. И тоже написано так, что оторваться невозможно. Наверное, эту аудиторию «потерявшихся» во времени и пространстве «молодых взрослых» только и можно привлечь талантливыми произведениями, глубоко, чётко и подробно передающими чувства персонажей.

При этом Д.Пессан, в отличие от Дж.Грина, глубоко и тонко описывает переживания не только юного персонажа, но и пожилого, пытается достучаться до молодого читателя, вызвать у него симпатию и сострадание к старому человеку.

Многие отечественные авторы чувствуют такое своеобразное «расширение» аудитории, поэтому их произведения, часто адресованные подросткам, попадают в категорию Young Adult. Так, обе повести Елены Бороды «*ZOOM. Карантинная история*» и «*Инктобер. Месяц перемен*» читаются студентами, а вторая четко сопоставляет переживания девятиклассницы, которая учится в математическом классе и мечтает стать художником, и бывшего студента, запутавшегося в своей жизни и отношениях с близкими. Оба участвуют в инктобере — челленджере для художников, когда каждый день октября месяца надо рисовать ассоциации по списку слов, данных организаторами. Для героев инктобер — вызов самим себе, во многом помогающий в себе же и разобраться, дисциплинировать и решить какие-то, в том числе житейские, проблемы.

Взрослеть тяжело, как правило, не хочется, но раньше такой жизненный этап приходился на 15—18 лет, а сейчас на возраст после 20. Рынок литературы просто отреагировал на запрос времени.

5. Не претендуя на истину в последней инстанции, скажу, что из нашей подростковой литературы постепенно уходит тема суицида, но остается запутавшийся в своей жизни рефлектирующий герой-подросток, которому не помогли разобраться в окружающем взрослые, тоже чаще всего наделавшие множество ошибок (Аделия Амраева «*Я хочу жить!*», Ирина Краева «*Дети неба, или Во всём виноваты бизоны*», Инна Манахова «*Двенадцать зрителей*» или зарубежная литература: Джей Эшер «*13 причин почему*»). В книгах современных писателей довольно жестко показана нынешняя жизнь, жизнь ребёнка или подростка, предоставленного самому себе, не услышанного, не понятого, а от этого страдающего. Такого героя точно не было в советской детской литературе, потому что тогда был востребован герой-деятель, преодолевающий внешние препятствия, часто иллюзорные или выдуманные автором. Совершив небольшие проступки, герой становился честным пионером или героем-комсомольцем, не сомневающимся ни в линии партии, ни в правоте наставляющих его взрослых. (Своеобразная трансформация жития святых, которые в начале своего пути часто были великими грешниками, но под влиянием идеи преобразились и встали на путь праведничества.)

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Сегодняшний герой показан таким, какими являются его сверстники: разные, не похожие на других, но часто сливающиеся с толпой подростков. Это не заданный типаж — писатели пытаются реалистично и психологически точно передать внутренний мир подростка, его сложную жизнь внутри школьного коллектива или среди ровесников в иных реалиях, в ситуации развода родителей или переезда в другой город, страну, его переживания, его борьбу или нежелание борьбы за выживание. Это то, во что не хотят верить многие взрослые, особенно «трепетные родители».

Всплывают темы инаковости и инклюзии, потому что они так или иначе являются темами сегодняшнего дня. И здесь хорошо прозвучала книга *Елены Мамонтовой «Белая сова»*, в которой главная героиня-мама узнает, что ее сын — инициатор школьной травли. Боясь потерять доверие сына, их замечательные взаимоотношения, героиня вспоминает, как ее травили в детстве, и пытается объяснить своему ребенку, почему буллинг — это бесчеловечно. Школьная травля была всегда, но в наше время приняла катастрофические масштабы из-за повышенной агрессии в обществе, и отечественные писатели пытаются донести до читателя прописную истину, что *миром движет добро*.

Наиболее жесткое, честно и неприкрыто тема буллинга поднимается в повести *Юлии Мазуровой «Особый случай»*. Безусловно, это явление в нашей литературе. Верить в страшную правду не хочется. Вот поэтому и молчат многие прочитавшие, а учителя не торопятся рекомендовать книгу ученикам. Как и Нина Дашевская, автор пытается показать наш мир через призму восприятия особенным ребенком — аутистом, попавшим в класс «нормотипичных детей» (это термин у нас теперь такой!!!) по программе инклюзии. Родители очень много сделали, чтобы подросший ребёнок мог адаптироваться в мире и жить самостоятельно, но класс его сломал — одноклассники и их родители оказались жестокими, равнодушными и агрессивными. Мальчику помогает единственная одноклассница, сначала тоже с трудом воспринимающая новенького, но пытающаяся его понять, понять себя и своих родителей. Взросление девочки происходит на фоне отделения себя от толпы, борьбы за Игоря, противостояния в классе и своей семье, а затем с потерей Игоря: нет, он не умер — просто вернулся в собственный внутренний мир, и родители забрали его из «нормотипичной» школы. А подросшая девочка делает один простой вывод: не страшно, если кто-то не такой, как все.

Главная идея современных произведений для детей, подростков и юношества: мы все разные, и это хорошо, потому что надо принимать мир в его многообразии, стараться понять другого человека, помочь ему, но не стремиться переделать. У каждого в этом мире свой Путь.

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

*Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни), прозаик, поэт,
литературный критик (г. Ташкент, Республика Узбекистан)*

«Как раньше были юные пионеры-герои, так сегодня есть юные читатели-герои»

С детской литературой у нас, кажется, обстоит все хорошо. Так хорошо, что даже обидно. Обидно немного за «взрослую», но речь сейчас не о ней.

У нас есть замечательные детские писатели. Дуэт Жвалевский — Пастернак. Анастасия Строкина. Нина Дашевская. Станислав Востоков. Список можно продолжить.

Это, на первый взгляд, парадоксально. Дети и подростки — если верить разным опросам, да и просто эмпирически — читают художественной литературы все меньше. Сама детская и подростковая литература становится все лучше.

Этому может быть несколько объяснений. Во-первых, отдельные дети продолжают читать худлит. В ситуации нынешней информационной революции, это, конечно, героизм. Как раньше были юные пионеры-герои, так сегодня есть юные читатели-герои. Они читают, они приходят на встречи с любимыми писателями, они задают им вопросы. Я это видел.

Во-вторых, литература для детей поощряется. По поводу усиления роли государства в литературном процессе и его результатов можно спорить. Но поддержка детской литературы, кажется, пример довольно позитивный.

Даже «взрослая» литература стала заглядывать в детскую. Что, в общем, ей не свойственно. Вспомним известную просьбу («Не присылайте мне вашего журнала») Пушкина Борису Васильеву, издателю и редактору «Новой детской библиотеки». Сегодня у нас есть писатели, замечательно пишущие и для взрослых, и для детей-подростков. Марина Москвина. Эдуард Веркин. Шамиль Идиатуллин. Ирина Богатырева.

Более того, книги самих детских писателей сегодня с удовольствием могут читаться — и читаются — взрослыми.

Последние лет двадцать расширилась возрастная деланка того, что прежде считалось детским. Планка вхождения во взрослость отодвигается. В одежде, во времяпровождении, во всем. Современная детская литература может вполне читаться и взрослыми. Особенно если она с картинками.

Хорошо это для литературы в целом или нет, я не знаю. Для детской литературы — однозначно хорошо.

Например, Роман Александры Зайцевой «Девочке в шаре всё нипочем», вышла в 2020-м в издательстве «Самокат». 90-е годы, группа старшеклассников-неформалов из провинциального города. Сложные отношения с социумом (в лице, прежде всего, родителей). Постепенно, по мере вторжения «взрослой» реальности, их дружба начинает распадаться и таять. Психологически глубокая, лиричная проза.

Или, например, роман Ивана Бевза «Чем мы занимались, пока вы учили нас жить» («Самокат», 2024). Тут действие происходит в нулевые. Старшеклассники превращают

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

обычную школу в центре Москвы в отдельное государство со своими законами и валютой. Главный герой, десятиклассник, выбивается в чемпионы и создает (при поддержке завуча) внутри школы полумафиозную структуру... В замкнутом мире школы, как в зеркале, отражается большой мир, мир больших денег и большой политики. Показано это довольно убедительно и психологически точно. И главное, увлекательно.

Еще один отличный роман. Роман Льва Кузьминского, «Привет, заморыши!» («Лайвбук», 2023), написанный в духе телесериала-ситкома (вроде «Папиных дочек»). Жизнь современной многодетной семьи (причем большая часть детей взята из детдома), вдобавок проживающей в Москве. А тут ещё новая (тоже взятая из детдома) девочка с, мягко говоря, нестандартной психикой. Талантливо, динамично, весело написанная книга, хотя многие сюжетные повороты в ней далеко не смешны.

Я назвал только три книги последних лет — а таких книг, конечно, больше. Сейчас, правда, намечаются новые тенденции. Реальность военизируется, а это значит, что период детства (психологического), который расширялся последние лет двадцать, если не больше, снова будет сужаться, как это происходило во время войн, для которого как раз характерен феномен раннего взросления. Но как и в какой мере это отразится на обществе и литературе, пока не ясно.

Эдуард Веркин, прозаик (г. Иваново, Россия)

«Мы до сих пор живём на чердаке Тимура»

1. Постсоветские тридцать лет подарили нам немало достойных книг, интересных, странных, сильных — книг, которые непременно пополнят «золотую полку» отечественного детлита. Книг-событий, к сожалению, чрезвычайно мало, вероятно, жанр «книга-событие» не очень прививается на нашей почве. Для соответствия «событию», на мой взгляд, должно быть выполнено неременное условие: книга должна порождать фан-базу. Не оценки критиков, не тиражи, не премии, не скандал. Насколько я понимаю, более-менее значительную фан-базу создали «Таня Гроттер», «Мефодий Буслаев», «Часодеи», «Дом, в котором...». Последняя по ведомству подростковой литературы не проходит, но Young Adult вполне каноничный. Почему книг-событий у нас мало? Вероятно, основная проблема — это ёмкость рынка. Читателей не хватает. Их количество сокращается. За любой англоязычной детской и подростковой книгой фактически читатели всего мира, количество создает событие. У нас не так. Если принимать во внимание миграцию читателей на соответствующие сетевые литературные ресурсы, то можно предположить, что шанс на появление книги-события в нашей уютной детско-подростковой песочнице уменьшается с каждым годом.

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

2. Приключения, фантастические приключения, проблемы школы, взаимодействие со сверстниками и взрослыми, выбор пути, будущее.

3. А никакой модификации жанров не наблюдается, модифицируется антураж — вместо пионеров действуют условные маги и ведьмы, а так это всё те же романы взросления, школьные повести и проч. Традиции советской литературы живут и относительно здравствуют. Собственно, как я неоднократно говорил, мы до сих пор живем на чердаке Тимура. Это и хорошо, и не очень. Хорошо потому, что советская школа детско-подростковой литературы, безусловно, сильнейшая в мире и образцы у нас самые первосортные. Но в этом есть и опасность — топливо в любой, даже самой яркой, звезде рано или поздно выгорает — и тогда коллапс, схлопывание. На водороде Гайдара, Хармса, Кассиля и других великих наш детлит пылает уже скоро сотню лет, и, как по мне, горючее это на исходе. Если учесть, что, в отличие от СССР, российский детлит продолжает ютиться на приставных табуретках и давно и безнадежно смирился с ролью вечной падчерицы «настоящей литературы», то перспективы не очень радужные.

С Young Adult повеселее, сам сегмент существует отчасти вне сложившихся иерархий и институций, он диковат, далек от основного литературного процесса, я, если честно, не очень представляю, куда он идет. Но очень хорошо, что он есть.

4. Я никакого особого всплеска не вижу, YA в его исходном виде держит планку интереса, держит давно, лет двадцать. Некоторый всплеск наблюдается в ромфанте, к которому можно отнести антуражные мистические и фэнтезийные истории, всплеск есть в ориентальной мистике, к YA эти направления относятся лишь технически, в силу совпадения целевой аудитории. Не так давно в тренде были томные вампиры, потом гимназические антиутопии, и вот настал черед корейских драконов и влюбленных в них студенток, потом будут клоны, снова вампиры, движение — жизнь. Почему люди с удовольствием читают эти книги? Потому что они им нравятся, отвечают на волнующие вопросы, утешают, радуют, всё как обычно. Мне кажется, что YA потихоньку занимает место научной фантастики, фантастика появилась и развивалась, как литература молодости, минуло время, фантастика погрузнела и заматерела, и уступает свое место YA.

5. А новых героев нет, как и новых обстоятельств.

Новые герои вполне себе герои старые, несколько изменился интерьер, не более. Равно как и обстоятельства. Развитие микроэлектроники и смещение общения в цифровое пространство не породили никаких принципиально новых отношений. Все стало удобнее и ближе, и только. Качество не поменялось, дружба есть дружба, любовь есть любовь, травля есть травля, набор ситуаций и отношений мало изменился за последнее столетие. Все обстоятельства и герои уже встречались и в литературе, и в жизни. Для появления новых обстоятельств и героев требуется радикальное изменение среды, например, освоение космического пространства, массовое внедрение в жизнь роботов, трансформация экономической и социальной системы. Пока изменения носят косметический характер и настоящего влияния на литературу не оказывают.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

*Светлана Волкова, прозаик, переводчик, сценарист
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

Young adult u New adult последнего десятилетия: тенденции и приметы

Термин *Young Adult* уже давно вошёл в нашу жизнь, его никому не надо объяснять. Я же просто следую подстрочному переводу: юные взрослые. «Подростлые», как их называют. То есть уже не дети, но ещё не взрослые. Четких границ у направления нет, да это и правильно. В 14 уже можно или ещё нельзя? А в 18 будет скучно?

Я против каких-либо жестких возрастных границ, потому что вспоминаю себя в детстве: к 15 годам перечитала всю французскую и английскую классику, которую нашла в районной и домашней библиотеке, а что касается русской литературы — из всех домашних книжных шкафов — то большинство книг я перечитала уже к 14 годам. Сейчас перечитываю и нахожу много нового. Но опыт подросткового прочтения, конечно, остался со мной навсегда.

Современный *Young Adult* пестрит жанровым разнообразием, он гибок и реагирует на все культурные изменения общества. Из наиболее популярных гипер-тем — конечно же, небываемый роман-взросление. Здесь всё: психологическая травма, предательство, депрессия, принятие себя, своей этнической и гендерной идентичности, преодоление всего-всего-всего для того, чтобы получить любовь — мальчика/девочки — родителей — класса — артиста или кумира. И мы можем найти это «взросление» во всех жанрах: от вампирской саги и магического реализма до современной прозы, где история о подростках всегда остра и содержит социальный конфликт.

Из тем, которые популярны в *Yang Adult*, я могу отметить такие:

- различные школы магии;
- ученики чародеев, «посвящённые» и избранные;
- случайно найденные магические артефакты, карты;
- вампиры и нелюди среди нас;
- попаданцы и временные дыры;
- антиутопии;
- хоррор;
- триллеры;
- любовь и ревность;
- достижение заветной цели (победить в соревновании);
- спортсмены и болельщицы (артист и поклонница);
- общее дело, на фоне которого развивается любовь (например, волонтерское движение);
- приключения и форс-мажоры во время путешествий, походов;
- история Золушки (вечная тема);
- и снова магия, ведьмы и фэнтези всех направлений.

По неким данным интернет-опроса романы *Yang Adult* в последние годы

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

с удовольствием читают и взрослые: это желание убежать в свою юность, понастальгировать, заново пережить яркие эмоции, возможно — понять своих детей-подростков, но самое главное — получить удовольствие от легкого быстрого чтения. Там есть миры, но нет тяжеловесной зауми. Там чётки конфликты и понятна мораль — без особо навязчивого «моралитэ». Там рассказанная история трогает людей всех возрастов, а останется ли приятное послевкусие от книги — вопрос таланта автора.

В последнее десятилетие издатели также выделяют направление New Adult. Это такие уже не «юные», а «новые» взрослые, т.е. книги, рассчитанные на молодых людей 17–20+ лет. Но, опять же, возрастные границы размыты. Чаще всего это романы, где герои как раз ровесники читателям — это поздние teens плюс лет пять—семь. В 17 лет читать про 15-летних уже неинтересно, нужен герой постарше: проблемы понятны и близки. Здесь тоже «взросление» и поиск себя, но уже на другом уровне. Повторное взросление через особый пережитый опыт. В Young Adult — Я ВЗРОСЛЫЙ, я сам могу решать и отвечать за свои поступки. В New Adult — Я СИЛЬНЫЙ, и моя точка опоры, прежде всего, в себе самом. В европейских и американских переводных романах часто есть умеренный уклон в феминизм, что и неплохо, потому что девушкам-читательницам отзеркаливается то, с чем они встречаются в жизни и на что ищут ответы: можно ли полюбить абьюзера, надо ли прощать, если тебя обесценили как личность, как перешагнуть через предательство, как принять то, что раньше не мог. И опять же, вездесущий вопрос детской травмы и собственных границ. Литературоведы даже выделяют в отдельное направление романы, где есть такая травма: когда-то ребёнок чувствовал себя нелюбимым или у него была нарциссическая мать, и детский опыт непременно влияет на то, что происходит с человеком, спустя годы.

В New Adult уже не первая любовь и первый секс, а новое чувство после пережитых отношений. Родители чаще живут отдельно, и отношениям с ними авторы не уделяют особого времени — разумеется, за исключением случаев, когда такие отношения двигают романную историю.

Но вернёмся к жанровым тенденциям. Здесь я бы объединила Young Adult и New Adult.

Из издательств и импринтов, которые специализируются на этих направлениях, могу выделить «Черным-бело», «Полынь», Nosugar, «Маршмеллоу», «Окно», «Маракуйя», «Мейнстрим», «Миф», «Питер фэнтези».

Из российских авторов-лидеров направлений Young Adult — Лия Арден, Ася Лавринович, Софи Анри («Принц Ардена»), Анна Джейн, Оксана Заугольная, Лена Сокол, Дарья Кандалинцева.

Из направления «реализм» и «современная проза» в New Adult хочу так же отметить роман «Там темно» Марии Лебедевой, «Раньше девочки носили платья в горошек» Кати Майоровой, «Если я буду нужен» Елены Шумары и «48 минут. Осколки» Виктории Побединской. И, пользуясь тем, что я автор этой статьи, напомним о своём New Adult романе с элементами триллера — «Соавторы».

А если бы мы говорили о тенденциях ближайших пяти-десяти лет, я бы ещё отметила и новый расцвет тем, где, помимо романтической любви, есть непременно любовь к себе, опора в себе самом и здоровый эгоизм — и в фэнтези, и в современной прозе. Но — время покажет.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

*Дмитрий Гасин, поэт, литературный обозреватель, блогер
(г. Москва, Россия)*

«Сотни талантливых произведений, авторы, на глазах ставшие современными классиками»

1. Самым ярким событием в литературе для детей и юношества на постсоветском пространстве является творчество дуэта Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак. Эти русскоязычные писатели из республики Беларусь в течение почти двадцати лет совместного творчества завоевали практически все значимые награды, присуждаемые за книги для детей на русском языке («Алиса», «Алые паруса», «Заветная мечта», «Книгуру», имени Владислава Крапивина, имени Сергея Михалкова, «Ясная Поляна», «Размышления о Маленьком Принце» и др.). Очень часто книги Жвалевского и Пастернак выбирают сами читатели при различных читательских голосованиях, например: «Книга года» Московской библиотеки имени Гайдара, «Нравится детям» Ленинградской и Белгородской областей, «Старт Ап», «Книга года: выбирают дети» («Russian Children's Choices»). Их читают даже самые «нечитающие» дети, и, добавлю, — даже самые «тяжелые на подъем» родители.

2. В самом конце двадцатого и в первых полутора десятилетиях двадцать первого века русская детская литература пережила настоящий ренессанс, сравнимый по значимости, например, с Серебряным веком русской поэзии. Это явление отвечало — по крайней мере, десять лет назад — мировым тенденциям (сейчас сложно об этом судить по внелитературным причинам). Десятки шедевров, сотни талантливых произведений, новые имена, издатели и авторы, на глазах ставшие современными классиками. Для этого есть как внелитературные, так и находящиеся внутри литературного процесса причины. Подросткам 13—15 лет в книгах современных писателей, на мой взгляд, прежде всего интересны: честный взгляд на мир взрослых и «болевы точки» общества, ответы на мучительные вопросы взросления, возможность вырваться из рутины «здесь и сейчас», возможность запустить на полную мощность фантазию без опоры на готовые изображения визуальных видов искусств.

3. Многолетняя терминологическая путаница приводит к тому, что жанрами стали называть тематические и стилистические «наджанровые образования» (вестерн, фэнтези — это не жанры, а повесть, роман — жанры). На наших глазах это превратилось в норму массового сознания. В детской же и подростковой литературе самое интересное, на мой взгляд, происходит на стыках не жанров, а видов искусств: компьютерных игр, комиксов (да, это отдельный вид визуально-текстового искусства), анимации, субкультуры интернет-общения и различных типов контента.

В целом, в текстах, сравнительно с советской детской литературой, наблюдается (от внешнего — к глубинному):

1) появления множества примет и реалий наших дней (технологии, средства связи, быт);

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

2) расширение географии места действия произведений (в советское время выдуманные локации можно было пересчитать по пальцам — «Гринландия», «Швамброния», Мир Кристалла. Сейчас — это огромная мультивселенная. В советское время подросток и молодой читатель реалистичнее представлял себе полет на Марс и Венеру, чем поездку в Лондон и Париж. Сейчас акценты сместились);

3) сокращение текста за счет описаний (портретов, пейзажей, интерьеров), возрастание значения иллюстраций в детской книге (совершенствование полиграфических технологий);

4) ускорение темпоритма текста;

5) снижение идеологической и нравоучительной нагрузки текста;

6) появление в сюжетах маргинальных и запретных ранее тем (примеры для детской литературы — финансовая грамотность и карьера, примеры для подростковой — семейное насилие, секс, стрессы взросления);

7) изменения образов взрослых и родителей: от безупречности, надежности, преувеличенной положительности — к психологической достоверности, сложности и тревожности;

8) смещение субъектно-объектных отношений в системе персонажей (ранее, почти всегда, — герой-ребенок — объект педагогического воздействия, взрослый персонаж — активный субъект этих отношений. Когда это нарушалось, отчетливо создавался юмористический эффект (например, «Непослушная мама» Алана Милна в переводе Маршака);

9) размывание стилистических и сюжетно-тематических рамок и границ, появление большего количества произведений универсальной или неопределенной возрастной адресации.

4. У писателей, прежде всего, — стремлением честно и художественно верно отразить сложную, противоречивую и трагическую реальность нашего времени и её героев; без оглядки и опоры — на государственную идеологию, на ощущение надёжности и ясности будущего, на неприкасаемую систему ценностей. Стремлением открыто и успешно говорить с аудиторией «молодых взрослых». У читателей — тех самых «молодых взрослых» — всплеск интереса к литературе Young Adult объясняется извечным поиском ответов на мучительные вопросы бытия и взросления (детские уже не годятся, «взрослая классика» — «не о том»). А также — компенсацией «поражения в правах» этой категории населения (в возрасте от 14—15 лет до 18—21 года ситуация такова: человек быстро созревает, ему уже осознанно многого хочется: личного пространства, запретных удовольствий, секса, семьи, карьеры и уважения, а всё это либо прямо запрещено, либо резко не одобряется старшими, либо не удается завоевать). Литература Young Adult позволяет увидеть, что молодые люди не одиноки в своих проблемах, и ситуации, подобные описанным, разрешаются благополучно.

5. Новые герои в новых обстоятельствах, как мне кажется, ведут себя так же, как и раньше — человечество меняется в лучшую сторону очень медленно. Всё зависит от таланта автора и от того, насколько он хорошо знаком с сокровищницей советской детской литературы — оттуда ещё черпать и черпать материалы для подражания, полемики, отталкивания и роста.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Нина Дашевская, прозаик, музыкант (г. Москва, Россия)

«Интересно конструирование других миров»

1. Новые писательские имена: Юлия Кузнецова, Дарья Варденбург, Мария Ботева, Ася Кравченко, Шамиль Идиатуллин, Алексей Олейников, Лариса Романовская, Эдуард Веркин, Александра Зайцева, Ева Немеш.

2. Подросткам интересно то же, что и раньше: темы отношений со взрослыми и с ровесниками, самоопределение, взросление, любовь и дружба; интересно конструирование других миров, антиутопий. Как побег от реальности — и как метафора нынешней жизни.

Новые темы:

— феминизм, вернее — право быть самим собой вне конструкторов, навязанных обществом (больше феминизм, но и мальчик, не отвечающий классическим запросам маскулинности — вполне частый герой);

— экология (очень важно), забота о животных, новая школа, отношения с цифровыми технологиями;

— переезд, начало новой жизни.

Важная тема — региональная литература, герой не из столицы и не из деревни, а из региона нашей страны со своей яркой спецификой.

3. Традиции сохранились, но важен новый интерес к короткой форме (рассказам), к ритмизированной прозе (между стихами и прозой), к графическим романам.

Рассказы о животных — важен новый взгляд, тут назову отдельно Еву Немеш.

4. Изменение самих возрастов: появляются молодые люди, вполне самостоятельные, зарабатывающие, но еще не считающие необходимым определиться с работой и семьей. «Новые подростки» — 18—30 лет, интересный и мало описанный возраст.

Так же — люди взрослеют, начинают работать и берут на себя ответственность, однако не отказываются от детских практик: развлечений, подростковой культуры, спорта.

Так же взрослые люди сохраняют (или открывают для себя заново) интерес к своим детям с точки зрения не родителя, а именно друга, старшего брата/сестры.

Большая часть читателей подростковой литературы — взрослые люди.

5. Новые обстоятельства: новая школа (частная, онлайн, семейная); новые работы родителей (не с 8 до 18, а иначе, и часто — дома), миграция (в обе стороны — и «я чужой», и «рядом — чужие»), цифровая жизнь — новой не назовешь, но описана пока недостаточно.

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

Юлия Кузнецова, прозаик (г. Москва, Россия)

«Мне нравятся хорошие герои»

1. Книжки-события на уровне читательского сообщества: Тамара Михеева «Лёгкие горы», Юлия Иванова «Чароводье», Дмитрий Емец «Мефодий Буслаев», Ольга Громова «Сахарный ребёнок», Виктория Ледерман «Календарь Майя».

Книжки-события на личном уровне: Наталья Вишнякова «Виолетта Фиолетовна», Юлия Мазурова «Особый случай».

Новые имена: Тамара Михеева, Нина Дашевская, Анна Ремез, Алексей Олейников, Михаил Лукашевич, Наталия Волкова, Станислав Востоков, Наталия Евдокимова, Анастасия Орлова, Зуля Стадник, Алёна Кашура, Марина Тараненко, Виктория Ледерман, Елена Борода.

2. Подросткам интересна искренняя, честная, доверительная интонация. Возможность найти в книгах отражение их бед и переживаний, проговорить их в разговоре с писателем, сделать важные внутренние открытия.

Подростки ценят и приметы времени: в современных текстах упоминаются соцсети, мобильные телефоны, и, что важно, герои-дети по ним не созваниваются, а переписываются.

Однако проблематика, конечно, вечная: первая любовь, первая работа, предательство, дружба, недовольство внешностью, поиски себя.

3. Меня радует продолжение традиций школьного рассказа. В моём детстве это были рассказы Николая Носова и Виктора Драгунского. В наше время их традиции продолжают Елена Ракитина («Большое путешествие домой») и Виктория Ледерман (рассказы о Диме Василькине). Тема получает развитие и в юмористических рассказах: в издательстве «Аквилегия-М» выходят целые сборники смешных рассказов для детей («Школьные прикольные истории» и др.), а также, наоборот, звучат рассказы задумчивые, призывающие поразмышлять, погрузиться, подумать о серьёзности жизни (это сборники издательства «Волчок»).

Школьная повесть по-прежнему очень популярна, хотя сейчас и добавлены современные реалии: дети-герои ведут блоги, а травля и буллинг перешли из классов в киберпространство, однако герои по-прежнему успешно справляются с этими проблемами с помощью взрослых.

4. Литература для «молодых взрослых» популярна, потому что часто включает в себя ощущение внутренней свободы и рефлексии. Например, был расцвет автофикшна — литературы, где герой погружается во внутренние переживания и исследует их. Думаю, из этой литературы вырастает современная взрослая литература, которую я очень люблю читать (книги Екатерины Манойло, Евгении Некрасовой, Веры Богдановой, Ислама Ханипаева). Там по-прежнему много рефлексии и переживаний, но уже о взрослой жизни. А янг эдалт — это возможность для взрослого ещё немного задержаться в состоянии старшего подростка, ощутить и свободу

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

(весь мир перед тобой), и скованность (весь мир перед тобой, но уже маячит взрослая ответственность за поступки, и ты начинаешь думать-думать-думать).

5. Мне нравятся добрые герои. Например, добрый педагог Виолетта Фиолетовна у Натальи Вишняковой, которая помогает мальчику с дислексией. Или Инга, которая становится другом Игорю в книге Юлии Мазуровой «Особый случай». Я думаю, какими бы ни были новые обстоятельства, доброта и поддержка помогут всегда.

Владимир Лидский, прозаик (г. Бишкек, Республика Кыргызстан)

Возвращаясь к традиции

С середины 90-х и по рубеж 2000-х позиции детской литературы в нашей стране были существенно поколеблены, если не сказать — сданы. Советская детская литература при всей своей отягощённости идеологией на протяжении десятилетий оставалась по преимуществу очень позитивной и даже вдохновляющей. Классические детские произведения советских авторов до сих пор востребованы, поэтому их и в новейшее время переиздают, причём неплохими тиражами. С падением Советского Союза изменилась не только идеология, но и общественные настроения, — ценности недавнего прошлого, такие как патриотизм, альтруизм, эмпатия, сочувствие, взаимопомощь и поддержка, коллективное творчество и труд (как раз то, о чём писали и говорили советские писатели), отодвинулись на задний план, а вперёд вышли деньги и лидерство любой ценой и даже такой ценой, которая всегда осуждалась общественной моралью советского общества. В детской литературе того времени ощущались растерянность, уныние и пессимизм.

Характерным примером тектонических изменений того периода стал замечательный роман Мариам Петросян «Дом, в котором...». Книга писалась несколько лет, начиная с 1991 года, а опубликована была в 2009. Удивительным образом роман Петросян перекликается с книгой Рубена Гальего «Белое на чёрном», как тематически, так и в плане настроения и ощущений. Правда, у Гальего описываются вполне конкретные советские детские дома для инвалидов, а у Петросян подростковый инвалидный дом имеет некие фантастические очертания, — потому, прежде всего, что авторы демонстрируют различные подходы к жанру. У Гальего это докудрама, а у Петросян скорее магический реализм.

Эти книги разительно отличаются от тех светлых и оптимистичных текстов, которыми всегда славилась детская и подростковая советская литература. Вспомним Гайдара с его рассказами и повестями, которые хоть и кажутся нынче наивными и дидактичными, а всё же ведут даже и современного подростка к неким идеалам. Вспомним Рувима Фраермана с его «Дикой собакой динго», замечательной романтической повестью о первой любви, адресованной девочкам-подросткам. Вспомним Вениамина Каверина с его «Двумя капитанами» или Анатолия Рыбакова

1. *Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.*

2. *Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?*

с «Кортиком» и «Бронзовой птицей» — романтико-приключенческими книгами о дружбе, преданности, верности своему долгу.

Советская детская книга давала своему читателю идеальный, а порой идеализированный образ современника, такой, например, как тот же Тимур из гайдаровской повести «Тимур и его команда» или как юный герой рассказа Л.Пантелеева «Честное слово». И даже такие «несерьёзные», казалось бы, тексты, как, скажем, «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина или трилогия Николая Носова о Незнайке в несколько карнавальной, игровой форме транслировали детской аудитории особенные понятия о чести, достоинстве и нравственности. А уж совсем серьёзные книги показывали юному читателю высшие образцы советской (и, я бы сказал, общечеловеческой) морали.

Я помню, какие сильные чувства испытал, когда в пятом классе учитель литературы прочёл нам, своим ученикам, на уроке внеклассного чтения рассказ Андрея Платонова «Корова». Этот рассказ значил для меня в то время гораздо больше, чем дежурные рассуждения о патриотизме, Родине, всеобщем братстве, он потрясал своим драматизмом, своей частной, но одновременно общей трагедией. Тогда я не понимал, да и не мог понять, а лишь чувствовал, что это именно трагедийный рассказ, что это текст о противоборстве человека с небытием, об отрицании смерти, как высшей несправедливости. И ведь Платонов совсем не детский писатель, а как точно высказал всё, что могло быть созвучным сердцу ребёнка.

Советская литература для детей всегда стремилась показать *как надо*, всегда указывала на торжество добра, всегда пыталась привить молодому человеку навыки милосердия и сострадания, — именно те навыки, о которых писали русские классики-гуманисты XIX века, — Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов, многие другие. Примером могли служить и сказки Пушкина, и ершовский «Конёк-Горбунок», и «Чёрная курица» Антония Погорельского.

Фундаментом для советских детских писателей (возможно, даже неосознаваемым) всегда были образы героев цикла Николая Лескова «Праведники» — бескорыстных, по выражению Шукшина, *чудиков*, бессребреников, мучеников за человека и веру, народных философов.

XXI век породил жанр фэнтези, который в худших своих проявлениях ничему не учит, уводит от реальности, зачастую превозносит культ силы и денег. И если фэнтезийные книги Александра Волкова, начиная с «Волшебника Изумрудного города», шли в общем фарватере советских ценностей (хотя и являлись своего рода эскапизмом), то современные фэнтези вряд ли дают нынешним юным много работы над собственным духовным миром.

Справедливости ради следует сказать, что первая четверть нынешнего века всё же явила литературе ряд замечательных образцов для детского чтения. И появились отличные авторы книг для детей и юношества, среди которых можно назвать Эдуарда Веркина, Юлию Яковлеву, Артура Гиваргизова, Светлану Волкову, Викторию Лебедеву, ряд других. Это даёт надежду на то, что традиции советской детской литературы не пропадут всеу, а будут продолжены и приумножены.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Анна Маркина, прозаик, поэт, переводчик (г. Москва, Россия)

«Книги, которые остаются с нами надолго»

Увы, большинство из тех книг, которые становились в ряд обязательного чтения подростка в советское время или даже ещё в 90-е — начале 2000-х, для основной массы сегодняшних юных читателей перестали представлять интерес. Переводная приключенческая литература выглядит слишком неторопливой и далекой от современных реалий: кому нужен Джек Лондон, Жюль Верн или Роберт Стивенсон, когда умело написанные фэнтези-вселенные почкуются как на дрожжах? Кто теперь будет следить за тем, как одинокий англичанин из XVII века 28 лет слоняется по необитаемому острову? Вокруг нас в литературном поле повсюду драконы, вампиры, мары и мороки, напряженные отношения героев, анализ травматического семейного опыта, сценарная организация сюжетов и — как вишенка на торте — открытое обсуждение сексуальности, постельные сцены или, по крайней мере, эмоционально насыщенные сцены, если мы говорим про 12+. Какая девчонка сегодня будет читать «Энн из зелёных крыш», учитывая, что цикл художественно истощается от части к части, когда есть десятки романов Анны Джейн и Аси Лавринович? Кто доберется до советской фантастики, когда есть умная китайская фантастика, антиутопии, и вообще все обсуждают шесть томов «Благословения небожителей», популярность которых поддерживается роскошным анимационным сериалом?

Интересный факт из биографии Джоан Роулинг: книги о Гарри Поттере в Великобритании после успеха первой части продолжили выходить только летом! К третьей книге издательство начало опасаться, что большинство детей будут игнорировать школьные занятия, если новый том поступит в продажу в течение учебного года. После такого успеха и мир, и книжная индустрия уже не могли быть прежними. Поиск похожего опыта чтения стал определяющим для целого поколения, и для их детей тоже. На российском рынке в этом направлении одним из самых заметных стал цикл Натальи Щербы «Часодеи» (пожалуй, главная находка издательства «Росмэн» в конкурсе «Новая детская книга») — шеститомник о приключениях Василисы Огневой, девочки, которая открывает в себе способности к управлению «часовой магией». Уютная атмосфера, прописанные, иногда противоречивые персонажи, непростой сюжет, в котором сталкиваются интересы и детей, и взрослых и открываются тайны прошлого, захватил множество подростковых сердечек: совокупный тираж превысил 300 000 экземпляров. Еще один отличный образец большой серии романов о детях-волшебниках — цикл Юлии Ивановой «Чароводье», вышедший в издательстве «Абрикобукс». Юлия Иванова предложила оригинальный мир со своими законами, историей, глобальным конфликтом и даже определенной гражданской сегрегацией. Поскольку волшебство этого мира завязано на особых камнях, чаронитах, которые отличаются по цветам и типу магии, юным читателям оказалось легко присвоить предложенную атрибутику — так и хочется выпросить у родителя цветной камешек и воображать потом себя волшебником из определенного ордена. И хотя «Чароводью»

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

по продажам пока что далеко до тяглого для «Абрикобукса» «Зверского детектива» Анны Старобинец, можно надеяться на будущую экранизацию, работа над которой уже ведется.

Пожалуй, среди среднего школьного возраста массовый запрос на фэнтези-вселенные наиболее ощутим. Но если перейти к янг эдалту и возрасту в 16—20 лет, то лидирует в этой категории старая добрая романтика. Причем по всему миру. В России чаще выбиваются в топы продаж ромкомы и сентиментальные драмы с привязкой к современности. И Анна Джейн — истинная королева девичьих сердец. Жажда любви, первого проживания отношений, утверждения себя во взрослом мире, какой-то человеческой правды и надежды на лучшее — естественны для аудитории. И хотя у писательницы есть несколько отвратительных, на мой и не только вкус, романов-триллеров, а первые десятка полтора ее работ, хотя и обладают многими достоинствами, полны также и недостатков, последние дилогии («Восхитительная ведьма» и «#ЛюбовьНенависть» — представляются мне чуть ли не лучшими образцами жанра). К ним тоже можно предъявить миллион претензий, но они написаны так живо, мило, эмоционально и смешно, как будто в них живет сама душа романтической комедии. И их несомненное достоинство — это нравственная чистота, которую ощущает молодая аудитория. Анна Джейн говорит и про насилие в семье, и про школьный буллинг, и про расовые предрассудки, и про запрет на самоопределение подростков... И хотя почти все ее сюжеты из забавной романтики перерастают в простовато-предсказуемые криминальные драмы, наносная остросюжетность не умаляет главного — умения деликатно прописывать человеческие отношения, которые для молодой девушки могут становиться ориентиром правильного и здорового.

Ну а совмещение фэнтези и романтики — не менее рабочая схема. Именно готовностью читательниц сметать с полок ромфант без разбора можно объяснить, например, успех Лии Арден с ее пока что неумело написанными (и к тому же плоховато отредактированными) книгами. Впрочем, про «Мару и Морока» все понятно: упрощенный сеттинг в духе «Ведьмака», чтоб ничто не перегружало читателя, трогательно простроенное развитие отношений между героями, парочка предсказуемых сюжетных твистов и очень много просмотров в ТикТоке. Нашумевшее «Четвёртое Крыло» Ребекки Ярослав, выпущенное «Кислородом» с большой пиар-поддержкой, устроено куда более профессионально — динамичный сюжет, химия между героями, горячие сцены (иногда смешные, но тут уж как получилось), непредсказуемая судьба персонажей (хотя, по правде, предсказуемая), классные драконы, кирпичики жанровых элементов — вполне в духе бестселлера на Амазоне, а вслед за ним — и у нас.

Реже такое широкое внимание к себе привлекает просто хорошая, внежанровая литература для семейного чтения. Но «Вафельное сердце» Марии Парр (лонгселлер «Самоката»), которого с 2007 года было продано более 120 000 экземпляров, показывает, что запрос на теплую, оригинальную прозу, которую с одинаковой радостью читают и взрослые, и дети и над которой можно как посмеяться, так и проронить скупую слезу, до сих пор актуален. И именно такие книги остаются с нами надолго и становятся новой классикой.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Борис Минаев, прозаик, журналист (г. Москва, Россия)

«Ну вот Грета Тунберг — она ли не литературный герой?..»

1. Мои личные впечатления. Они таковы. Повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» появилась аж в 1996 году, затем было два книжных издания, и лишь когда в начале нулевых она вышла в издательстве «Астрель» (АСТ), ее настиг большой читательский успех. Но всё же это тоже — постсоветское тридцатилетие, и в нем она безусловный лидер по событийности. Читали её, как сейчас говорят, «примерно все». Она совпала с совершенно разными настроениями эпохи: во-первых, в ней впервые так ярко и так полно описана детская травма (хотя к 90-м годам эта травма вообще не имеет никакого отношения, книжку Павел Санаев писал еще студентом ВГИКа, скорее она про советский мир). И вот эта тема травмы, она буквально попала в точку в десятилетие, достаточно травматичное само по себе. Вторая книга — это «чеченские дневники» Полины Жеребцовой. Последнее ее название — «Муравей в стеклянной банке». Там детская травма и детский опыт (и очень сложные отношения с мамой, в чём-то близкие Санаеву) — совпали уже с конкретной трагедией, с конкретной горячей точкой на теле бывшего СССР. По другим причинам стала событием книга Наринэ Абгарян «Манюня»: во-первых, ностальгия о тесном, спящем мире маленького городка, где нет никаких «национальных конфликтов», это не совсем советская ностальгия, скорее именно ностальгия о мире, о мирной жизни. До Карабаха, до Чечни, до всего... Конечно, были и другие страшно популярные книги о подростках, о взрослении, и не просто популярные, а именно талантливые — но, наверное, у меня просто до них, что называется, руки не дошли. А жаль. Наверное, я слишком много пишу и слишком мало читаю. Среди очень ярких авторов, которые уже много лет работают (или работали) на «подростковой ниве», так сказать, с растущими людьми, я бы назвал Ксению Драгунскую, увы, рано от нас ушедшую, Марину Аромштам и авторский тандем Евгения Пастернак и Андрей Жвалевский, вот эти авторы, они явные чемпионы по популярности и известности, но это уже немного другая история.

2. Конфликт. Это прежде всего. Конфликт со всем миром, с родителями, с другими детьми, с буллингом, с травмой и болезнями эпохи, с социальными институтами, модами, с собственным телом и здоровьем, со стереотипами взрослых, с навязанной ими моралью. В этом контексте я бы еще вспомнил книгу ещё одной, рано ушедшей от нас писательницы Марианны Гончаровой — «Тупо в синем и в кедах», о девочке, больной лейкемией. В советское время выход такой книги воспринимался бы как чудо, её бы рубили на всех стадиях издательского процесса, но сейчас — нет. Почему востребована тема конфликта? Была, будет, и востребована сейчас? Это не зависит от времени. Это возраст такой. Не пройдя через все эти конфликты, ты не станешь собой, увы. Мир, не ударивший тебя в лицо, не нанесший тебе этот удар, не станет потом тобой любим. Такая вот диалектика.

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

3. Ну, на мой взгляд, в советской литературе такой традиции как целостного явления не было вообще. При всем уважении к Анатолию Алексину, Владимиру Амлинскому, Владимиру Тендрякову, Юрию Яковлеву, Галине Щербаковой, к гигантским тиражам их книг, — всё же это были отдельные удачи, никак не выстраивающиеся в какую-то реальную «литературу для подростков», имеющую долгую историю и разные авторские ипостаси. В советской журналистике, в драматургии, в кино — эта тема как раз была проявлена довольно мощно: в произведениях Валерия Аграновского, Юрия Щекочихина, Александра Хмелика, Динары Асановой, Сергея Соловьева, Валерия Приемыхова и многих других. А вот книжек (повестей, романов) на все эти темы — именно событийных, мощных, увы, не хватало... Другое дело: жанровая литература для «среднего и старшего школьного возраста». Книжки о животных и о природе. Научная фантастика. Да, они были. Кир Булычёв, например. Это был мощный и страшно популярный автор, все мы знаем его многочисленные экранизации, его героев, его образы. Сейчас вот рядом с ним поставить почти что и некого.

4. Просто-напросто появлением новых авторов, новых тем, и глобально — интересом человечества к своему будущему, к новому поколению. Дети перестают быть собственно детьми, они становятся равноправными участниками исторического процесса. Ну вот Грета Тунберг — она ли не литературный герой? Постепенно за немецкой, французской, скандинавской литературой подтягивается и наша. Ниша еще отнюдь не заполнена.

5. Очень сложно мне привести какие-то примеры. В нашей стране эта литература рождается буквально на глазах. Но при этом нужно помнить, что книжки о подростках, написанные бывшими подростками, — это всё-таки книжки о прошлом, пусть и недавнем. Все знают о том, какой успех имел сериал «Пацаны» (не путать со старым фильмом Динары Асановой), а ведь все эти темы достаточно подробно до сериала разработал Шамиль Идиатуллин в романе «Город Брежнев»: подростки, банды, семейная драма, отношения с родителями, слом эпох. Книжку заметили, включили во всякие премиальные списки, а «выстрелил» сериал, написанный на основе документальной повести, по сути, журналистской работы. Ну или книжка Ларисы Романовской «Слепая курица» — повесть о девочке-подростке, живущей в трудные 90-е: одиночество, комплексы, отношения с мамой, и опять слом эпох — талоны, «почти голод», бедность и прочее. Почему эти темы важны сейчас? Они помогают преодолеть барьер, который раньше, в советское время, был непреодолим: «для детей такое нельзя». Вообще за это тридцатилетие, о котором мы говорим, выплеснулось на страницы книг многое. Очень многое. Выплеснулось то, о чем автор, писавший для детей в конце 80-х, и помыслить бы не мог. Теперь всё это содержание должно обрести какую-то ясную и точную художественную форму.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Саша Николаенко, прозаик (г. Москва, Россия)

Новые герои в новых обстоятельствах

Я когда-то читала, как дети, услышав, что они «гаранты будущего», переименовали «гарантов» в «гранаты». Дети — гранаты будущего? И после нас — хоть потоп? Вот это действительно страшно, потому что после нас — наши дети. Мы все ищем и ищем смысл в жизни, то назовем им саму жизнь, то скажем, что смысла нет. То скажем, Бога нет, и мы не бессмертны, а тем временем наше реальное, самое простое бессмертие — это они, наши дети.

Помню, в школе было ОБЖ и ещё какой-то урок, где мы учились застёгивать противогазы. Всё детство мне над крышей школы мерещились вместо куп деревьев атомные взрывы. Мы шили маски и делали в них прокладки из ваты и угля. Мы учились спасаться и оказывать первую медицинскую помощь. Но мой папа был учёным, физиком-атомщиком, и я знала, что ни противогаз, ни тем паче прокладка из ваты не спасут меня от радиоактивного удара. В тринадцать лет был «образцово-показательный» Чернобыль. Самое жуткое в моих детских впечатлениях об этой трагедии — брошенные собаки, кошки, коровы. Телевизионные кадры эти до сих пор стоят перед глазами. Погибли люди. Множество людей, но люди и создали то, что их погубило. Невыносимо жалко животных. Тех, кого нам доверили, тех, кто доверился нам.

Было страшно. Но страшнее теперь. Тогда было страшно за себя, сейчас страшно за детей.

Вопрос для меня не в том, что сейчас читают наши дети, я это знаю. Они, увы, в большинстве (и, если читают) читают фантастику, фэнтези. Мне кажется, я догадываюсь почему.

Мир, что мы создали для них, им неуютен и страшен. Этот уход в другие миры обоснован, он — их ответ нам, тем, что ни в книгах, ни в жизни так и не вывели до сих пор простейшей формулы мира и его бессмертия: после нас наши дети.

Мой роман «Муравьиный Бог. Реквием» — о ребёнке. Этот роман и есть реквием, реквием «миру», который его погубил. У мира, который погубил ребёнка, — нет будущего. Потому что ребёнок и есть его будущее.

Дети слушают нас, дети верят в наше всезнание и могущество, дети растут похожими на нас.

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

Николай Пономарёв (г. Омск, Россия)

«Глядеть на героя в обстоятельствах будущего мне страшновато»

1. Что касается книг-событий, то в нулевые и десятые годы такие книги всегда возникали, вызывая читательский ажиотаж и множество отзывов. Вначале важными были переводные книги, открывающие темы, никогда или мало затрагиваемые в корпусе советской детской литературы. Они же стали двигателем, который привёл к расцвету отечественную детско-подростковую литературу. Читатель десятых хотел уже прочесть узнаваемое, то, чему он сам мог бы быть свидетелем. Отмечу, к примеру, появление серии школьных повестей Виктории Ледерман, которым, как мне кажется, и сейчас есть изрядное количество подражателей.

После девятнадцатого книга-событие невозможна. К примеру, качественные тексты касающиеся изоляции в условиях эпидемии должны быть достаточно жёсткими, чтобы вызывать эмоции ярче, чем постоянная ситуативная тревога за здоровье своё, родных, знакомых. Но это, по ощущениям, взрослая литература. В настоящее время написать текст, который вызывал бы эмоции сильнее, чем ежедневные сводки новостей, — нереально. Более того, как я вижу вокруг, у читателей есть запрос на лёгкую мелодраматическую литературу, пусть бессобытийную, но такую, чтобы злодей был пустячным, а лучше, если антагониста вообще не будет, а будут мир, дружба и жвачка. Но такой текст не имеет ни малейшего шанса стать событием.

Если заглянуть чуть вперёд, то книгами-событиями вполне могут стать тексты о посттравматических стрессовых расстройствах, причины которых могут быть различными. Вполне вероятно, кто-то уже написал такую повесть в стол. И возможно, ему уже везде отказали. Однажды этот текст найдёт читателей, все станут его хвалить за правдивость и эмоциональность. И это будет нам всем, живущим сегодня, утешением.

2. А вот, кстати, контрвопрос: должен ли писатель интересоваться тем, что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей? Или всё же писать о том, что самого писателя интересует, не обращая внимания на то, о чём пишут другие и что там сейчас в мейнстриме? Нужно ли исходить из своего опыта проживания детства? Исходить из опыта проживания детства своих детей? Из опыта проживания детства детьми соседней игровой площадки? Мне кажется, что это не имеет значения. Если писатель способен написать так, что подросток сможет идентифицировать себя с героями, пусть это ровесник, зверёк-сыщик, динозавр-кусака или скучный дед из научно-фантастической истории, то это успех. В противном случае о тексте забудут завтра, несмотря на усилия в продвижении.

5. В новых обстоятельствах я скептически смотрю на новых героев. Тут и изобретать ничего не надо, я прекрасно помню пласт текстов о пионерах-героях разного уровня посредственности. Всё это вызывает у меня скуку. А глядеть на героя в обстоятельствах будущего мне страшновато.

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

*Валерия Пустовая, прозаик, литературный критик
(г. Москва, Россия)*

«Зеркало, пошедшее трещинами от столкновения со злом большого мира»

Герой-ребенок, герой-подросток сейчас в центре внимания взрослой литературы, и роль такого героя углубляется. Можно наблюдать наложение трёх функций героя-ребенка: от той, что кажется более традиционной, ожидаемой, — до той, что кажется знаком времени. Интересно следить за углублением роли героя-ребенка, героя-подростка именно во взрослой литературе — или в той, которую можно отнести к литературе янг эдалт. Потому что в условиях такой литературы героя не получится закупорить в мире детства, в круге проблем сверстников. Возрастные приметы героя в таком контексте отступят на поля, герой, возможно, потеряет в выпуклости, выступит за рамки портрета. И станет частью панорамы общечеловеческой. И вот три функции героя-ребенка, героя-подростка, на мой взгляд, раскрывают три уровня представления такого, общечеловеческого, смысла.

На первом уровне герой-ребенок, герой-подросток достаточно традиционно используется для морального самораскрытия героев-взрослых и этического суда над миром, ими построенным.

Идеальным примером такого сюжета кажется повесть «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко — повесть была впервые опубликована в журнале «Октябрь» в 2016 году, в том же году выиграла премию «Ясная Поляна», а в этом году вышла книгой в издательстве «МИФ». В ней показано, как большая семья заботится о мальчике с особенностями здоровья, — и постепенно проступает парадоксальное откровение о том, что, хотя герой — объект забот и может восприниматься как крест или обуза семьи, именно на нем лежит миссия оправдания, единения, наполнения любовью и смыслом их совместного существования. Без него в жизни самостоятельных и здоровых взрослых всё сыплется, — потому что пересыхает в их жизни источник добра. Герой-ребёнок, даже возрастая, принадлежит в этой повести идеальному, чистому миру, где всё делается по правде, по закону сердца — но мир этот сметён реалиями и отношениями постсоветского общества.

Подобна же роль героя-подростка с особенностями развития из дебютного романа Ярослава Жаворонкова «Неудобные люди», тоже вышедшего в этом году, в «Эксмо». Это настоящий социально-критический реализм — и в нём уязвимый, чистый образ героя-подростка служит раскрытию несправедливостей, коварства, самообмана, мести, рваческой соревновательности в жизни современного общества.

В таких произведениях герой-ребёнок выступает носителем общечеловеческих ценностей — настолько абсолютных, что их крайне трудно сопрягать с реальной жизнью, бытовым и социальным выживанием. Герой-ребёнок, однако, напоминает о том, что без стремления к этому абсолюту невозможны любовь, душевный покой,

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

счастье — ценности опять же слишком большие, абсолютные, чтобы люди постоянно помнили о них как о задачах жизни.

Второй уровень показывает нам героя-ребёнка жертвой мира — не обязательно в самом трагическом смысле, но точно в смысле ролевом: герой-жертва становится таким, каким его сделал мир, этой герой в обстоятельствах, которые сильнее его, — потому что автору тут важно отразить в малом герое искажения большого мира.

Тут прежде всего вспоминаются героини Евгении Некрасовой, которая умеет нарисовать лицо современности при помощи традиционно-сказочных мотивов. Герой-ребёнок — один из традиционных персонажей сказки, где его запутывают, водят за нос, испытывают, грозятся съесть. В дебютной сказочной повести «Калечина-Малечина», в рассказах «Маковые братья» из книги «Сестромам», «Дверь» из книги «Домовая любовь», «Мелузина и её друзья» из книги «Золотинка» Евгения Некрасова (книги изданы в «Редакции Елены Шубиной») силами сказки не позволяет совершиться рутинному злодейству: ритуальному пожиранию ребёнка пещерным обществом взрослых, которых, кстати, в этом мире и нет — и дети зовутся «невыросшими» потому, что от «выросших» их отличает только, до поры, уязвимая, зависимая социальная позиция. Принципиально отсутствие этой границы между взрослыми и детьми: взрослые не мудрее и не сильнее детей — подобно тому, как дети не чище, не правдивее взрослых. Так, если вчитаться, у сказки «Калечина-Малечина» с моральной точки зрения довольно пессимистичный конец. Героине-подростку удалось отстоять себя — но ценой существования магической подруги и вне связи с утверждением ценностей, альтернативных миру, в который она вот-вот, дорастая, вступит. Нет никаких оснований считать, что героиня этой истории не повторит во взрослой жизни ошибок тех, кто ее не понимал и мучил.

И в таком случае герой-ребёнок воплощает общечеловеческую слабость, — становясь для взрослых персонажей и читателей не источником суда, а зеркалом, с которым они вольны поступить как угодно. Можно присоединиться к герою, разделив его позицию жертвы, зависимой от предложенных обстоятельств. А можно захотеть занять, наконец, позицию не «выросшего», но действительно больше узнавшего и понимающего, того, кто сможет что-то изменить, не дожидаясь помощи сказки.

В принципе роль жертвы, как и роль ангела, наиболее традиционны для образа ребёнка во взрослой литературе. Помимо сказок Евгении Некрасовой, сразу приходят на ум и проза Александры Николаенко, и фэнтези Анны Старобинец и Саши Степановой, и герои реалистичной прозы Эдуарда Веркина, и фантастические «Кадавры» Алексея Поляринова — во всех этих и многих других книгах дети безусловные «жертвы пороков взрослых», зеркало, пошедшее трещинами от столкновения со злом большого мира.

Интересно посмотреть, как развивается образ героя-подростка в жанре фэнтези. Меня поразили два цикла романов, авторам которых удалось создать объёмный самобытный мир со своими законами равновесия и богатой системой образов: «Чароводье» Юлии Ивановой и «Семь прях» Тамары Михеевой (издательство «Абрикобукс»). Оба цикла строятся вокруг героинь подросткового возраста, подвергающих сомнению самые основы их волшебных, но оттого ничуть не более справедливых миров. Заметно наложение двух ролевых моделей героя-ребенка. Девочки-«чары» Ивановой и девочки-«пряхи» Михеевой выглядят более чистыми

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

и правдивыми, чем взрослые, которые пытаются обучить их правилам устойчивости мира. То есть они безусловно судят мир, в который родились. И — угрожают его устойчивости. В столкновении с порядком вещей такие героини обращаются в жертв мира: их судьба, облик, отношения, ценности искажаются под влиянием сил и законов, которые девочкам по одиночке не преодолеть. «Чароводье» и «Семь прях» показывают нам героинь-подростков в столкновении со злом, космически им несоразмерном. Это вполне традиционно для фэнтези. Но остро современно то, как связывают авторы космический образ зла с социальной тревогой: вопросами экологии, насилия, национального самосознания, границ частной жизни.

По законам фэнтези героиням дано менять порядки общества и само мироустройство — и в каждом из циклов принципиальна именно подростковая энергия героинь. Их вопросы к миру начинаются с узнаваемого возрастного бунта. Девочкам просто тесно в предложенных рамках. В поисках себя они не замечают, как расшатывают самые основы мира, — и, когда приходит это осознание, наступает самый важный момент выбора: на что героиня готова будет пойти, чтобы исправить мир взрослых, — или чтобы укрепить его прежние основания.

Можно вспомнить и цикл «Ленинградские сказки» Юлии Яковлевой («Самокат»), где героини-дети, вырастая в героев-подростков, попадают в магическую изнанку истории и открывают для себя психологическую и социальную подоплеку большой советской эпохи. Они смотрят на время с высоты абсолютных ценностей и в то же время вынужденно подчиняются ему: это мрачная сказка, где магия часто — против героев-детей, на стороне страшной истории.

Легко заметить, что оба уровня показывают героя-ребёнка этически окрашенно. Третий уровень мне кажется довольно свежим явлением именно потому, что снимает эту неприменную моралистичную заряженность героя-ребенка. И тогда герой-ребёнок предстает не источником суда над миром взрослых — и не отражением его упущений и пороков. Не олицетворением общечеловеческих ценностей — и не плодом отступления от них. А — общечеловеком как таковым. То есть личностью без выраженных этических, социальных, поколенческих и прочих примет. Голосом самой человечности — частной и честной ввиду этой ограниченности частного взгляда. Такой герой метафорически воплощает человека-вообще: да, он не ангел и не носитель абсолютных правды и добра, и да, он не может переменить основы мира, как в фэнтези, и единственная его цель — продолжить быть в этом мире, не поступаясь собой, не позволяя принести себя в жертву.

Интересно, что герой-подросток такого типа проявляется в произведениях, сюжетно наиболее приближенных к горячей современности. Это такие романы, как «Сиди и смотри» Андрея Бульбенко и Марты Кайдановской и «Как слышно» Артёма Роганова (обе книги вышли в издательстве литературы для детей «Самокат»), а также «Дети в гараже моего папы» Анастасии Максимовой («Альпина. Проза»).

Видимо, тут сказывается и отсутствие дистанции, с которой возможно было бы произвести над временем этическое разбирательство. Герой и автор смотрят на реальность из окна проносающегося времени, им некуда выступить из этого потока. Такой герой словно не успевает противопоставить времени что-то внятное: ни абсолютное, ни личное. Всё, что он может, — это проявить свою отдельность, свою частность: он малый человек, он отдельная личность в большом, несущем его куда-то времени, и он может только настоять на этой вот отдельности, на том, чтобы попробовать что-то определить, решить, выбрать для себя самостоятельно.

В принципе можно причислить к этому ряду и альтернативную историю с элементами антиутопии — «Камни поют» Александры Шалашовой (тоже «Альпина. Проза»). В центре его — взрослый человек, не переставший ощущать себя

брошенным ребенком, подростком, которого предал обожаемый учитель. Это образ максимально открытый для присоединения: таким навсегда невыросшим взрослым, не умеющим переступить через детский дефицит привязанности, может почувствовать себя в иной момент жизни каждый человек.

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА

Абдуллаев Евгений Викторович (псевдоним — *Сухбат Афлатуни*) — поэт, прозаик, переводчик, критик. Родился в 1971 году в Ташкенте. Окончил философский факультет Ташкентского университета; кандидат философских наук. Главный редактор духовного, литературно-исторического журнала «Восток Свыше». Автор нескольких книг стихов и прозы. Дважды лауреат «Русской Премии» (2005, 2011), лауреат молодежной премии «Триумф» (2006) и многих других. Лауреат журнала «Дружба народов». Живёт в Ташкенте.

Веркин Эдуард Николаевич (псевдоним — *Макс Острогин*) — детский писатель, фантаст. Родился в 1975 году в Воркуте. В 1993 году поступил на исторический факультет Сыктывкарского государственного университета, затем параллельно на юридический факультет. После окончания университета в 1998—1999 годах работал преподавателем обществоведения. Автор многочисленных романов для детей и подростков: «Место снов», «Кошки ходят поперёк», «Мертвец» и др., а также книг для взрослых «Остров Сахалин» (2018) и «Снарк, снарк» (2022). Обладатель многочисленных литературных премий: «Заветная мечта», «Книгуру», «Новые горизонты», имени В.Крапивина, имени Бажова и др. Живёт в Иваново.

Волкова Светлана Васильевна — прозаик, переводчик, сценарист. Родилась в Ленинграде. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Печаталась в журналах «Нева», «Октябрь» и др. Автор книг «Подсказок больше нет» (АСТ, 2015; премия «Рукопись года» на X Международном книжном салоне в Санкт-Петербурге), «Голова рукотворная», «В Петропавловске-Камчатском полночь», «Убегучая девочка». Лауреат литературной премии им. Александра Kupрина (2013, 2017), премии им. Гоголя (2016), пяти премий «Русский Гофман» и др. «Проза». Постоянный автор «ДН». Живёт в Санкт-Петербурге.

Гасин Дмитрий — поэт, книжный обозреватель, автор видеоблога www.youtube.com/user/gasindm. Родился в 1978 году в Вологде. Учился в Вологодском государственном педагогическом университете, окончил Литературный институт имени А.М.Горького. Работает в издательстве «Время». Публиковался в журналах «Арион», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Литературная учёба» и др. Автор двух поэтических сборников. Живёт в Москве.

Дашевская Нина Сергеевна — музыкант и писатель. Родилась в 1979 году в г. Калинин. После окончания Московской государственной консерватории работала в Государственном камерном оркестре России (скрипачка). Автор более полутора десятков книг для детей и подростков. Лауреат премии им. В.Крапивина и премии им. С.Я.Маршака «Книгуру». В 2016 и 2017 годах была номинирована на международную премию памяти Астрид Линдгрэн, а книга «Я не тормоз» вошла в международный каталог мюнхенской библиотеки The White Ravens. Живёт в Москве.

Кузнецова Юлия Никитична — писательница, переводчик, редактор интернет-журнала «Жёлтая гусеница», автор журнала о детской литературе «Переплёт». Родилась в 1981 году в Москве. Автор многочисленных рассказов, повестей и романов для детей, подростков и взрослых. Лауреат премий: «Заветная мечта» (2009); им. В.П.Крапивина (2011); премии «Книгуру» (2012—2013) и др. Живёт в Москве.

Кутейникова Наталья Евгеньевна — педагог, методист. Родилась в 1961 году в Москве. Окончила МГПИ им. В.И.Ленина (1986). Кандидат педагогических наук (1992), доцент, член-корр. МАНПО, педагог-организатор ГБОУ г. Москвы «Школа им. В.В.Маяковского». Автор пособий и более 250 статей по методике преподавания литературы (в том числе

о современной). Автор идеи, концепции, программы и учебников УМК «Литературное чтение на родном (русском) языке. 1—4 классы» (в соавторстве; изд-во «Русское слово», с 2022-го по настоящее время). Живёт в Москве.

Лидский Владимир (Михайлов Владимир Леонидович) — поэт, прозаик, драматург, историк кино. Родился в 1957 году в Москве. Окончил сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», сборников стихов «Семицветье» и «По ту сторону зеркала», нескольких киноведческих книг. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый журнал» и др. Член Союза кинематографистов Кыргызской Республики. Лауреат Русской премии (2014, 2016), премии М.Алданова (2014, 2015), премий журналов «Дружба народов», «Знамя» и многих других. Постоянный автор «ДН». Живёт в Бишкеке.

Маркина Анна Игоревна — поэт, прозаик, переводчик. Родилась в 1989 году в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького. Автор книг стихов «Слон» (2014), «Кисточка из пони» (2016), «Осветление» (2021), «Мышеловка» (2021) и повести для детей «Сиррекот, или Зефирова Гора» (2019). Лауреат премии «Восхождение» Русского ПЕН-центра в номинации «Детская литература» (2021). Автор романа «Куколья» (2024). Лауреат премии журнала «Дружба народов» и премии АСПИР (2024). Живёт в Люберцах Московской обл.

Минаев Борис Дорианович — писатель, журналист, колумнист. Родился в 1959 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. Работал в газете «Комсомольская правда», журналах «Огонёк», Story, «Медведь». Автор книг «Детство Лёвы» (премия «Заветная мечта», 2006), «Языки», «Навигатор», «Гений дзю-до» (2006), «Друг по переписке», «Ельцин», «Мягкая ткань. Батист», «Мягкая ткань. Сукно». Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат журнала «Дружба народов». Живёт в Москве.

Саша Николаенко (Николаенко Александра Вадимовна) — писатель и художник. Родилась в Москве в 1976 году. Окончила Московский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г.Строганова. Член Московского союза художников. Печаталась в журналах «Знамя», «Урал», «Новый мир» и других. Автор ряда книг, в том числе «Убить Бобрыкина: история одного убийства» (2018), «Небесный почтальон Федя Булкин» (2019), «Жили люди как всегда» (2021), «Муравьиный бог: реквием» (2022). Лауреат литературных премий «Русский Букер» (2017), «Ясная Поляна» (2023) и других. Живёт в Москве.

Пономарёв Николай Анатольевич — писатель и педагог-психолог. Родился в 1976 году в с. Крупском Омской области. Окончил Омский педагогический университет. Работает в одно из адаптивных школ в Омске. Автор книг «Фото на развалинах» (2009, премия им. С.Михалкова), «Боишься ли ты темноты?» (2010), «Просто жизни!» (2014), «Город без войны» (2019), «Сказки страны Чумр» (2021) — все в соавторстве со Светланой Пономарёвой, «Точка бифуркации» (2019), «290 лет назад и далее» (2020). Лауреат Международной гуманитарной премии «Совесть» им. А.Лиханова (2024). Живет в Омске.

Пустовая Валерия Ефимовна — литературный критик, писатель. Родилась в 1982 году в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова; кандидат филологических наук. Автор многочисленных публикаций в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и др. Автор книг критических статей, очерков и эссе «Толстая критика. Российская проза в актуальных обобщениях» (2012) и «Великая лёгкость. Очерки культурного движения» (2015). Лауреат Горьковской литературной премии (2005), премии «Дебют» (2006), премий журналов «Октябрь» (2006), «Новый мир» (2007), «Дружба народов» (2022), Новой Пушкинской премии (2008). Постоянный автор «ДН». Живёт в Москве.

Ольга Балла

Гари она гаром, эта машина времени!

Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ, Евгения ПАСТЕРНАК. Время всегда хорошее. — М.: Время, 2023. — 240 с. — (Время — детство!); Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ, Евгения ПАСТЕРНАК. Время всегда хорошее 2.0: повесть — М.: Время, 2024. — 320 с. — (Время — юность!)

За те полтора десятилетия, что миновали со времени выхода первого варианта книги Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак (а первое её издание вышло в 2008 году), книга заметно повзрослела. Сама книга в первую очередь, а не главные её герои Оля и Витя, которым так и осталось по двенадцать лет (правда, задачи перед ними встали существенно более серьёзные — и очень похоже на то, что это не обошлось без последствий для них самих). История же трансвременных путешествий Оли и Вити не просто обросла новыми сюжетными и смысловыми линиями — хотя да, она ими обросла: появились совсем новые персонажи; те, что были уже известны по первому варианту книги, стали объёмнее, содержательнее, индивидуальнее — а тем самым опять-таки сложнее; те из них, которые прежде составляли фон, очерченный довольно общими штрихами, — прежде всего родители главных героев — придвинулись ближе к переднему краю сцены, у них появились судьбы, характеры, проблемы, жизненные проекты, включая неудавшиеся, внутренние драмы и внешние конфликты (Олины родители в новейшей версии реальности вообще развелись). Некоторые из участников этого действия по таинственным соображениям изменили имена — во всяком случае, отчества (такое приключилось не только с бабушкой Жени Архипова — персонажем, кстати, очень значительным, почти-почти центральным, — была Александровной, стала Макаровной, вот и правильно, более редкое отчество повышает индивидуальность персонажа), но и с самым что ни на есть главным героем Витей, который тоже был Александровичем, а сделался Сергеевичем). А вот, например, Лев (не Романович, как в обоих вариантах книги постоянно путаются герои, а вовсе даже Залманович), спасённый во время войны Жениной бабушкой и в конце концов сыгравший решающую роль в судьбе её внука, обрёл фамилию, — теперь он Рывкин, что очень способствует насыщению его образа жизнью.

Но самое главное: книга в целом стала сложнее, глубже и трагичнее.

(А кстати: неспроста же и в названии серии, в которой вышел новый вариант книги, произошёл существенный возрастной сдвиг. Раньше это было «Время — детство!», теперь серьёзнее: «Время — юность!»)

Надо, конечно, признать, что и с самим временем, и с нами, его обитателями, произошло, в сущности, то же самое (переработка прежде изданных книг — это ведь тоже форма рефлексии о проживаемом времени)... Впрочем — всё по порядку.

Изменение, бросающееся в глаза уже на первой странице: главную героиню, Олю, авторы переселили из 2018 года в 2025-й. Напомним: первый вариант книги писался в 2007-м — так и хочется сказать, безмятежном — году, вышел в 2008-м, 2018-й оттуда виделся далёким будущим — настолько далёким, что можно было придумывать ему разговорную лексику, которой на момент написания книги не существовало: «нотик» в значении «ноутбук», «комик» — сокращение от реально бывшего в ходу в 2000-х и ныне, кажется, забытого слова «коммуникатор». Фактически герои сочиненного 2018 года общаются посредством хорошо знакомых нам смартфонов, разве что многие широко используемые сегодня программы и приложения — скажем, Вайбер, Вотсап, Телеграм — во время создания первого варианта книги были неведомы, они появились позже. Да, в их 2018-м коммуникаторы ещё и в трубочку скручиваются. Правда, на развитии событий в книге это совершенно не сказывается.

Что ж, 2018-й обернулся всё более далёким прошлым, радикальными техническими новшествами не порадовал, что пролегло между ним и нами — сами знаете. Чтобы книга — переиздававшаяся в исходном варианте вплоть до прошлого года — не оставалась памятником своему времени с его представлениями о жизни и устаревшими представлениями о продвинутой технике, а продолжала жить и волновать читательское воображение, необходимо было её переписать. Во многом — написать заново.

Тем более что воздух времени стал совсем другим — и авторам даже удалось расставить по тексту небольшие, но внятные указания на это.

В книге, законченной в 2024 году, Оля — практически наша современница. Ни в техническом оснащении её мира, ни в речи её ровесников не прослеживается никаких существенных отличий от того, что известно нам на собственном опыте. То есть максимальным приближением героини к нам во времени авторы резко снизили экзотизацию её жизни для своих читателей. Возможно, чтобы отождествить себя с ней юному читателю было ещё проще. Не очень понятно всё-таки, для чего было необходимо оставлять её в будущем, пусть и в ближайшем; фантастичности в повествовании и без того довольно. И к чести второго варианта книги — эта фантастичность (возможность перемещения во времени и сам механизм такого перемещения) там продумана и обоснована гораздо подробнее, убедительнее — да попросту интереснее, чем в первом! В изначальном варианте этот процесс вообще как-то смазан. Во втором — всё разъяснено весьма обстоятельно.

Важно: первый вариант «Времени...» — история практически ещё целиком школьная: школьные обстоятельства, школьные обыкновения, преодоление типовых школьных трудностей... Вариант второй — не выпускающий из внимания школы как основного места действия — история куда в большей степени человеческая. Школа тут — только повод (который, согласитесь, когда речь идёт о двенадцатилетних людях, миновать непросто). Коротко, чтобы опять же без спойлеров: если в первом случае проблема для Оли-2018 состоит в том, чтобы всего-то через три недели успешно сдать устные экзамены, а письменные писать, прямо-таки, о ужас, собственной рукой на бумаге да ещё и общаться при этом научиться («Делается это для того, чтоб вы, современные школьники, научились хоть немного владеть устной речью и писать ручкой по бумаге» — куда же, как не в 1980 год, съездить за такой практикой), то Оля-2025 — которая, правда, тоже должна сдать устный экзамен после пяти лет сплошного дистанционного обучения, — стоит перед куда более насущной задачей спасения человека. И даже не биографии его, как в обоих вариантах должен сделать Витя, но в прямом смысле спасения от смерти.

Да, во втором варианте книги появляется смерть. Полная гибель всерьёз — на что в первом варианте, более детском, не было даже намёка. Не собственная, правда,

смерть главных героев или кого-то из совсем уж близких им людей, тут авторы Олю и Витю пощадили, — но Олиной одноклассницы из 2025 года, которой в первом варианте не было, а во втором она предстала вначале как человек очень трудный, ей не то что помогать — с ней и общаться-то не хочется...

(Вот и ещё одно направление расширения внутреннего пространства юных читателей: что-то вроде подталкивания их внимания в сторону того, что, во-первых, у трудного человека могут оказаться весьма весомые и понятные причины быть трудным, во-вторых, этой своей трудностью он не исчерпывается и может оказаться совсем другим — по крайней мере, в актуальной временной ветке, и, в-третьих, — безусловно ценна жизнь любого человека, даже если он трудный.)

Но и того более: во втором варианте — при всём несомненном и очень понятном стремлении авторов максимально оберегать читателей от неразрешимых вопросов — начала чувствоваться ныне переживаемая Большая История.

Нет, она туда не ворвалась. Но тонким её сквозняком — сквозь узкие щели — уже потянуло.

Учитель-2025, объясняя ученикам необходимость сдавать устные очные экзамены и оправдывая затянувшуюся дистанционку, говорит: «Я всё понимаю <...> сначала ковид, потом... обстоятельства... Многим пришлось уезжать из страны...»

Всё, — все всё поняли. Безмятежности во втором варианте стало существенно меньше.

Кстати, в новой версии книги гораздо отчётливее прежнего обозначено, что место действия книги — Беларусь (ну это для 2018 и 2025 года, для 1980-го это Белоруссия, но тем не менее). Настолько отчётливее, что оно тут вообще стало хоть сколько-нибудь видно. В обоих случаях место действия как таковое проговаривается очень мало (не произносится даже само имя страны), специфика его никак не рефлексирована (а что, реально, чтобы в общении детей, вне всякого сомнения живущих в Беларуси / Белоруссии, этот факт вообще не отражался ни единым словом?). В первом варианте об этом нет речи почти совсем — разве что упоминание Минска как города, куда отца одного из героев в 1980-м могут послать на повышение (и этим, кажется, всё и ограничивается!). Во втором — где всё, в общем, тоже могло бы происходить хоть в Твери, хоть в Новом Уренгое, — кроме так же бегло упоминаемого Минска как некоторого центра нет-нет да и мелькнёт что-то такое, что даст понять: тут немного другая реальность. То красно-зелёный галстук местных пионеров (в 2025 году они, значит, в Беларуси ещё существуют...), то десятибалльная система оценок в школах (в первом варианте, в 2018-м, она тоже была; в постсоветской Беларуси она существует, кажется, с 2003 года). Там же, перекидываясь — для тренировки устной речи — мячом в игре «Я знаю пять имён...», когда речь заходит о городах, герои-2025 называют имена и белорусских городов тоже: «Я знаю пять городов: Гродно — раз, Варшава — два, Вильнюс — три, Минск — четыре, Витебск... Ура!» А сами они все живут в городе Г. (в первом варианте вообще не названном даже буквой), и есть признаки, едва заметные, но всё-таки, по которым можно догадаться, что это (не Гомель, а) Гродно, ведь это его назвали первым! Более того, в варианте 2:0 — правда, единственный раз — упоминается аж белорусский¹ язык! (Школьная мырма-2025 с садистической улыбкой обещает: «Значит, ваш класс будет сдавать итоговые экзамены ещё и по географии, биологии, белорусскому и английскому».) На всём пространстве первого варианта книги на нём никто никогда не говорит. Зато во втором небольшую часть своей большой русской реплики произносит по-белорусски Женина бабушка: «...Гари она гаром, эта машина времени!»

¹ Именно в таком орфографическом варианте — как в книге, — герои которой имеют на такой вариант несомненное право.

Вполне понятно, что авторами двигало стремление к универсальности, к тому, чтобы — уйдя от чисто локальной проблематики — создать именно претендующую на универсальность модель отношения человека с обстоятельствами, желание обращаться ко всем носителям русского языка и русской культуры, — но всё-таки местной специфики (которая на самом деле никакой универсальности никогда не противоречила) сильно недостаёт, она, кажется, только придала бы описанным тут событиям и достоверности, и полнокровности. Иначе эта история получается слишком дистиллированной.

(Немного поворчу, пока есть возможность: мыслима ли в 1980 году ситуация, в которой мальчика исключают из пионеров — а в пределе и из школы — лишь за то, что он принёс в школу испечённый бабушкой пасхальный кулич? Просто принёс и угостил других, а не убеждал их, что религия — это хорошо и правильно? Именно за кулич исключают из пионеров Женю Архипова, которого в обеих версиях книги спасает от обрушения всей последующей биографии его одноклассник Витя. Если бабушкину веру в предлагаемых авторами обстоятельствах (родилась она, как примерно можно рассчитать, во второй половине 20-х, воевала в партизанском отряде, открыто верующая в мире насаждаемого тотального атеизма, так сказать, практикующая христианка) ещё возможно в принципе допустить, то история с куличом совсем уж сомнительная: помним мы и этот 1980-й, и эту советскую школу, — кажется, такой свирепости тогда уже не было. Впрочем, для заострения конфликта, может быть... Но всё-таки хотелось бы чего-нибудь поубедительнее.)

Вот теперь стоит подробнее остановиться на том, что, по моему разумению, даже гораздо интереснее исторических обстоятельств с их сиюминутностью: модель времени и отношений человека с ним в новом варианте книги стала существенно более объёмной и сложной. Рискну сказать даже так: она усложнилась бесконечно.

Совсем уж спойлеров не будет, но главное, — так сказать, хорошая новость: у времени теперь много — скорее всего, бесконечное количество — ветвей с разными вариантами развития. Между ними возможно перемещаться, перебрасывая информацию с одной ветки на другую, — очень удобно, никакую материю тащить никуда не надо. Новость похуже: при этом могут возникать серьёзные проблемы, так что злоупотреблять этой практикой не стоит...

Вряд ли Жвалевский и Пастернак придумали такое бесконечно ветвящееся древо времён первыми, но это даже и неважно. Достаточно, что они заронили семя этого образа в восприятие своих юных читателей, и уж теперь он там развернётся — со всей своей освобождающей силой. Ведь интересно именно то, что такая многоветвистость времени и умение с нею обращаться (право, жаль, что с выполнением своих задач герои — Оля и Витя — утрачивают память о пережитом, а значит, утрачивают и умение волевым усилием перемещаться между временными ветками) дают гораздо больший, чем у нас с вами в нашем единственном временном потоке, простор личной инициативе, выбору и, в конце концов, чувству власти над собственной жизнью, над жизнью вообще.

И, может быть, самое важное (по крайней мере, безусловно в числе наиболее важного): в смысловой состав книги, на правах одного из её определяющих начал входит неудача. Во втором варианте героям не просто труднее — они несколько раз (!) терпят поражение. (Можно сказать, что это переосмысление всей конструкции личного мира каждого из главных героев — а тем самым и юного читателя, который, конечно же, непременно с ними отождествится.)

Авторы-демиурги дают Оле и Вите не только возможность в полной мере пережить опыт неудачи. Герои-то, в прежней жизни привыкшие к линейному и однонаправленному течению времени и, соответственно, к непоправимости ошибок и утрат, переживают — и то, что жизнь Жени Архипова после исключения из пионеров оказывается сломанной, и добровольную (!) гибель Алины под колёсами автомобиля

(и то и другое — дважды!). И да, в пределах каждой из соответствующих временных веток всё это в полной мере непоправимо. Щедрое авторы не просто покажут героям разные варианты развития событий после того, как цели достичь не удаётся, — они, что особенно ценно, позволяют переосмыслить ситуацию и сделать новую попытку. Каждому. И ещё того ценнее: именно самим додуматься до этой возможности и собственными силами её устроить. И не сдаваться, не сдаваться...

Развитие событий остановится (ну, то есть уйдёт за пределы повествования, куда воображение может смело за ним последовать) не прежде, чем это им — после нескольких попыток — удастся.

Правда, авторы проделывают с героями и ещё одну — важную, конечно, хотя бунтарям очень не хочется на такое соглашаться — терапевтическую по существу работу: догадываясь, что из данной нам в ощущениях временной ветки особенно в разные стороны не поскачешь, они потихоньку, под самый уже конец подводят Олю и Витю к идее принятия доставшегося каждому из них времени. К тому, чтобы изыскивать в нём конструктивные и утешительные стороны, использовать его ресурсы.

Кстати, спешу заметить: территория межвременья — ставшая во втором варианте Белой Комнатой — теперь существенно расширена и сделалась полноценным пространством размышления и принятия ключевых решений. Как бы туда попасть...

Олина одноклассница Алина, наконец, с третьей попытки, спасённая, спрашивает в межвременьи Женину бабушку — которой, по всей видимости, не придётся дожить до 2025 года: «...А вот если бы у вас был шанс вернуться куда-нибудь... Во время до войны. Вернуться и убить Гитлера. Вы бы этот шанс использовали?»

Любовь Макаровна аккуратно расправляет юбку на коленях.

— Я думала об этом, — говорит она. — Женя мне рассказывал, а я все думала... Прилететь в прошлое — и задушить гадину голыми руками. А потом пусть и меня убивают — всё равно... А потом я подумала, что я ж мужа своего встретила в партизанском отряде. И если б не встретила, — Женька бы не родился. И машину времени бы не изобрел. А потом я подумала, что ну и гари она гаром эта машина времени, главное — Гитлера убить, а всё остальное неважно. А потом подумала — ну да, война была... страшная. Но зато вы все, такие молодые и красивые, будете без войны жить. Потому что теперь-то, после такого ужаса, точно войн у нас не будет. Мы отмучились — и ладно.

У Алины перехватывает дыхание.

— Конечно, не будет, — глухо говорит она».

Бабушка же произносит очень справедливую мысль, — вторая часть которой делает всё возможное для того, чтобы перечеркнуть первую: «Время всегда хорошее <...> безжалостное только».

И необходимость это понимать и принимать, вмещаемая в умы двенадцатилетних подростков, — уж точно из числа самого важного, обрётённого книгой на путях её взросления.

Новый вариант книги — очень осторожно, но тем не менее — убавляет своим юным читателям оптимизма с его иллюзиями (вот и правильно, нечего обольщаться), зато добавляет ответственности и упорства.

Что ж, 2025 год совсем уже скоро. Вот и увидим, с чем придётся в нашей временной ветке работать — держа в уме ту освободительную мысль, что она — не более чем одна из необозримого множества возможных. И не сдаёмся, не сдаёмся.

Борис Минаев

Сказки на ночь

О настоящей любви, 10+

Мы с ней читали андерсеновскую «Русалочку», читали, как всегда, перед сном, когда за окном уже темнеет, и электрический свет от лампы кажется уютным, и тени на стене не пугают. Девочке (моей внучке) нравятся истории про любовь, про свадьбу, и я подумал о том, что, наверное, Ганс Христиан — это главный, если не единственный автор, который писал о самой настоящей любви для самых маленьких.

«Время было уже позднее, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и красавца принца. Разноцветные огни погасли, ракеты больше не взлетали в воздух, не гремели и пушечные выстрелы — зато загремело и застонало само море».

Я смотрю на девочку и пытаюсь вспомнить, как сам слушал в детстве эти книжки: тени на стене удлинились, предметы погружались в полумрак, иногда было страшно, но чаще — интересно.

Так ли это у нее? Не знаю. Благодаря аудиокнигам практически все сказки она знает, поправляет меня, если среди уже знакомых слов вдруг попадается незнакомое. И эту, и другие сказки Андерсена она помнит практически наизусть. Но всё равно слушает с широко открытыми глазами.

«Русалочка откинула мокрые волосы со лба принца и поцеловала этот высокий, красивый лоб».

В московском Театре юного зрителя — новый спектакль для самых маленьких. Наверное, мы пойдем на него, когда девочка вновь приедет в Москву.

Меня спектакль захватил (хоть вроде я и не целевая аудитория), — но ведь, думаю я, современные дети привыкли к киносказкам, есть ведь и диснеевская «Русалочка» (кстати, там-то всё кончается хорошо), где всё «по-настоящему», как и в других современных мультяках: настоящее море, настоящие волны, настоящие корабли и коралловые рифы, «настоящее» подводное царство.

На маленькой «сцене во флигеле» режиссёр Рузанна Мовсесян и художник Мария Утробина создали выдуманное, вымышленное, воображаемое пространство сказки (ну вот совсем как то, которое возникает, когда мы читаем её перед сном). Русалочка и её сестры, их бабушка и морская ведьма здесь тоже «самые настоящие», живые, они близко, их почти можно потрогать, а вот всё остальное: море, корабли, бури, замки, река и поля... — всё это зритель должен вообразить. Камешки, кораллы, бусы, гипсовая голова мальчика с затонувшего корабля, вазы и цветы, приход бури или погружение под воду, безумно красивый закат и жгучий полдень, — всё это рождается из музыки, из тончайшей игры света, и самое главное — из игры зрительского воображения.

Поэтому цена каждого актерского слова, каждого жеста и движения, каждой интонации, поворота головы — очень высока. Все четыре актрисы, живущие в этом воображаемом мире, должны очень в него верить. Вместе со зрителем.

Литературная «Русалочка», напомним, посвящена чуть ли не главной христианской диалектике: диалектике бессмертной души и бренного тела.

Расставаясь с русалочьим хвостом, героиня обретает невыносимую боль, способность любить и бессмертную душу.

Русалочка на «сцене во флигеле» московского ТЮЗа (Полина Кугушева) — это натура невероятно цельная, и абсолютно захваченная, одержимая своим жгучим любопытством, жадной познания чего-то другого, загнипнотизированная образом неизвестного мира...

Воображение зрителя как главная пружина спектакля и воображение Русалочки — здесь должны встретиться. Пересечься в одной точке.

Но кого же мы любим по-настоящему? Ради кого мы готовы на всё, на жертву, на боль, на полное, так сказать, потрясение своих основ? Что должно быть в этом человеке, в этом запечатленном образе?

...Мы любим того, кого мы можем спасти, защитить.

Нет, наверное, сильнее мотива для любви. Русалочка спасает принца — и не признается ему в этом. Её любовь бескорытна.

Но это — её выбор.

Выбор, проблема вечного выбора — становится в театральной сказке лейтмотивом: выбор между привычным и неизведанным, знакомым и чужим, между вечной радостью бытия и горькой любовью, наконец, между жизнью и смертью — как понять всё это маленькой девочке, пришедшей на спектакль?

Бабушка, а потом и Морская ведьма (Екатерина Александровна), дающая, как известно, Русалочке волшебное зелье, не искушает, а, напротив, отговаривает главную героиню, но, отговаривая — исподволь, даже не желая того, — подталкивает её к этому выбору. Это очень тонкая роль, роль для воистину взрослого, пережившего горе и радость, мудрого человека. Для большой актрисы.

И корабль плывет, и принц тонет, и Русалочка умирает в конце, и маленькие зрители сидят как зачарованные, а большие зрители — ну что там греха таить, тоже плачут.

Причем, видимо, каждый по своей причине.

А то, что диснеевский мультфильм, как всегда, «кончается хорошо», а не «как тут», ну так это ж, и правда, другой жанр.

Альтернативное прошлое. 16+

За длинным столом, где происходит чаепитие, сидит большая семья: глава семейства, дочери, зятя, внучка, друзья дома...

Похожая мизансцена была в спектакле РАМТа «Леопольдштадт» по пьесе Тома Стоппарда — только там была семья еврейская, живущая в Вене, здесь русская, собравшаяся в русской провинции, в усадьбе Ланиных. (Пьеса Бориса Зайцева так и называется — «Усадьба Ланиных».)

Сходство, казалось бы, лишь внешнее — в спектакле о холокосте и судьбе венских евреев речь идет о страшной человеческой трагедии, герои гибнут один за другим, и мы всё время помним о неизбежности их конца.

Здесь же, у Бориса Зайцева и режиссёра Алексея Бородина (того же, что поставил и «Леопольдштадт», — худрука РАМТа), напротив, всё полно жизни, страсти, посвящено

любовным иллюзиям и разочарованиям, почти все герои влюблены друг в друга — и в этом всё дело.

Там, в «венском» спектакле, действие разворачивается всю первую половину XX века, здесь речь идет буквально о нескольких днях, может быть, неделе.

И всё же кошки на сердце скребут на фоне всех этих жизнеутверждающих разговоров о любви: что же будет — *с этими?* Какая судьба ожидает героев «Усадьбы Ланиных» в 1917, 1918 году? Во время Гражданской войны? Во время крестьянских бунтов? Во время красного террора? Во время эмиграции?

Кому удастся через Финляндию или через Крым добраться до Парижа или той же Вены, кто не умрет от голода или тифа, кто не будет расстрелян и замучен?

Есть ли среди них такие — среди пятнадцатилетних, тридцатилетних и сорокалетних, среди шестидесятилетних?

Не думать об этом трудно.

Жизнь самого автора пьесы, Бориса Зайцева, сложилась относительно благополучно: он-таки добрался до Парижа, много писал, издавался и печатался в эмигрантской прессе, заслужил признание, номинировался на Нобелевскую премию, дружил с лучшими людьми своего поколения и писал о них, посещал литературные салоны.

И если бы не было эмиграции — то был бы заслуженным академиком и классиком и у себя на родине, в России.

И вот я смотрю на сцену и думаю о том, что летняя жизнь в этой усадьбе — в каком-то смысле и есть наше «альтернативное прошлое». Войди в октябре 1917-го «верные войска» в столицы, Петербург и Москву (как вошли они, например, в 1905 году), и не было бы переворота, и не было бы Гражданской войны и всего последующего.

И творчество самого Бориса Зайцева — тоже в каком-то смысле «альтернативное прошлое» русской литературы. А самое главное — «альтернативное прошлое» всей русской жизни.

Художник Максим Обрезков построил на сцене РАМТа большую усадьбу, настоящий барский дом с колоннами, флигелем, верандой, старыми деревьями, огромными окнами — и это тоже «альтернативное прошлое», ведь сколько их, этих усадеб, пожгли крестьяне, разрушили большевики — тысячи!

Россия *с теми* усадьбами и Россия без тех усадеб — принципиально разные миры, разные страны, как сейчас любят говорить, разные цивилизации. Весь мир старой России строился вокруг этих старых барских домов, с их культурой и атмосферой, они собирали вокруг себя и пейзаж, и быт, и отношения людей.

Юному зрителю, который только открывает для себя русскую литературу, — хорошо бы рассказать об этом «альтернативном прошлом».

Можно сколько угодно говорить о назревавших тогда социальных переменах — но усадьбы-то все равно жалко, нигде в мире так к своему прошлому не относились, не разрушали главные ценности, несмотря на все перемены.

Сам язык пьесы и речь героев Зайцева — тоже «альтернативное прошлое». Казалось бы, до боли знакомые чеховские интонации, характеры и драматургические повороты, этакая альтернативная «Чайка»: обманутые мужья, влюбленные девушки, уходящая дворянская жизнь, старые слуги, — но нет.

Ведь в каждой фразе Чехова сквозят отчаяние, безнадежность, разъедающая душу боль — ничего этого нет у героев Зайцева.

Они переживают свои драмы, влюбляются и пылают страстями совсем иначе — потому что искренне верят в свое будущее, не предчувствуют и не желают знать о грядущей катастрофе. Они верят, что «Усадьба Ланиных» будет стоять вечно.

В спектакле есть персонаж по фамилии Фортунатов (Максим Керин) — профессор, книжник, оторванный от жизни, восторженный «кабинетный червь», не замечающий того, что творится у него под носом, — в пьесе Чехова это был бы скучный и невыносимый человек. У режиссёра Бородина он один из важнейших персонажей: человек, говорящий со звёздами, очарованный русской природой и жизнью, глубокий и поэтический, как будто сошедший со страниц Андрея Белого символист и мистик.

Но, конечно, главный человек в спектакле — хозяин усадьбы Александр Петрович Ланин (Андрей Бажин). Вот уж кто, казалось бы, привычный нам карикатурный чеховский персонаж, резонер, отживающий свой век. Таким он и кажется поначалу. А в конце вдруг получается, что весь этот мир мы видим именно его глазами — туманными глазами человека, уже стоящего на пороге сердечного удара, понимающего, что жить ему осталось недолго, и оттого так влюбленного в эту жизнь, в своих очаровательных, красивых взрослых дочерей (Анна Тараторкина и Мария Турова) и во внучку Наташу, подростка, которая отчаянно начинает становиться женщиной (Анастасия Волынская), он влюблен и во все эти бесконечно странные подробности их жизни, и в пылающий закат, и в зарю, и в запах леса.

И если смотреть на мир его глазами, — то все складывается: и спектакль, и линии сюжета, и бесконечные монологи о любви. Ланин, умирая и уходя, формулирует, вроде бы так обыденно и ненавязчиво, но на самом деле очень сильно и остро, главный урок этого «альтернативного прошлого», урок для той и этой России: главное — это жизнь, ещё не расстрелянная, не девальвированная, не разрушенная. Жизнь, без которой нет ни высоких идей, ни «политики», ни любви, ни судьбы, ни семьи, ни нашей «ни на что не похожей» цивилизации, ничего.

А тот, кто разрушает эту жизнь намеренно и планомерно, — в историческом смысле проигрывает всё.

Summary

“To Read Just the Children’s Books”

“For example Greta Thunberg. Isn’t she a literary character?” – “Some day I read that the children having heard that they are the *guarantors of the future* renamed *guarantors* into the *grenades*... That’s what is really scary because after us there will be our children”. “Not so long ago the languid vampires were on trend, later – gymnasium dystopias, now the time of Korean dragons and girl-students in love with them has come, after that there will be clones, vampires again... Movement is life. Why do people read such books?” – “The most part of the readers of teenagers’ literature are the adult people”. Boris Minaev, Sasha Nickolaenko, Eduard Verkin, Nina Dashevskaya: from the speeches at the “round table” about the children and teenagers in the modern children’ and adult literature.

Poetry

Poems about Arsenij Tarkovskij of the Lipetsk poet Konstantin Komarov are from his cycle about Russian poets. Its characters constitute a kind of portrait gallery which had been “opened” in the March issue of “DN” 2023.

Laconic and sincere lyrics of the young poet Miroslava Bessonova from Ufa is based on the ground of childhood. The teacher and poet from Smolensk Anastasija Trifonova doesn’t promise light promenade through the life. But there is no need to despair: “If there is no happiness, humbling will be with us”.

Anatolij Tsurulnikov. The Diary of One Not Very Young Father

“Why the diary of the child’s life is interesting not only for his/her parents? Does the recognition mechanism work? Or in some private events captured on the paper some universal meaning which you haven’t noticed before is showing itself? But if the diary is perceived like an essay it means that our life with the child is something like a fiction. And you must just hear, put down, make the video of the flying moments: murmuring stream of words, passing cloud of a resentment, sunbeam of a smile... Is it really less important than our adult affairs?” – Thus is the message to the readers of the author – the academician of the Russian Academy of Education A. Tsurulnikov.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**
<https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044>

Подписной индекс в каталоге **Почты России** — **ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте
<http://дружбанародов.com>

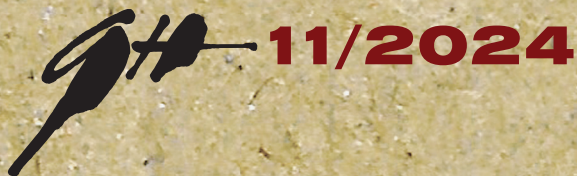
Журнал продаётся в магазине «**Фаланстер**»
Москва, ул. Тверская, 17
(вход с Малого Гнездниковского переулка)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

По страницам «ДН»

Прошло уже лет тридцать, а я до сих пор помню этот день, его несущественные подробности: бесконечный дождь, пустые автобусы, тусклый свет в книжном. /.../ Мы возвращались домой с бесценной находкой. Это была книга. Рэй Брэдбери. «Память человечества». Сборник, включающий в себя «451° по Фаренгейту» и рассказы о литературе. /.../ На Брэдбери настоял отец. Мама покупала на вырост одежду. Отец нашел книгу на вырост. Порой мне кажется, что всё, что было, и всё, что будет в моей жизни, включая Церковь и священство, определили двести страниц «Памяти человечества». /.../ Для мальчика, взрослеющего на фоне гибели большой и сложной родины, было особенно важно услышать благую весть о том, что тоталитарное рождается не извне, но изнутри человеческого сердца. Рождается там, где боятся благословенной сложности мира. Тоталитарное — вечное искушение бытия, его нелепо отождествлять с определенным строем или конкретной страной. И слово в «Памяти человечества» возникало на пути тотального как тихое, но действенное орудие сопротивления. Оно не только хранило и транслировало культуру. Слово держало мир.

**Дмитрий Трибушный.
«Слово спорит с самим небытием»**

«ДН», 2017, №11